

4(9),2018

РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

тема номера:

НОВАЯ ЦИФРОВАЯ ЭПОХА:
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ



ISSN 2541-965X

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА ЖУРНАЛА «РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ — RUSSIAN POLITICAL SCIENCE» — 2018 — № 4 (9)

*Тема номера: «Новая цифровая эпоха: информационные технологии
в современной политике»*

От редакции	2
Раздел I. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ НОВОЙ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ	3
Володенков С.В., Чулков Д.И.	3
Эндре Кисс	9
Раздел II. ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ	16
Леви Д.А.	16
Алексеев Р.А.	27
Раздел III. ПРАВО И ДЕМОКРАТИЯ В НОВУЮ ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	33
Карцхия А.А.	33
Каратеев А.Ю.	39
Раздел IV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ	47
Чихарев И.А., Бровко В.Ю.	47
Ющенко В.А.	55
Раздел V. СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА «ЛУЧШАЯ СТАТЬЯ МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА — 2018»	62
Мокрая Е.А.	62
Николаева М.В.	66
Сакулин С.В.	72
Садов К.С.	79
Сафонов И.Е.	83
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ	89
Божко Д.Е.	89
Summary	93
Информация для авторов	99
Оформление статей	99
Редакционный совет	101
Редакционная коллегия	103
Редакция	105

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляем очередной номер нашего журнала, который посвящен информационным технологиям в современной политике. Сегодня невозможно представить повседневную жизнь без использования современных способов коммуникации. Компьютер и мобильный телефон, подключенные к глобальной сети Интернет, уже практически стали неотъемлемой частью человека в современном обществе. Можно уже говорить о формировании новой реальности — цифровой, которая постепенно начинает конкурировать с реальной действительностью, и это новые возможности и новые вызовы для всего человечества, в том числе и в политической деятельности.

Как влияют новые цифровые технологии на государственно-правовые отношения, на развитие демократии, на избирательные процессы, на экономическую политику государств, на международные отношения и безопасность — это лишь часть проблем, которые исследуют авторы статей настоящего выпуска журнала.

В выпуске опубликованы статьи докторов и кандидатов наук, а также молодых, начинающих авторов, которые принимали участие в международном конкурсе «Лучшая статья молодого политолога — 2018» и в научные интересы которых входят социально-политические проблемы

современного информационно-технологического общества.

Авторы журнала представляют следующие учебные заведения России и зарубежных стран: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Севастопольский государственный университет, Университет имени Лоранда Этвёша (Будапешт), Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Московский государственный областной университет, Кубанский государственный университет, Донецкий национальный университет и Ульяновский государственный университет.

В журнале опубликована статья о благотворительном фонде «Рекурсия». Данный фонд оказывает стипендиальную поддержку студентам, в том числе и студентам-политологам. Также фонд реализует и менторский проект, который уже смог себя зарекомендовать и получить поддержку ведущих российских компаний и организаций.

Редакция журнала считает, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания. И желает авторам и читателям журнала творческих успехов и новых исследований!

Редакция журнала «Русская
политология —
Russian political science»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье рассматриваются методы, используемые субъектами политической коммуникации, для конструирования современной массовой социально-политической реальности. Отмечается, что в настоящее время данные методы отличаются от предшествующих, не последнюю роль в данном процессе играет феномен «трансмедиа». Особо подчеркивается, что существующая медиакультура в большей степени удовлетворяет интересам высоких социальных субъектов. С учетом анализа различных источников делается вывод о важнейшей роли медиа в конструировании социальной реальности.

Ключевые слова: медиа, политические коммуникации, средства массовой информации, трансмедиа, медиакультура, симуляция.

Авторы

Володенков Сергей Владимирович

Профессор кафедры государственной политики
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор политических наук
(Москва, Россия)



Чулков Дмитрий Игоревич

Студент магистратуры факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)



Феномен современной политической коммуникации является неотъемлемой частью нашей жизни. Это не только новости и информация, не просто развлечение и образовательный инструмент. Политическая коммуникация в настоящий момент — это, прежде всего, инструмент социального контроля со стороны тех или иных лиц, учреждений, стран и т.д. Немецкий политолог К. фон Байме написал на данный счет: «Иметь важную информацию — значит, иметь власть; уметь отличить важную информацию от неважной означает обладать еще боль-

шей властью, возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть» [12]. Итальянский философ У. Эко сделал не менее пророческие выводы: ученый считает, что, как когда-то во времена Средневековья, одни читали, а другие ходили в церковь, так и теперь — одни потребляют информацию, а другие проводят ее тщательный отбор [11].

По словам австрийского исследователя медиа Ш. Вебера, современные медиа во многом обладают двойственной ролью: с одной стороны, они

генерируют социальную реальность, с другой, отображают ее. «Конструктивность» медиа — это тенденция, которая пронизывает средства массовой информации, создающие сознательно и бессознательно свою собственную реальность. Более того, Вебер указывает на тот факт, что методы, которыми пользуются акторы при конструировании реальности, «...становятся все более изощренными, технически продвинутыми и экономически мотивированными». В связи с этим автор вспоминает о тенденции СМИ превращать «...все в развлечения или вымысел, ускорение, коммерциализацию, экономизацию» [16].

Для конструирования массовой социально-политической реальности современные медиа используют самые различные технологии.

Становятся менее притягательными так называемые «жесткие» методы по воздействию на потоки информации: цензура, принудительное закрытие СМИ, конструирование законодательных рамок и т.д. Думается, что в данном случае сказываются большие издержки этих предприятий: от финансовых до репутационных.

Регулярно размещая новую информацию (или повторяя информацию из других источников), медиа создают иллюзию у современного человека о его причастности к событиям, происходящим в глобальном обществе. При этом данные события могут никак не затрагивать личную жизнь этого человека. Однако образ реальности настаивает на своем исключительном положении, вне которого жизнь человека невысказана. Они вводят и внедряют, как бы сказал Ж. Бодрийяр, «диктатор реальности» [2]. Представляемая картина реальности является раздробленной, односторонней, исключает альтернативу, зачастую даже противоречит реальным общественным проблемам и сложностям. Проблема «маленького человека» в такой медиареальности регулярно опускается, а если и упоми-

нается, то чаще всего касается взаимоотношений этих «маленьких людей» с их правительствами и «хозяевами». Таким образом, политические акторы выигрывают в данном случае за счет безальтернативности информационного потока. Как бы сказал по этому поводу английский писатель С. Батлер, «...общественность покупает свои мнения так же, как покупает молоко, потому что это дешевле, чем держать собственную корову. Только тут молоко состоит в основном из воды» [6]. Государство, которое не может контролировать своих граждан силой (ввиду имитации демократии), контролирует их мысли.

Лучший способ управлять мыслями и идеями — это создать иллюзию диалога и коммуникации. Для зрелищности данного диалога можно сделать определенные допущения, которые, по сути, будут являться рекламой системы. Скелетом данной системы коммуникации могут являться блогеры, ведущие журналисты, военные, известные политики, так называемые эксперты и т.д. Все они объединены одной общей целью: согласие производителя и потребителя в форме и содержании медиапродукции. От реальных проблем повседневности (бедность, финансовые риски, отсутствие социальных лифтов, ущемление прав и свобод) с обложек ведущих изданий сходят образы тех или иных зачастую преувеличенных проблем маргинального характера (участь сексуальных меньшинств, так называемое гендерное неравенство, ущемление чернокожего населения, расовые погромы и т.д.).

Посредством пояснения и интерпретации медиа конструируют социальную реальность таким способом, при котором к изначальной информации добавляются некоторые элементы, удовлетворяющие интересам центров силы или группам интересам. Используются и другие методы манипуляции: умолчание, полуправда, «наклеива-

ние ярлыков», «спираль умолчания», «информационная перегрузка», метод отвлечения, метод создания фактов, «эдиповский комплекс», метод семантического манипулирования, метод утечки секретной информации, метод «средних цифр», рейтинги политиков, метод введения в тоннельное сознание, метод «общего вагона», метод универсальности и другие, описанные у С.В. Володенкова [4].

Кроме этого, в обществе создается господствующая и желательная культура, медиакультура, ретрансляция которой на каждого конкретного человека осуществляется усилиями всех социальных образований. Ключевой термин для постмодернистской медиакультуры был изобретен Бодрийяром — «симуляция». Как писал в свое время философ, «...представьте себе нечто прекрасное, впитавшее всю энергию уродства: там у вас есть мода... представьте себе истину, которая впитала всю энергию лжи: там у вас есть симуляция». Ключевой способ имплементации данной медиакультуры — стирание границы между ложным и истинным, а также между реальным и воображаемым. «Симулякр — это вовсе не то, что скрывает собой истину, — это истина, скрывающая, что ее нет», — писал Бодрийяр [2]. Ключевой способ защиты данной медиакультуры — апелляция к теории заговора при возникновении любого критического анализа. Данная ненаучная категория, «теория заговора», представляет собой инструмент, используемый современными режимами для манипулирования общественным мнением, позволяет проводить в жизнь почти любые мероприятия заинтересованных в этом политических акторов при распространении страха перед кем-то или чем-то, способным разрушить существующий порядок вещей, сделав жизнь граждан еще хуже.

Парадокс политической коммуникации на сегодняшний момент заключается в том, что именно она,

призванная давать ответы на те или иные общественные запросы (в связи с концепцией Д. Истона [14]), запрещает их, препятствует процессу обмена за исключением искусственно конструируемых запросов и заранее готовых ответов на них, что еще больше усиливает одностороннюю связь.

На службе у политических акторов, конструирующих социальную реальность, находится также габитус. Французский социолог П. Бурдьё отмечает, что габитус, являясь формой практики, воспринимается как некоторая возможность действия [3]. Каждый человек регулярно так или иначе интерпретирует социальную действительность, понимая, на что может претендовать, а на что нет, иначе говоря, ищет свое место в существующем многообразии. При интерпретации тех или иных предметов и объектов социальной действительности мы всякий раз переводим одну систему знаков в другую, даже не замечая этого. Иначе говоря, открывая научную статью, мы ожидаем увидеть текст. Возможно, к нему будут добавлены графики, изображения и т.д., но на месте научной статьи, как подсказывает наш габитус, точно нельзя обнаружить, скажем, сказку с картинками. Согласно Бурдьё, навязать обществу все, что угодно нельзя, но то, что имеет смысл в рамках габитуса, — можно [3]. Для этого достаточно знать наиболее типичное представление человека о социальной действительности и считывании знаков, а можно и вообще участвовать в формировании новых габитусов. Специфику нашего времени хорошо подметил российско-американский историк культуры и антрополог С.А. Ушакин, сказав, что современному обществу оказались «...нужны знаки, которые считываются, но которые, строго говоря, не читаемы» [10].

Одним из методов коммуникационных технологий XXI века принято считать тихую технологическую революцию, глобальная оцифровка которой позволила соединить слова, символы,

изображения и звуки в единое целое, повышая привлекательность в глазах потребителя и, следовательно, эффективность. Развитие технологий на текущий момент в разы ускоряет скорость потоков информации, работает над новыми способами донесения медиаконтента (к примеру, приложения дополненной реальности). Не стоит забывать также о новых девайсах: противоударные ноутбуки, противоводные смартфоны, защищенные планшетные компьютеры, MP3/4/5-плееры, наручные часы, компьютеризированные солнцезащитные очки, браслеты, беспроводные наушники — все это и многое другое упрощает доступ к получению информации, позволяя отслеживать медиаконтент в любом месте в любое время.

Было давно признано растущее значение алгоритмов в Интернете (который все чаще обозначают с маленькой буквы, акцентируя внимание на распространенность технологии). Потребление медиа и поведение в глобальной паутине в целом находятся в настоящий момент в значительной зависимости от автоматического алгоритмического отбора.

Современным медиа присуща известная степень интерактивности: при помощи приложений пользователь может активно вмешиваться в конструирование реальности, становиться полноправным ее создателем. Интересным здесь оказывается исследование инструментов, используемых при конструировании человеком медиаконтента, проведенное американским исследователем российского происхождения Л. Мановичем. Этот исследователь соглашается с возросшим уровнем креативности нового поколения, но одновременно пишет о том, что все современные создатели контента делают его из готового материала, собирают новую форму из уже готовых элементов, пользуются приложениями, формы которых так или иначе задают правила будущей продукции [8].

Другой американский философ Г. Дженкинс развивает тему культуры участия, основная мысль которой заключается в самопрограммируемости участников медиакommunikации. Он пишет о том, что в настоящий момент уже невозможно увлечь аудиторию универсальным контентом, конструируемым тем или иным актором: государством, транснациональной корпорацией и т.д. Современный потребитель вырос и требует права на создание. Однако грустить группам интересов не приходится, ведь подавляющее число людей не обладает соответствующими знаниями в области программного обеспечения, являясь по отношению к нему подчиненным звеном — человек пользуется, но не понимает. В таких условиях становится легче создать такую структуру, при которой контент будет создавать сам себя. Но задание правил и рамок данной структуры — это уже область действия менеджеров политических систем. Творцам контента в данной структуре отводится основное пространство в создании продукта, потребляемого слушателями и зрителями (а впоследствии теми же создателями). Дженкинс также вводит новое понятие для своей системы — «трансмедиа». Интересно, что американский философ и культуролог замечает, что создатели трансмедийных проектов могут получить в качестве продукта от пользователей совсем не тот продукт, который они ожидают, — таким образом, в данном случае можно говорить об абсолютной неконтролируемости и непредсказуемости данного контента [15].

Кроме всего вышеперечисленного, в конструировании общественного сознания хочется выделить роль самого общества XXI столетия, которое во многом способствует существующему порядку вещей. Большое число людей упорно продолжает верить ключевому СМИ, используемому для политического управления в современных государствах, по мнению политологов

Е.Б. Шестопа́л и М.Г. Анохина [4], — телевидению. Многие включают телевизор, что называется, «для фона». Меж тем, С.Г. Кара-Мурза заметил бы, что «человек, который приготовился узнать факты, с трудом может защититься от внушаемого ему вместе с этими фактами мнения о них» [6].

Восприятие информации все также в лучших традициях Лазерсфельда осуществляется через лидеров общественного мнения [6]. Это происходит ввиду множества причин, одна из которых — потеря чувства ответственности. Мы все больше привыкаем снимать с себя ответственность за происходящее. И речь не только идет о государстве, но даже о ситуациях в повседневной жизни. «В чем суть подчинения? Человек рассматривает себя как оружие чужих желаний, а потому снимает с себя ответственность за поступки. Это типичный образ мышления огромного числа людей, привыкших к своему положению в системе. И исчезновение чувства ответственности — самое далеко идущее последствие такого подчинения», — писал социолог С. Милгрэм [9]. Как результат — на место нравственности в существующую общественную культуру посредством медиа встраивается административная практика с ее представлением о добре и зле. В качестве добра в данном случае следует понимать покорность и лояльность, а в качестве зла — рассуждение и невыполнение приказа. Писатель М. Лернер отмечал по данному поводу: «У современного человека возникает мешанина понятий и никакой взаимосвязи событий. Единственная система,

в которую он способен подставить отдельные факты, — это система стереотипов, уже сложившихся у него в голове. Это система, ориентированная, главным образом, на соревнование и борьбу, где понятия добра и зла принимаются на веру» [7].

Таким образом, современные политические коммуникации оборачиваются монополией, при которой реальные рычаги конструирования формы будущих запросов и ответов находятся в руках различных политических акторов: государств, корпораций, различных групп интересов. Главным становится не контент, а механизмы, технологии и модели коммуникации. Пользуясь знанием программного обеспечения, а также различными вышеперечисленными технологиями, современные медиа занимаются формированием ценностей, символов, кодов, скрывая за ширмой развлекательных программ и зачастую преувеличенными невзгодами маргинального характера реальные проблемы. Выявить и отбросить проблему для современных политических авторов оказывается задачей куда проще, чем найти путь к ее решению. Если римские ораторы учили своих сограждан «быть, а не казаться», то современные поступают противоположным образом. Объемы современной информации сопутствуют успеху заинтересованных сторон — ведь большой поток этой самой информации не оставляет даже ученым ни малейшей возможности для тщательного анализа. Итог плачевный — большинство верит информации, позволяя ей активно владеть собой.

Литература

1. Анохина Н.В. Влияние средств массовой информации на электоральное поведение: основные подходы // Социология. — 2005. — № 1. [*Anohina N.V. Vliyanie sredstv massovoj informacii na jelektoral'noe povedenie: osnovnye podhody // Sociologija. — 2005. — 126 с.*].
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. — М.: Постум, 2015. — 238 с.
3. Бурдьё П. О телевидении и журналистике / Пьер Бурдьё; [Пер. с фр. Т.В. Анисимовой. Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко]. — М.: Прагматика культуры и др., 2002. — 159 с.

4. Володенков С.В. Управление современными политическими кампаниями: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030200 «Политология» / С.В. Володенков; редкол.: д. ист. н. А.Ю. Шутов (пред.) [и др.] МГУ им. М.В. Ломоносова, Фак. политологии. — М.: Изд-во Московского университета, 2012. — 310 с.
5. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти / М. Геллер, А. Некрич. — М.: МИК, 2000. — 855 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Век XXI / Сергей Кара-Мурза. — [Юбил. изд., перераб. и доп.]. — Москва: Алгоритм, 2015. — 462 с.
7. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке: Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня: [В 2 т.] / Пер. с англ. [В. Борисова и др.]. М.: Радуга, 1992. — 468 с.
8. Манович Л. Язык новых медиа / Лев Манович; [перевод Дианы Кульчицкой]. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 399 с.
9. Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль: перевод с английского / Стэнли Милгрэм; [предисл. Филипа Зимбардо пер.: Г. Ястребов]. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 281 с.
10. Телин К.О. Мертвая рука / Как обсуждение прошлого лишает нас настоящего, 22.05.2017 // [Newrepublic.ru](http://newrepublic.ru). URL: <http://newrepublic.ru> (дата обращения — 10.12.2018).
11. Умберто Э. История Средневековья: Энциклопедия / Под ред. Умберто Эко / [пер. с итал. Т. Никитинской и др.]. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — 445 с.
12. Устинович Е.С. Политико-информационная деятельность органов государственной власти и структур гражданского общества: (На материалах Федер. Респ. Германии): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. полит. н.: Спец. 23.00.02 / Устинович Е.С.; [Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации]. — М., 2001. — 23 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2009. [FrommJe. Begstvo ot svobody]. М., 2009. — 269 с.
14. Easton D. A framework for political analysis: [With a new pref.] / David Easton. — Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1979. — 142 p.
15. Henry Jenkins, Sam Ford, Joshua Green. Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture / Henry Jenkins. NYU Press, 2013. — 284 p.
16. Weber Stefan. Was heißt «Medien konstruieren Wirklichkeit»? Von einem ontologischen zu einem empirischen Verständnis von Konstruktion / Weber Stefan // Medienimpulse. Beiträge zur Medienpädagogik. — Heft 40. — 2002. — 182 p.

АРХИВЫ В КОНТУРАХ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗНАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается постмодернистская идея архивирования, которая родилась во времена, предшествовавшие персональному компьютеру, и с самого начала несла в себе знак истинного парадокса. Этот парадокс всегда колебался между невозможностью и технической осуществимостью архивирования. Сегодня весь вопрос о принципах архивирования вернулся полностью.

Автор считает, что ПК сделал архивирование возможным, эффективным и экономичным способом. Каждое знание стало теперь интегрируемым, но ПК удалил только трудности физической интеграции, однако не довел до конца случайность процесса интеграции. ПК даже узаконил идею о том, что техническая интеграция не обязательно должна идти вместе с концептуальной интеграцией. В результате архивирование развилось в сторону энциклопедизма случайности, в то время как великая энциклопедия XVIII века, несмотря на свою лексическую структуру, была интересна своей истинной интеграцией знаний. Здесь начинается осознание того факта, что философия (в значительной степени задуманная: вся философская дисциплина) до сих пор мало имела дело со знанием как знанием.

Архивирование также социализирует знания на пути бесчисленных индивидуально социализированных файлов знаний. Так возникшая категория социального становится, таким образом, не только новой категорией наших дней, но и новой категорией нового типа настоящего.

Ключевые слова: архив, мировая сеть, демократия, Борхес, Фуко, интеграция знаний, постмодернистская массовая культура, социализация знаний.

Автор

Эндре Кисс

Профессор истории философии
Университета имени Лоранда Этвёша (Будапешт),
профессор Еврейской интеллектуальной истории
Будапештского университета еврейских исследований
(Будапешт, Венгрия)



Возможность «архивировать» в *Worldnet*, создание «архивов» различных типов не вполне является тем, что могло бы шокировать в хорошем смысле слова внимательного читателя. Оценить это совершенно непросто. Здесь мы снова имеем дело с *радикальным революционным изменением*, которое измученное и интеллектуально уже не восприимчивое повседневное сознание вряд ли может адекватно осмыслить. Речь идет также о странном следе, оставленном новой современной демократией, ведь именно постоянное изменение взаимоотношений создает естественные препятствия на пути как адекватного

признания содержания, так и способностей, что было бы крайне необходимо для восприятия возможностей, необходимых современной демократии¹.

Процесс оказался слишком увлекательным для того чтобы набраться духу и с молниеносной скоростью подвергнуть общество постоянным радикальным изменениям. Не менее увлекательно и то, что не перестают запускаться новые технико-медиа-

¹ Здесь, очевидно, имеется в виду императивное развитие демократической компетентности для современной демократии, компоненты которой в большинстве своем носят интеллектуальный характер и поэтому неразрывно связаны со «знанием».

ные инновации по дифференциации. И в настоящее время не предвидится возникновения понятной социологии, которая бы объяснила нескончаемые дифференциационные процессы. Однако мы можем понять (даже если объективно ни при каких обстоятельствах это не подтверждается), что для многих реакция на непрекращающееся радикальное изменение культурного и социального капитала заключается в том, что различия между отдельными социальными группами, по-видимому, становятся все более значительными¹.

Основополагающую идею архивирования можно интерпретировать как одну из первых настоящих, неподдельных идей постмодернизма (даже если определение само по себе далеко не фиксировано). Это произошло на границе шестидесятых и семидесятых годов в то время, которое позднее, возможно, будет названо решающим. Все началось с *Борхеса* и *Фуко*, которые на самом деле стояли на плечах друг у друга и сделали друг друга одинаково и повсеместно известными, отказались от «архивирования» как понятия, однако использовали для этого *два совершенно разных философских подхода*. Интеллектуальное торжество вопросов о фундаментальных различиях вряд ли могло бы иметь место и в один момент стать характерным для интеллектуального развития в последней трети XX века. Впечатление всегда усиливается, если подходить с нескольких сторон: познавательного-социологического и идеологического анализ многих ведущих идей современности недостаточно глубок, еще остаются некоторые перво-степенные термины, значение которых слишком размыто и неясно.

Борхес оставил основную концепцию архивирования в некоторой степени неопределенности. Подобный

факт может быть интерпретирован, во-первых, как демонстрация крайней относительности какого-либо упорядочивания дискурса, то есть любого допустимого разделения знаний по областям, во-вторых, как демонстрация относительности, которую невозможно преодолеть какими-либо знаниями, в-третьих, как доказательство невозможности интегрированности знания, похожего на архивированное, но, с *другой стороны*, как доказательство того, что знание при необходимости может быть подверженным интеграции в своей основе (парадоксально), что можно привести примеры неинтегрируемого знания, выступающего как единое целое, еще до революции в вычислительной науке с помощью некоторых культурных методов. По другой, собирательной, версии, центром которой является сам *Борхес*, архивирование невозможно потому, что оно неизменно разрушает отдельные элементы знания в определенный момент времени, когда оно является неизменным.

Однако подобная невозможность прямо *порождает* необходимость и мотивацию архивирования. Из этого суждения *М. Фуко* выдвигает посредством *крайней степени упрощения* тезис о всеобщей и вечной произвольности знания, исходящей из заключения о различиях и политической власти, и впоследствии выстраивает на нем свою концепцию архивирования.

Полезным будет также отметить на данном этапе, что обе не согласованные между собой точки зрения появились еще *до триумфа ПК*, т.е. до периода создания электронной сети. Подобное означает, что нынешняя проблематика архивирования восходит к противоречивой истории сотворения, иными словами, к слишком *противоречивым мифам о сотворении*.

В то время как основная идея архивирования сохраняет на сегодняшний день свой относительный характер, электронное архивирование разрабатывается в том же контексте, что и

¹ Очевидно, наконец, что рассматривать каждый прогресс как фактор усиления социальных различий не является до конца адекватной реакцией.

любая безнадежно конструктивная и продуктивная отрасль. Персональный компьютер, несомненно, сделал более понятной основную проблематику архивирования, или просто сделал ее более гармоничной. В особенности это справедливо для Фуко, чья история науки¹ очень вольно опускает основополагающую научно-интеграционную науку XIX века (как, кстати, он совершенно игнорирует XIX век вообще, а также Маркса, Дарвина и Фрейда). Неслучайно, что ни истории идеологий, ни историзму, ни герменевтическим наукам о культуре и образовании не уделено должное внимание, что в основном означает, что Фуко не рассматривает их в качестве дисциплин, которые могли бы и сегодня внести свой вклад в материальную основу архивирования знаний.

Столь характерно, что постмодернистская идея архивирования родилась во времена, предшествовавшие ПК, и с самого начала была отмечена знаком истинного парадокса. *Этот парадокс всегда колебался между непреодолимой невозможностью и технической осуществимостью архивирования.* Таким образом, все вопросы о принципах архивирования остались практически полностью нерешенными.

Невозможное стало возможным совершенно не предусмотренным образом. Революция в информационных технологиях, принявшая свою до сих пор существующую форму в ПК, указала на путь их развития. Огромный *конструктивный* путь вперед, однако, не разрушил окончательно *все деконструктивные* элементы. ПК сделал архивирование возможным, эффективным и экономически оправданным, в то время как в области персональных ком-

пьютеров революционные достижения объяснялись через призму официально зафиксированной случайности.

Любое знание стало теперь интегрируемым, ПК исключил «лишь» все трудности, связанные с «физическим» обобщением, однако не ликвидировал полностью возможность вмешательства случайности в процесс интеграции и случайности самого процесса интеграции. ПК даже узаконил идею о том, что техническая интеграция не обязательно должна происходить вместе с концептуальной интеграцией. В результате архивирование переросло в *энциклопедизм случайности*, в то время как Большая энциклопедия XVIII века, несмотря на свою лексическую структуру, была интересна своей истинной интеграцией знаний.

Науку, даже новую науку о знаниях, можно заархивировать. Однако если мы намерены идти по этому пути, мы столкнемся с неожиданной трудностью: нам не удастся быстро дать комплексное и современное *определение знания*. В этот момент мы осознаем, что философия (в широком смысле — вся дисциплина о философском мышлении) до сих пор мало имела дело со *знанием как таковым*.

На сегодняшний день установлено, что в течение последовательно сменявшихся друг друга исторических периодов мы постоянно имели дело с конкретным типом знания и всегда молчаливо предполагали, что это конкретное знание идентично *обобщенному понятию «знания»*. В этом кроется момент истины. Знания всегда считались правильными и правдивыми — общая проблематика знания фактически пропала из поля зрения теоретического, а значит, и практического интереса.

Глобальный проект архивирования дополнительно раскрывает все разногласия и противоречия, которые обычно возникают между медиатизацией и ее использованием, а также между системой и ее доступностью. Также при архивировании допускается следую-

¹ См.: Michel Foucault S. Die Ordnung der Dinge. Frankfurt am Main, 1999. (1-е изд. франц. яз., 1966) — просто поразительно, с каким философским уважением научное сообщество принимает концепцию переписанной истории науки, намеренно обходя вниманием роковые события XIX века.

щее противоречие, которое заключается в том, что, *хотя технологически доступ является неограниченным, в интересах рыночной экономики он может быть сознательно ограничен.*

Еще одно противоречие заключается в том, что художественная литература, выложенная в сеть, является одновременно (все еще) персональной и (уже) функционально-безличной. В этих условиях становится все более проблематичной ситуация, когда автор намеревается, в том числе и на волнах новой медиатизации, сохранить традиционную авторскую роль. Не менее крупное противоречие заключается в том, что во время архивации знаний возникает беспрецедентно масштабный феномен «памяти», и эта способность вспоминать, до сих пор до конца не понятая, может быть полностью уничтожена¹.

Архивирование неизбежно ведет к *демократизации и социализации* любых знаний. Однако демократизация и социализация происходят независимо друг от друга и своеобразно. Тем самым подобные процессы напоминают о том, что сегодня повсеместно происходит в сфере так называемой *массовой культуры*. Получается, что, обладая современными средствами коммуникации, в условиях современных форм жизни и исходя из структуры современных культурных потребностей, каждый *человек индивидуально формирует свою массовую культуру*. Архивирование также демократизирует и социализирует знания на пути бесчисленных *индивидуальных* файлов знаний. Демократизация и социализация порождают новый монадный мир, в котором отдельно взятая монада сама по себе

потенциально может воссоздать всю совокупность знания. Подобным образом возникающая категория социального становится не только новой категорией нашего времени, но и *новой категорией нового типа* настоящего.

Однако это не последнее утопическое измерение в структуре архивов. Архивирование может, в частности, привести, с учетом его технических особенностей, к социализации знаний, по своей сути *независимых от власти*². Итак, вновь возникает старый вопрос. Возможно ли, что интерпретация понятия «знания», необходимая для его структурирования, снова попадает в категорию власти? *Архивирование порождает безвластную утопию в истории знания*. Такая возможность, однако, может беззвучно и бесшумно пройти незамеченной, если структурирующая интерпретация раскрывает себя в знании в той же мере, что и социальная сила. Таким образом, архивы могут быть преодолением силы в организации знания или — диалектически — быть обычным воспроизведением силы в этой функции. Так, архивы могут быть воплощением утопии безвластно организованного знания или — диалектически — новым воспроизведением интерпретирующей силы, распространяющей знание. Это применимо равно к потенциальной реализации знания и к потенциальному преодолению в той же форме.

Кроме того, вышесказанное можно отнести к странной нерегулярности, даже к разноплановости положения, при котором архивирование как утопия будто бы завершается, равно как и дискуссии о том, быть/не быть, о характере и природе общества знаний, которые еще не решены до конца.

¹ Впрочем, здесь следует отметить два важных момента. С одной стороны, беспрецедентный глобальный характер архивов лишь напоминает о беспрецедентных глобальных потребностях. С другой стороны, тот же самый архив является исправным, неповрежденным и просто технически безопасным в этих сложных условиях.

² Оставим в стороне историко-теоретическое измерение, как и в какой мере исключительно «власть» способствовала формированию существенных форм знания. Мы не разделяем радикальной концепции в этой проблематике, тем не менее не можем не рассматривать в данном случае теоретическую проблематику власти.

Звучит как совпадение, но как раз на рубеже 2005/2006 г. Б. Гейтс начинает новую кампанию по пересмотру природы знаний или общественных знаний. С оглядкой на усилия, прилагаемые постоянно в течение десятилетий, чтобы определить специфику общественной информации и знаний, внезапный теоретический энтузиазм Б. Гейтса сохраняет *бризантность*. Это происходит потому, что с точки зрения глобализации и общественных знаний (назовем только эти два наиболее важных примера) чисто теоретические и чисто практические интересы могут быть отделены друг от друга только ценой преодоления сложнейших трудностей. Главное преимущество глубокого теоретического понимания важно для всех, кто непосредственно вовлечен в процесс, причем не только для инициатора, но и для посредника понимания, так что определение информационного общества с самого начала является наиболее практически обусловленным¹. Таким образом, недавно усилившаяся критика со стороны Б. Гейтса не имеет четкости; критика, в которой он внезапно оглядывается назад, основывается на том, что выражения «информационное общество», «информационный век» и тому подобные не соответствуют характеру развития последних десятилетий. Он также сразу указывает на то, что информация является чем-то ограниченным, и, действительно, информация, в конце концов, — это всего лишь формулировка данных, фактов и базовых материальных знаний. В продолжение своей мысли Гейтс обращает внимание на то, что знание в каком-то смысле «глубже» информации. *Мы можем обозначить*

это в качестве символа человека эпохи Microsoft, ориентированного на немецкую метафизическую культуру. С точки зрения Гейтса нынешняя история успеха «информационной демократии» объясняется просто. Пока Гейтс делал доступ к информации доступным для всех, исторически важной задачей стала доступность знаний².

В этом месте те, кто лишь поверхностно знаком с концепцией Гейтса и имеет не самые хорошие намерения, могут подумать, что Гейтс ставил целью, в отличие от объективных причин, не путь к оптимизации знаний, а забрать к себе на высокую волну успеха команду Google. *Соответственно, это означало бы, что различие, столь существенное для понятия архивирования, между знаниями и информацией стало очевидным даже Б. Гейтсу довольно поздно.* Подобная персонификация, подобные совпадения в процессе развития политики знаний напоминают в первую очередь о недостающих акторах в этой области. Стало слишком ясно, что глобальные социальные возможности ни в коем случае нельзя оставлять на усмотрение рыночной экономики или ее привилегированных акторов. А потому изучаются новые грани взаимоотношений между «знанием» и «интересом».

Точное различие между понятием «знание» и «информация» является наиболее важной основой как для информационного общества, так и для общества, основанного на знаниях, а также в целом для проблемы архивирования. Непосредственно в архивировании, при сравнении продуктивного среднего курса и практического среднего курса, видны различия между информацией (как высказывания, относящегося к предмету позитивной реальности) и знаниями (как организованной и проверенной непрерывности информации или высказывания). В строгом смысле

¹ Здесь речь идет о принципиально новом феномене, который теоретически в момент социализации информации и знаний уже осознавался как легко воспринимаемый с его частными преимуществами и также частными недостатками. Это, однако, означает, что посреднический путь теоретического осмысления стал чрезвычайно коротким в области практических интересов.

² Мы опускаем здесь проблему налогов, установленных для определенных услуг.

этого слова архивная информация будет архивироваться, в более широком смысле процесс не совсем таков. Принципы архивирования содержат — если хотите, преднамеренно — принципы формирования и перераспределения знаний. С другой стороны — и бывшие главы архива являются для этого примерами — архивирование должно раскрываться как знание, а не как информация. И хотя каждое архивирование может оперировать конкретной реализацией глобального представления о знании, архивы становятся неизбежными объектами демонстрации того, что на самом деле означает знание. Архивирование символизирует процесс того, как, по понятным причинам, различные типы знаний начинают сливаться друг с другом. Они вступают во взаимный обмен друг с другом. Они растут, но растут вместе. Они развивают вертикальную структуру, но одновременно и наращивают сложность. Существующие знания пребывают в постоянном состоянии сравнения друг с другом, индивид всегда должен иметь дело с константными окружающими предложениями о знании, через которые знание реализуется исключительно индивидуально, в форме знания для одного индивида.

Все это, однако, еще не затрагивает напрямую странную традиционную сторону знания и накопления знаний, которая ни с помощью компьютерной науки, ни со школьными представлениями о политике, с загнанными в угол государствами с огромными долгами, не является адекватной для поиска решения. Если настоящие законы накопления знания останутся в том виде, в котором они существуют сейчас, то их реальное развитие, однако, возможно только в том случае, *если все элементы будут «истинны» и будут рассматриваться как «жизнеспособные»*. Чем более сложные и разнообразные знания инкорпорированы друг в друга, тем сильнее вероятность того, что все

ложные и неадекватные знания будут признаны недействительными во всей своей полноте, что, очевидно, может увести весь процесс накопления знаний в неправильном направлении.

Именно к этому относится вся методологическая проблематика взамотрансформации разнородных типов знаний. Как ни удивительно это может показаться на первый взгляд, взамотрансформация различных типов знаний является преимущественно бессознательным, «молчаливым» процессом, который на практике также может функционировать весьма успешно, даже если «извне» его можно с трудом охарактеризовать теоретико-методологическими средствами¹. Несмотря на все эти трудности, нельзя, однако, ставить под сомнение, что упомянутая ранее истина, т.е. настоящая действительность различных модулей знаний, есть и остается неперменным условием истины и ценности всех накопленных знаний. Итак, утверждение о том, что истинное знание не может быть заменено медиатизацией и медиальной трансформацией, является чистой правдой.

Острота «бессознательного», высшего накопления и интеграции знаний предполагает, что передача или способность передачи знания будет рассматриваться в рамках дискуссии, а не как совокупная медиатизация. В сущности, предлагается определять способность знания к передаче как основу формирования высших и более сложных форм знания.

Различие между «мертвыми» и «живыми», «старыми» и «новыми» знаниями навсегда останется оружием бережливых политиков школьного уровня из стран-должников. *Таким образом, истинная природа знания делает*

¹ Процесс имеет на практике «бессознательный» характер накопления знаний и синергетической компенсации отдельных элементов знаний, т.е. без нашего сознательного участия и рефлексии. Бессознательное знание — это просто увлекательный факт.

относительной любую релятивизацию понятия истинного знания. Истинное знание — это неограниченная интеграция и неосознанное добавление совместимых друг с другом элементов знания, и то наибольшее, на что способен всесильный «рынок», это устанавливать на протяжении нескольких лет, какие формы знания будут востребованы в будущем. В этом отношении мы считаем бывшего государственного и партийного лидера Н. Чаушеску истинным выразителем рыночной экономики, поскольку он уже в начале 1970-х гг. достаточно точно знал, какие формы знаний мирового рынка потребуются в ближайшем будущем, и управлял умами румынской молодежи в профессиональных школах токарей, металлургов и электриков. Однако вскоре после этого под влиянием трансформаций мирового рынка румынская экономика рухнула, что также означает, что рынок не смог предсказать совершенно точно, какие формы знаний, какие элементы и какая синергия модулей знаний являются действительно прогрессивными и перспективными для членов общества.

Классические трудности, возникающие в связи с релевантной и конку-

рентной склонностью к знаниям, могут быть устранены, в частности, через дальнейшие формы организации, а также через различные *сети* или разнообразные варианты тренингов по сплочению коллектива. Такие приемы также эффективны для обеспечения качественного накопления знаний. Если мы рассмотрим подобную положительную разницу немного ближе, то поймем, что постепенное повышение производительности происходит в меньшей степени за счет увеличения положительного потенциала знаний команды, а в большей степени *за счет лучшей дифференциации внутреннего трудового порога участников.* В прямом смысле роста производительности не будет, потому что сеть «знает больше», чем участники процесса. Сеть способна системно находить не обнаруженные ошибки, предлагать множество проблем для последующих консультаций и т.д. Сеть лучше исправляет ошибки и эффективнее находит решение проблем, чем человек.

Кроме того, даже целая команда людей не сможет совершить чуда. Знание не может быть заменено или уменьшено. Помочь могут только ПК и архивы...

Перевод статьи с английского осуществила выпускница филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Мария Шадская



ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ФАКТОР ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ

Аннотация

Настоящая статья посвящена обобщению и оценке не столько перспектив использования самих электронных денег, сколько выяснению их потенциального влияния на развитие политической среды государства и в перспективе — международных отношений в целом. В статье установлен набор сфер максимального давления на политическую составляющую государства. Следует отметить корпоративизацию цифровой экономики, изменение на рынке распределения и специализации труда как на всех уровнях, а также элементы вытеснения государства ввиду кризиса доверия. Автор заключает, что сегодня государство как институт обречено догонять технологию и подстраиваться под ее новые возможности. Эволюция электронных денег намекает на значительные политические риски и необходимость государств быть готовыми к трансформации. Некоторые государства от такой трансформации откажутся путем внедрения запретительных законов, они, скорее всего, окажутся на обочине цифровой экономики. Другие найдут пути примириться с эволюцией, но и это не дает гарантии процветания и успеха в будущем. Транснациональность новых видов электронных валют имеет все шансы «вытестить» национальные институты государства и сами государства на второй план, оставив монетарную трибуну корпорациям или нетократам.

Ключевые слова: криптовалюты, нетократия, биткойн, цифровые деньги, электронные деньги, цифровая экономика, децентрализованные валюты, политическое влияние криптовалют.

Автор

Леви Дмитрий Андреевич

Доцент кафедры европейских исследований
Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат политических наук
(Санкт-Петербург, Россия)



Современное развитие мировой экономики за последние годы в значительной степени повернуло фокус внимания с государственного и крупного корпоративного секторов на малый бизнес и операции населения. Привлечение в центр внимания и центр извлечения прибыли собственно населения в большой степени изменило экономику, изменило системы расчетов, изменило требования к деятельности как крупных, так и малых игроков. Бум розничных платежей 1990-х, начавшийся в странах с низким уровнем развития банковской системы и малой степенью проникновения

банковских карт, привел к появлению замещающих технологий, способных заменять электронным образом наличные средства, оперативно переводить или обменивать их. Уже в 2000-е годы эти технологии выливаются в развитие сервисов мобильных платежей, но остаются до последнего инструментами микроплатежей, слегка раздражающими традиционных игроков — банки и регуляторов, но недостаточным по объему для их активного вовлечения в процесс. Дальнейшее развитие, технологический перелив локальных электронных платежных инструментов вроде Яндекс.Деньги,

Webmoney, RBKMoney, PerfectMoney и проч. в глобальные — такие как PayPal, приводит к следующему технологическому скачку — появлению виртуальных информационных денег, криптовалют, способных, благодаря спекулятивной составляющей и хайпу периода рождения и роста, привлечь значительные средства с традиционных валютных рынков. Подстегнутые технологическим развитием, ростом вычислительных возможностей современной техники, удешевлением средств коммуникации и развитием идеологии интернета вещей «IoT», а с политэкономической точки зрения еще и глобальным кризисом доверия новые платежные средства быстро перестают быть забавой для ИТ-гиков, становятся инструментом и механизмом развития цифровой экономики. Пузырь капитализации быстро нарастает, что привлекает еще большее количество технологий в сферу цифровой экономики и порождает еще большее количество новых еще более гибких платежных инструментов. Среди них, например, «умные контракты», автоматизирующие по сути услуги аккредитива, всерьез конкурирующие и с банковскими услугами, и с фиатными деньгами, и даже с различными векселями и ценными бумагами.

Несмотря на обилие публикаций в сфере изучения цифровых валют и валютных суррогатов [1; 2; 3; 4. — С. 425–435; 5; 6. — С. 17–31; 7], ключевые проблемы существования и последствия использования нового вида расчетных средств остаются в значительной степени неизученными. Причиной тому служит, с одной стороны, технологическая сложность цифровых валют, заставляющая исследователей в первую очередь фокусироваться на изучении технологических аспектов, спекулятивная привлекательность, провоцирующая экспертов заниматься, скорее, анализом рыночного поведения, изучением специфики взаимоотношения валют, юридическая неопределен-

ность, провоцирующая споры насчет фактической природы цифровых валют и их правового статуса в различных регионах мира. Прикладные аспекты влияния качественно новой технологии хранения данных (блокчейн), появление реальной альтернативы и изменение уровня доверия к национальным валютным операторам и регуляторам, потенциальное влияние цифровых валют на развитие политической жизни и системы международных отношений по большей части остаются за гранью рассмотрения. Сегодня на рубеже 2018–2019 гг. в цифровой экономике используется от 500 до 1000 различных цифровых денежных единиц (технологических решений без учета форков), часть из которых представляют собой как общедоступные и имеющие общемировое хождение валюты, часть же служит инструментами платежей для ограниченного круга участников неформальных сообществ. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать и систематизировать формальные и содержательные составляющие электронных денег, а также оценить виды электронных денег с точки зрения их реального и потенциального влияния на развитие политического процесса в мире и международных отношений в целом.

Итак, инновационный характер и скорость распространения электронных денег стали причинами неопределенностей в терминологии, используемой для обозначения собственно электронных денег. Вместе с тем сегодня существует несколько принципиально разных видов электронных денег, характеризующихся центрами эмиссии, формой существования и выполняемыми функциями. Так, традиционные деньги могут существовать как в физической, так и в цифровой форме, однако во всех случаях в форме знаков стоимости, а центром эмиссии являются государственные структуры на монопольной основе. В отличие от них электронные деньги 1-го типа по

сути стали продолжением электронной формы традиционных денег и стали ответом на неповоротливость банковской системы для совершения быстрых микроплатежей: они по-прежнему номинированы в национальной валюте, что соответствует требованиям законодательства большинства стран, настаивающих на монопольном хождении национальной валюты на территории страны. Эмитентами электронных денег 1-го типа являются легальные компании-институты, действующие в рамках правового поля, скорее всего, лицензируемые местными Центральными банками и, как следствие, условно безопасные для держателей (возмещение средств гарантировано по номиналу, электронные деньги имеют статус законного средства платежа) и подконтрольные государству. Примером такого рода денег можно назвать Яндекс.Деньги, по сути являющиеся некой цифровой формой традиционных фиатных рублей.

Электронные деньги второго типа тяготеют к понятию виртуальных денег. Обычно такие деньги номинированы в отличной от национальной валюты форме, эмитируются частными компаниями или распределенным механизмом и, как следствие, возможность перевода средств в фиатные деньги не гарантирована, поскольку статусом законного платежного средства такие электронные деньги, как правило, не обладают [подробнее: 8 — С. 16; 9 — С. 21–22; 7. — С. 107–119] (см. Табл. 1.).

Важной характеристикой электронных денег является принцип организации денежной системы, который определяет уровень доверия и уровень рисков. Среди ключевых характеристик принципов организации следует выделить централизованный и децентрализованный характер системы, открытость или закрытость системы к возможности конвертации средств в фиатные деньги. В основе данного принципа лежит метод организации и характер эмитента. Традиционные

деньги и основная часть электронных денег выпускаются монопольными эмитентами, что предопределяет механизм регистрации сделок с использованием традиционных и электронных средств на базе централизованного депозитария — центра эмиссии. На стороне плательщика-получателя средств находится исключительно электронный кошелек — программно-аппаратно-правовой механизм направления требования центру эмиссии совершить то или иное перечисление. Децентрализованные системы появились сравнительно недавно, хотя алгоритм технологии непрерывной записи blockchain трудно назвать новейшим. Важнейшими предпосылками для возникновения децентрализованных систем стали два ключевых фактора: появление критической массы пользователей с высокопроизводительными устройствами, выполняющими функции распределенного центра-депозитария [10. — С. 12] и в условиях политической стабильности последних 15 лет появление недоверия к государству и монопольным государственным институтам. Кризис доверия вообще оказался на руку рождению распределенных центров-депозитариев. Однако инструментарий технологии распределенной записи blockchain не всегда следует рассматривать как панацею или альтернативу централизованному хранилищу данных.

Действительно, распределенное хранение данных имеет свои преимущества. При проведении транзакции запись о ее совершении регистрируется на основе одного из алгоритмов proof-of-work (PoW — подтверждение сделанной работы) или (и) proof-of-stake (PoS — подтверждение срока владения). Первый алгоритм активно используется криптовалютами Bitcoin и Litecoin. Алгоритм PoS используется, например, в математическом аппарате Nextcoin. Известны также криптовалюты, сочетающие PoW и PoS — например, Peercoin и ряд других. Принципиально

для держателя криптовалют это мало что меняет в плане защищенности, поскольку и тот, и другой алгоритм потенциально содержат расчетные риски, связанные с гипотетической возможностью манипулировать записями при условии, что в руках злоумышленника окажется 50% + 1 программный кошелек, выполняющий функции поддержания транзакций. В случае с полностью децентрализованными валютами с большим уровнем распространения, такими как Bitcoin, это практически невозможно. Однако, такая возможность существует для криптовалют, использующих стратегию ограниченного количества центров «майнинга», таких как полукорпоративный Ripple.

Следует отметить, что развитие электронных денег 2-го типа — это история современности. Поэтому эволюция и систематизация возможностей этого вида платежных средств представляет серьезную экспертную проблему как в части технологий, экономики, права, так и в части политико-правовых последствий. Но формирование электронных денег 2-го типа начало ставить перед государством вопрос уровня подтверждения суверенитета. Ведь одними из ключевых задач государства являются задачи по организации внутреннего политического процесса, включая аспекты этого процесса, связанного с обеспечением безопасности и реализацией финансовой и монетарной политики. Именно мягкая безопасность в области организации финансовых потоков, регулирования данных потоков была в центре внимания общества в периоды между большими войнами. Действительно, по мере того, как агитационно-патриотические ценности отступали на второй план, задачи по улучшению благосостояния населения вкупе с задачами наращивания внутреннего потребления для развития экономики выходили на передний план. Появление электронных денег 2-го типа стало ответом на спрос, сформировавшийся в среде потребления и

организации платежей. При этом хождение электронных денег различных подвидов по-разному интерпретируются как национальным правом, так и собственно политической системой в целом. Вспомним недавний период, когда криптовалюты только появились: в 2009 г. они оставались уделом ограниченной группы энтузиастов, хотя и привлекли внимание Всемирного банка [11. — С. 60]. В 2010 в биткойн пришли финансисты-спекулянты, а уже к 2014 г. трибуны Центрального банка России и Следственного комитета РФ прозвучали чуть ли не обвинения в адрес пользователей и держателей криптовалют в пособничестве терроризму. В 2016 г. едва не прошел запретительный проект закона от Министерства финансов, который заодно запретил бы не только криптовалюты, но и виртуальные деньги сообщества — всевозможные купоны, баллы и бонусы. Сегодня на фоне обострения внешнеполитических отношений между ведущими политическими игроками, ужесточения правового регулирования электронных валют, особенно в странах азиатского цифрового прорыва: Южной Кореи, Японии, Китае, произошел отток финансовых средств из криптосреды в традиционные финансовые рынки и интерес к регулированию криптовалют в России слегка поутих, а к концу 2018 г. вообще заговорили о необходимости радикальной переработки проекта закона «О цифровых финансовых активах».

Однако отток спекулятивного капитала еще не ставит крест на будущем электронных валют и криптовалют в частности. С точки зрения политической системы и возможностей мировой цифровой экономики электронные валюты по-прежнему обладают целым рядом достоинств и свойств, которые одновременно являются и факторами формирования спроса и предложения, составляющими системы рисков и угроз для традиционной политической системы государств. Так, к факторам спроса можно отнести

низкую стоимость электронных валют и ресурс трансграничности. При этом децентрализованные валюты обладают существенно более низкой стоимостью производства и оборота, чем электронные валюты первого типа или электронные централизованные валюты, выпускаемые частными эмитентами. Для задач цифровой экономики с учетом нетократической составляющей, географической неопределенности расположения центров оказания услуг и потребителей стоимость транзакций является во многих случаях определяющей. Для политической системы национального государства в условиях глобализации данное обстоятельство является поводом задуматься о протекционистских мерах, с одной стороны, и о необходимости правового управления цифровыми активами для целей фискальной политики. Также система электронных денег ставит под сомнение возможность государства осуществлять управление инвестиционными ограничениями: свободное перетекание электронных средств из одной юрисдикции в другую лишает государства возможности ограничивать или отслеживать финансовые контакты как легальные, так и нелегальные. При достаточной капитализации электронных денег данное обстоятельство позволяет в известной степени нивелировать ресурс финансовых санкций, кредитных ограничений и других аспектов монопольной государственной власти в части управления трансграничными финансовыми потоками.

Другим фактором является *удобство использования, защищенность, скорость обработки, анонимность и репутационная привлекательность электронных валют.* При этом у пользователей есть выбор использования электронных валют 1-го типа, обладающих государственной защитой, ввиду привязки к национальным валютам и регулированию местными ЦБ, и использованием частных электронных денег и криптовалют, существенно

более анонимных. Ресурс преодоления государственных ограничений, заложенный в анонимности, скорости и защищенности (в т.ч. от государственного мониторинга) делает электронные валюты достаточно привлекательными. Даже использование электронных денег 1-го типа в известных пределах — в Российской Федерации этот предел находится на уровне 15 тыс. рублей — позволяет пользоваться известной степенью анонимности. Автоматизация цифровой экономики, массовое использование электронных кошельков с маршрутизацией средств позволяет в известной степени сделать законодательные ограничения малоэффективными. Впрочем, государство традиционно выполняет роль слона в посудной лавке цифровой экономики. Однако здесь важно обратить внимание на очень существенный драйвер вовлечения традиционной экономики в мир цифровых валют — репутационную привлекательность. Прием электронных валют, в частности криптовалют, обладает определенной модной хайп-привлекательностью, что подталкивает малый и средний национальный бизнес к участию в цифровой экономике не столько ради прибыли, сколько ради саморекламы и позиционирования. И, ловя данный хайп, среди таких компаний в разные годы были замечены даже мировые монстры: Dell, Home Depot, Microsoft, Lionsgate Films, LOT Polish Airlines, PayPal, Sears, Tesla, TigerDirect, Virgin Galactic, WordPress, airBaltic и др.

Наконец третий блок факторов спроса связан с *безопасностью и неотзывностью произведенных операций*, а также *правовой неопределенностью* статуса некоторых электронных денег. Здесь речь идет, конечно, скорее, о криптовалютах. Сегодня законодательства большинства стран содержат значительные упущения, позволяющие чиновникам и бизнесу допускать злоупотребления: криптовалюты могут иметь спорный статус, благодаря чему

подарки в виде криптовалют могут не подпадать под действие антикоррупционного законодательства. «Бум крипты», имеющий место сегодня в России, обилие сервисов перевода средств с карты Сбербанка на криптокошелек, популярность предложений выкупить свои или чужие данные за некоторое количество биткойнов или эфиров — только верхняя видимая часть айсберга серой экономики. Впрочем, даже в 2016–2017 гг., на которые приходится бум интереса к крипторынку, объемы операций в криптовалюте не превышали 2% от объема операций в долларах США (всех, включая электронные и традиционные). Государство, конечно, теряет значительные средства от существования каналов неофициальных сделок. Однако трагедии тут нет: и до изобретения электронных денег, и после объем теневого рынка был и продолжает увеличиваться. Неумелые действия государства в экономике, как правило, его только разогревают. К тому же и без электронных денег в любом государстве существует возможность анонимных операций с наличными средствами. Во всяком случае, в тех государствах, где еще не вводятся ограничения по регистрации сделок, превышающих определенный предел (например, Индия) или стран, где регулируются виды сделок, которые подлежат обязательному безналичному оформлению [12. — С. 170–192].

При этом электронные деньги, особенно децентрализованные, обладают уникальным психополитическим свойством. В сознании потребителей, особенно разделяющих идеологию нетократии, они противопоставлены государству и государственному регулированию. В измученных переменами и экономической нестабильностью странах доверие к финансовым институтам достаточно мало. В отдельных государствах национальные финансовые операторы ухитряются по несколько раз разорить запасы государственных пенсионных фондов, а затем возло-

жить финансовое бремя на следующие поколения граждан. В других целые отрасли мигрируют в другие регионы мира, оставляя выживать «ржавый пояс» неспособных к производственному переобучению жителей. Электронные валюты — частные и децентрализованные — являются ответом и даже небольшой мстостью государству: они существуют без государства и даже немного вопреки государству. Они защищены (в случае криптовалют) цифровыми алгоритмами от безудержной эмиссии, от государственных экспериментов и подчиняются только законам рынка. Анархическая привлекательность весьма губительна для национального политического процесса. При этом она выводит значительные средства из банковского сектора, а значит, охлаждает инвестиционный режим национального государства и удорожает в первую очередь крупные кредиты бизнесу и потребительские кредиты населению.

С другой стороны, ощутимую значимость в популяризации электронных денег играют и факторы предложения. Среди наиболее значимых — *факторы масштаба и фрагментации*, которые способны разогревать и остужать цифровую экономику. В настоящий момент, несмотря на существенно большую гибкость, которой обладают электронные деньги, особенно в части возможностей по автоматизации и аккредитивному сопровождению сделок («умные контракты»), применяемость электронных валют искусственно принижается правовой неопределенностью. А для эффективного развития электронных валют необходимо активное вовлечение пользователей, критическая масса. Ситуация усложняется еще и обилием самих электронных валют, которые «фрагментируют» рынок, усложняют его структуру и мешают применить эффект масштаба в полном объеме [13. — С. 149–150].

Техническая безопасность децентрализованных электронных денег, с

одной стороны, является фактором защиты от вмешательства операторов, с другой стороны, является риском возникновения форков — технологических ответвлений, связанных с модернизацией протоколов и алгоритмов. Для длительного и успешного существования криптовалюты необходим технологический консенсус по поводу технологического обновления логики криптовалют. Зачастую этого сложно добиться, поскольку только за последние 3 года произошло не менее трех значительных технологических прорывов, связанных с ускорением обработки транзакций, пропустить которые мог себе позволить только Bitcoin как старейшая и репутационно сильнейшая криптовалюта.

Вновь возвращаясь к политическим рискам и вызовам, которые бросает система электронных денег институту государства, попробуем систематизировать и подытожить. Не все электронные валюты противопоставляют себя государству или политическому уровню, однако наиболее новые и технологически совершенные предпочитают нетократическую идеологию, децентрализацию и независимость от государства, словно своим существованием подчеркивают тезис о кризисе доверия в современной экономике и политике к любым централизованным операторам. Анонимизация валют влечет за собой риски коррупции и криминализации расчетов. Однако уход гарантирующих сделки операторов с рынка — банков — означает резкое удешевление инвестиций, что открывает возможность для значительного роста инвестиционных криптопроектов, краудфаундинговых инициатив, где собственно кредитором выступают непосредственно люди, а получателем — непосредственно бизнес. При этом размер инвестиций от каждого участника может составлять смешные средства — bitcoin, например, имеет до 8 знаков после запятой и допускает операции с «микрокопейками» — са-

тоши. Это делает возможным сбор средств для инвестирования напрямую у населения. В условиях кризиса отношений между государствами, звучащих угроз отключения банков от SWIFT и проч. электронные деньги отдельных видов могли бы выступить своеобразной альтернативой для прохождения трансграничных барьеров. Однако сегодня это малореальное предположение ввиду недостаточной капитализации рынка и в первую очередь спекулятивной наполненности капитализации, хотя и является сигналом государству, опирающемуся на систему банков в организации работы национальных экономик, сигналом о появлении альтернативы.

Наконец еще два вида угроз, которые ставит развитие электронных денег вкупе с развитием цифровой экономики: угрозы для национальных рынков труда и угрозы корпоративизации расчетов. В части перспектив рынка труда критики и адепты электронных денег спорят о наличии рисков или возможности, которые привносит в цифровую экономику использование электронных денег. И в первую очередь здесь надо обратить внимание на появление принципиально нового распределения трудовой специализации. До недавнего времени национальная и мировая специализация сталкивалась с вытеснением отдельных специальностей, нередко связанных с повторением рутинных операций, в регионы с более низкой стоимостью труда. Сегодня развитие цифровой экономики и использование умных контрактов, включаемых на уровне криптовалют, приводит к тому, что задачи администрирования выполняются более дешево и автоматически. Непонимание природы смарт-контрактов нередко приводит к вопросам: «Неясно, может ли смарт-договор послужить основанием для предъявления претензий в суде?» [14. — С. 68]. Однако в момент заключения смарт-контракта стороны соглашаются с критериями, которые будут

автоматически учтены при наступлении определенных последствий. Таким образом, смарт-контракты оставляют без работы не только бюрократию, отвечающую за разбор и администрирование выполнения задачи, но и посредников в виде судов, поскольку автоматизация наступления условий простых сделок (а смарт-контракты предназначены пока только для простых сделок) исключают человеческий фактор и неопределенность. При этом в этой ситуации и потребитель, и оператор услуги находятся в выигрыше. Простой бытовой пример использования умного контракта: потребителю предложена альтернатива, как можно застраховать себя от задержки авиарейса. Одна схема будет предполагать получение бумажной справки от авиакомпании для последующего предъявления ее в страховую компанию с заполнением заявления и прочими бюрократическими прелестями (традиционная). Вторая будет построена по принципу автоматического получения подтверждения по нескольким доверенным центрам публикации информации: например, по данным электронного табло прилетов и вылетов аэропорта, по данным, например, SkyScanner, по данным прилетов и вылетов на сайте авиакомпании. Смарт-контракт, заключенный между страховой компанией и перевозчиком, автоматически проверяет наступление страхового случая по таймеру и с оговоренной в контракте погрешностью уже через час автоматически переведет потребителю на счет страховую компенсацию при наступлении страхового случая. Какой договор вы предпочтете заключить: полностью автоматизированный и более дешевый или полностью бюрократизированный и более дорогой? Кому вы больше доверяете: бюрократам или роботу? Можно с большой долей уверенности утверждать, что аудитория, обладающая достаточными знаниями и навыками, способная проверить содержание контракта (т.е. алгоритм), предпочтет именно его.

Если масштабировать данный пример на национальный или корпоративный уровень, можно понять, что автоматизация финансовых решений вкупе с развитием электронных денег способны выгнать из экономики до трети профессий и специальностей, заменив их тремя строчками макропрограммного кода в стиле MS VBA. Угроза ли это для политической системы? Безусловно. Угроза ли это для международной специализации труда? Разумеется. Угроза модернизации и угроза перемен. И в этом разрезе резко теряется актуальность аргументов критиков цифровизации экономики о том, что электронные децентрализованные деньги терминологически могут быть названы не вполне деньгами по функциональным свойствам. В тот момент, когда их использование станет предпочтительнее традиционных денег, терминологические перегибы выправятся сами собой.

Наконец, говоря о тенденциях и системных рисках развития электронных денег, нельзя не отметить риски, связанные с корпоративизацией отдельных валют. Действительно, криптовалюта Bitcoin децентрализована и является флагманом всего того, что рядовые граждане знают о криптовалютах. Между тем в последние годы среди самых разных инициатив по регулированию оборота электронных денег слышны и заявления о целесообразности разработки национальных криптовалют. Так, например, в России есть предложения о создании некоего крипто рубля, который бы находился под государственным контролем. Вместе с тем совершенно непонятно, кому в таком случае будет нужен крипто рубль, кто будет им пользоваться и чем он будет предпочтительнее традиционного рубля. Но на фоне предложений о создании национальных криптовалют осталось не вполне замеченным движение отдельных корпораций по формированию корпоративных и межкорпоративных электронных денег. Эта

тенденция, на наш взгляд, является гораздо более интересной. Например, в августе 2016 UBS, BONY, Deutsche Bank, Santander и ICAP уже объединили усилия в создании utility settlement coin для расчета и клиринга финансовых сделок. Некоторые банковские корпорации азиатского региона успешно создали централизованно-децентрализованную криптовалюту Ripple и выпустили ее не только для внутренних учетных операций, но и для пользования в открытый мир. Кризис доверия, который потребители и держатели валют связывают с государством, зачастую не так сильно бьет по корпорациям, чей goodwill (условно, нематериальная ценность) способен быть надежнее и стабильнее национальной валюты. Иными словами, совершенно неизвестно, как отреагирует аудитория, если ей предложить хранить денежные накопления и операционный запас в рублях, неких деньгах, выпускаемых компанией, например, Capon, или долларах. Разумеется, при обеспечении одинаковой ликвидности всех видов денег.

Учитывая, что эмиссия денег всегда была и остается монопольной функцией государства, размытие данной монополии транснациональными компаниями и корпорациями, нередко обладающими более высокой степенью стабильности, чем государства, может привести мировую экономику к сценариям, описанным в фанк-фантастических фильмах. Разумеется, в чистом виде это невероятный прогноз, однако, очевидно, джин выпущен из бутылки, корпоративные криптовалюты появились и закрепились. Когда

настанет день, когда держатель карты Сбербанка и обладатель учетной записи в Яндексе сможет получить за какую-то работу, а затем рассчитаться на маркетплейсе Яндекса-Сбербанка Беру.ру, используя некие «сборки» вместо рублей, вопрос открытый. На площадках Алибаба, по крайней мере, он уже рассматривается не как гипотетический.

Подводя краткий итог вышесказанному, следует отметить, что технологическое развитие необратимо по своей природе. И трудно спорить или отрицать тот факт, что деньги как инструмент проделали длинный путь от изделий из металлов к абстракции в виде купюр и далее к еще большей абстракции в виде информации. Очевидно, что сегодня государство как институт является заложником этого развития, оно обречено догонять технологию и подстраиваться под ее новые возможности. Эволюция электронных денег намекает на значительные политические риски и необходимость государств быть готовыми к трансформации. Некоторые государства от такой трансформации откажутся путем внедрения запретительных законов для сохранения монополии, они, скорее всего окажутся на обочине цифровой экономики. Другие найдут пути примириться с эволюцией, но и это не дает гарантии процветания и успеха в будущем. Транснациональность новых видов электронных валют имеет все шансы подвинуть национальные институты государства и сами государства на второй план, оставив монетарную трибуну корпорациям или нетократам.

Таблица 1. Обобщенные свойства электронных денег

Критерии	Электронные деньги		
	1-го типа	«Виртуальные деньги сообществ»	2-го типа
<i>Форма</i>	Электронная форма	Товарная (физики, наклейки, ваучеры) и электронная	«Криптовалюты» Электронная
<i>Денежная масса</i>	Фиксированная	Не фиксированная	Фиксированная на основе алгоритмов
<i>Надзор со стороны государства</i>	Да	Нет	Ограниченный
<i>Распространение, прием и хождение</i>	Широко в электронной среде	Исключительно у эмитента	Широко в рамках профессиональной электронной среды, ограниченно за пределами среды в ряде юрисдикций
<i>Номинирование</i>	Знаки национальной валюты	Произвольно	Произвольно
<i>Статус</i>	Законное платежное средство, регулируется национальным Центральным банком	Не имеет статуса законного платежного средства	Не имеет статуса законного платежного средства. Возможен статус векселя, ценной бумаги
<i>Эмитент</i>	Финансовые компании на основе лицензий	Нефинансовые компании или «сообщества»	Произвольно
<i>Принцип организации денежной системы</i>	Централизованный	Централизованный	Децентрализованный с разной степенью децентрализации
<i>Конвертируемость в фиатные деньги</i>	Да	Как правило, нет	Да
<i>Механизм обмена</i>	Реег — центр эмиссии — реег	Центр эмиссии — реег-центр эмиссии	Реег-to-реег
<i>Механизм подтверждения операций</i>	Записи центра-депозитария	Записи центра эмиссии	RoW, PoS, записи децентрализованного депозитария
<i>Ценность валюты</i>	Приравнивается к номиналу национальной валюты	Определяется и отзывается эмитентом	Определяется по товарным свойствам: спросом и предложением
<i>Риски внутри национальной финансовой системы</i>	Операционные риски	Не связаны с финансовой системой. Возможны серые схемы и единичные продажи	Правовые риски
<i>Пример</i>	Яндекс.Деньги — рубль	Внутренние валюты электронных игр, бонусы с функцией оплаты	Bitcoin, Ethereum, Ripple

Литература

1. *Ali R., Barrdear J., Clews R.* The economics of digital currencies // Bank of England Quarterly Bulletin. — 2014. — Vol. 54(3). — P. 276–286.
2. *Bjerg O.* How is Bitcoin Money? // Theory, Culture and Society. — 2016. — Vol. 33. — No. 1. — P. 53–72.
3. *Bolt W., van Oordt M.* On the Value of Virtual Currencies // Nederlandsche Bank NV Working Paper. — 2016. — N 521. — 37 p.
4. *Clemons E., Dewan R., Kauffman R., Weber Th.* Understanding the Information-Based Transformation of Strategy and Society // J. Management Information Systems. 2017. — Vol. 32. — No. 2. — P. 425–456.
5. *Dwyer G.P.* The economics of Bitcoin and similar private digital currencies // J. Financial Stability. — 2015. — No. 17. — P. 81–91.
6. *Weber B.* Bitcoin and the legitimacy crisis of money // Cambridge J. Economics. — 2016. — N 40 (1). — P. 17–41.
7. *Кучеров И.И.* Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование: монография. — М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2016. — 392 с.
8. European Central Bank (ECB), Virtual Currency Schemes — the Perspective of a Central Bank, October 2012. — URL: http://npc.ru/media/filelist/12.12.28_ECB_Virtual_Currency_Schemes_201210en.pdf (дата обращения 01.12.18).
9. *Кузнецов В.А., Якубов А.В.* О подходах в международном регулировании криптовалют (Bitcoin) в отдельных иностранных юрисдикциях // Деньги и кредит. — 2016. — № 3. — С. 20–29.
10. *Evans D.S.* Economic Aspects of Bitcoin and Other Decentralized Public-Ledger Currency Platforms. Coase-Sandor Institute for Law and Economics. Working Paper, N 685. — April 2014. — 21 p.
11. *Рашева Н.Ю., Чиркова О.И.* Правовые основы электронной валюты (на примере Bitcoin) // Управление в современных системах. — 2017. — № 1. — С. 60–68.
12. *Greengard S.* Internet of Things. — Cambridge: MIT Press 2015. — 232 p.
13. *Леви Д.А.* Перспективы признания и развития криптовалют в Европейском союзе и странах Европы // Управленческое консультирование. — 2016. — № 9 (93). — С. 148–158.
14. *Портной М.А.* Криптовалюты и деньги — пути взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения, 2018. — Т. 62, N 10. — С. 64–70.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН НА ВЫБОРАХ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация

В статье рассмотрены и проанализированы проблемы и перспективы применения технологии блокчейн на выборах как в зарубежных странах, таких как США, Австралия, Индонезия, Сьерра-Леоне, так и в России. Автором статьи высказывается предложение о применении технологии блокчейн на выборах в России наряду с традиционным голосованием с помощью избирательных бюллетеней на выборах любого уровня. Высказывается предположение, что применение данной технологии на выборах федерального, регионального и муниципального уровней позволит эффективно бороться с электоральным абсентеизмом, повысить явку избирателей, сделает избирательный процесс более прозрачным. Выявлены как достоинства, так и негативные аспекты применения технологии блокчейн при проведении выборов.

Ключевые слова: технология блокчейн, выборы, избирательная система, избирательная кампания, электронный (цифровой) кошелек, электронный голос, электронное голосование.

Автор

Алексеев Роман Андреевич

Доцент кафедры политологии и права
Московского государственного областного университета,
кандидат политических наук
(Москва, Россия)



В 2018 г. исполнилось 25 лет не только Конституции РФ, принятой всенародным голосованием, но и российской избирательной системе, благодаря которой стало возможным проведение гласных, альтернативных, свободных демократических выборов. За прошедший период способы подсчета голосов избирателей, применяющиеся на парламентских и президентских, а также региональных и муниципальных выборах, неоднократно видоизменялись и трансформировались. Например, на парламентских выборах на смену смешанной (мажоритарно-пропорциональной) системе, господствовавшей на протяжении десяти лет с 1993 по 2003 г., пришла пропорциональная система, с помощью которой формировался весь списочный

состав нижней палаты российского парламента с 2007 по 2011 г., затем в 2014 г. снова происходит возврат к смешанной системе, и с 2016 г. парламентарии вновь избираются по электоральной формуле, которая применялась ранее в течение десяти лет [4. — С. 119–120]. Не остались без изменений, хоть и без таких радикальных, как на парламентских выборах, и главные выборы в государстве, т.е. президентские, на которых то ужесточались, то смягчались требования к регистрации кандидатов на пост главы государства. Изменения затронули и организационную основу проведения выборов, процедуру голосования и подсчета голосов, внедрение со второй половины 1990-х гг. системы ГАС «Выборы» на федеральных выборах, применение электронного голо-

сования при проведении электронных референдумов «Активный гражданин» в Москве и «Добродел» в Московской области. Несмотря на все новации, применение различных передовых технологий, применяющихся в западных демократиях, либерализацию норм избирательного законодательства, проведение разъяснительной работы с гражданами о значимости каждого избирательного голоса, явка на выборы как федерального, так и регионального и муниципального уровней так и не выросла. Об этом наглядно свидетельствуют парламентские выборы 2016 г., в которых приняло участие менее 50% избирателей. Все вышеперечисленные обстоятельства свидетельствуют о необходимости применения на выборах различного уровня в России технологии блокчейн, которая активно внедряется в систему государственного управления в течение последних лет за рубежом.

Технология блокчейн применяется в таких странах, как США (государственные структуры США применяют облачные технологии, в частности, и блокчейн во властно-управленческой деятельности); в Африке, например, в Сьерра-Леоне в 2018 г. состоялись президентские выборы с применением данной технологии; в Австралии (фондовая биржа Австралии с 2018 г. применяет технологию блокчейн для хранения данных о сделках и участниках биржевых торгов). Целью данной статьи выступает рассмотрение технологии блокчейн и ее использования на выборах, сравнительно-политологический анализ ее применения за рубежом и в России, выявление перспектив ее применения в будущих президентских и парламентских выборах в России.

Попробуем разобраться в том, что представляет из себя данная технология, каким образом могут проводиться выборы с применением распределенного реестра, может ли в недалеком будущем данная технология стать популярной и массовой, с помощью

которой наконец-то удастся сделать процедуру голосования открытой и прозрачной для рядовых избирателей, либо это утопичная технология, которая хороша только для использования в узких целях (например, для проведения банковских операций)? Технология блокчейн состоит в распределенном хранении информации на электронных носителях без возможности ее изменения. Своим возникновением данная технология обязана появлению криптовалюты, в сети — биткойн [8]. Рассмотрим семантику слова «blockchain» (в переводе с англ. block — блок, chain — цепочка), что приводит нас к выводу о том, что технология блокчейн не что иное, как хранение информации в цепочке блоков. Данная информация может дополняться новыми данными, однако удалить что-либо из уже сохраненной информации невозможно. В последующем сохраненная в блокчейн информация может распределяться между функционирующими компьютерами (т.е. «нодами»), в зависимости от увеличения информации может увеличиваться число пользователей в сети [2. — С. 42].

В том случае, если технология блокчейн применяется на выборах, необходимо создать так называемые цифровые кошельки для каждого зарегистрированного кандидата (либо политических партий, которые принимают участие в выборах), т.е. опции голосования. В этом случае все зарегистрированные избиратели будут наделяться одной электронной монетой (т.е. электронным жетоном), который они могут отдать за одного из кандидатов (либо политическую партию), принимающих участие в выборах [7]. Голосование с помощью блокчейн, так же как и голосование с помощью избирательных бюллетеней, будет проводиться анонимно (соблюдение принципа — тайны голосования) с использованием индивидуального виртуального аватара, путем передачи своей электронной монеты в цифровой

кошелек за выбранного ими кандидата (либо политическую партию). Технология блокчейн не только фиксирует, но и подтверждает транзакцию (т.е. голосование избирателя). Победитель в избирательных кампаниях определяется по количеству электронных монет, которые поступают в цифровые кошельки участвующих в выборах кандидатов или политических партий. В случае применения технологии блокчейн на выборах практически любой избиратель сможет свободно проголосовать за понравившегося ему кандидата или политическую партию. Так как полученную информацию невозможно изменить, то фальсификация результатов голосования практически невозможна [3. — С. 4].

Одним из достоинств данной технологии выступает ее анонимность и прозрачность, так как все совершаемые в электронной сети операции осуществляются открыто, соответственно, любое лицо может ознакомиться с историей совершаемых операций (т.е. транзакций), при этом закрытой информацией выступают сведения об отправителе и получателе. Участники системы блокчейн получают доступ к информации, который можно получить при помощи уникальных ключей, состоящих из индивидуального набора криптографических записей, доступ к которым закрыт для посторонних лиц. Хакерские атаки, т.е. взлом базы данных блокчейн, практически невозможны, т.к. получить уникальные ключи возможно только с помощью доступа к большинству компьютеров, подключенных к сети [3. — С. 9–10]. Внедрение технологии блокчейн на выборах как в России, так и на Западе позволит прекратить инсинуации относительно обвинений в адрес России в том, что она с помощью хакерских атак пыталась воздействовать на результаты голосования на президентских выборах 2016 г. в США.

В настоящее время технология блокчейн применяется как в системе

государственного управления, так и на выборах во многих странах. Так, например, в Австралии действует организация «Нейтральные блоки голосования», которая использует блокчейн на выборах разного уровня в качестве политического приложения, через которое активные граждане могут высказать свое мнение по поводу различных политических вопросов. Представители аппарата публичной власти, разрабатывая законы, принимая те или иные политические решения, должны руководствоваться мнением граждан, высказанным с помощью платформы блокчейн. Данная технология была апробирована и на президентских выборах в Индонезии в 2014 г. с помощью организации «Защити голос» (Kawal Pemilu), которая размещала результаты голосования в режиме онлайн, чтобы избиратели могли убедиться в подлинности результатов голосования, невозможности фальсификации. Технология блокчейн применялась параллельно с компьютерной защитой против хакерских кибератак, что обеспечило проведение подлинно прозрачных демократических выборов. Данная технология нашла свое применение и в США, где в 2014 г. было проведено исследование на базе платформы блокчейн для выявления подделок избирательных удостоверений, выдающихся избирателям накануне выборов для участия в голосовании [10. — С. 112]. В ходе данного исследования были выявлены более тридцати случаев подделок избирательных бюллетеней в период с 2000 по 2014 г. как на федеральных (т.е. президентских и парламентских), так и на муниципальных выборах. На основании полученных результатов были возбуждены уголовные дела в отношении лиц, причастных к данным махинациям, которые в последующем рассматривались в судебном порядке [6]. В четырех штатах с наиболее строгими нормами законодательства в отношении удостоверений личности были аннулированы более трех тысяч

голосов избирателей как раз из-за подделки документов, удостоверяющих личность. Технология блокчейн применяется не только в развитых демократических государствах, но и в странах, относительно недавно включившихся в процесс демократизации, политической и избирательной системы, например, таких как Сьерра-Леоне, где 7 марта 2018 г. состоялись президентские выборы на основе платформы блокчейн. Явка на выборах составила около 70% избирателей [9], что не в последнюю очередь объясняется применением технологии блокчейн, обеспечивающей прозрачность выборов. Технология блокчейн была предложена швейцарской компанией Агога, что позволило снизить расходы на проведение выборов из-за того, что отпала необходимость выпуска избирательных бюллетеней для голосования.

Изучив практику и проблемы применения технологии блокчейн за рубежом, можно рассмотреть и проанализировать возможные сценарии использования данной технологии на выборах в России. Применение на выборах технологии блокчейн, используя доступный алгоритм, наделяя каждого дееспособного гражданина РФ, обладающего активным избирательным правом, своим собственным кодом, поможет соблюсти принцип тайны голосования. Всем избирателям, пожелавшим воспользоваться технологией блокчейн, будет предоставляться по одной виртуальной монете (равной одному голосу) и электронному кошельку, куда они будут отдавать эту монету (т.е. свой избирательный голос). При применении данной технологии любой человек (в т.ч. представители избирательных комиссий, наблюдатели на выборах и т.д.) сможет подсчитать поданные голоса и убедиться в честности проведения выборов. Данная технология была апробирована на выборах Президента РФ 2018 г. для опросов проголосовавших избирате-

лей (т.е. exit poll), которая применялась социологами и независимыми наблюдателями. Полученная в ходе опросов информация передавалась в специально созданное блокчейн-хранилище и стала доступной в общественной блокчейн-платформе и независимой блокчейн-платформе Verifier. Наблюдатели от организации «Национальный общественный мониторинг» с помощью спецприложения в режиме онлайн осуществляли передачу в ЦИК РФ информации, полученной в ходе данных опросов [2. — С. 47]. Таким образом, ключевой принцип передачи информации с различных избирательных участков был основан на технологии блокчейн с целью предоставить гражданам объективную картину выборов.

Позитивно об использовании данной технологии на выборах любого уровня в России высказываются и государственные служащие. Так, например, по мнению советника Президента РФ по Интернету Г. Клименко, президентские выборы 2024 г. в России необходимо провести с применением блокчейн и смартфонов [5], при этом не отменяя и традиционное голосование с помощью избирательных бюллетеней, чтобы избиратель сам мог выбрать более удобную и приемлемую для себя форму волеизъявления. Резюмируя сказанное, отметим и возможные проблемы применения данной технологии, одной из которых может стать психологический фактор, большинство потенциальных избирателей старшего поколения могут не согласиться с тем, что участие в выборах в будущем не будет требовать их личного присутствия на избирательном участке. Второй проблемой применения данной технологии на выборах может стать необходимость изменения норм избирательного законодательства, внесение поправок, а возможно, даже принятие новых законов и подзаконных актов, призванных узаконить технологию блокчейн на выборах различного уровня, а главное —

официальное признание полученных с ее помощью результатов голосования. В настоящее время даже результаты электронных референдумов, которые проводятся на выборах регионального и муниципального уровня, носят факultatивный характер, т.е. не являются обязательными для реализации.

Исследовав и проанализировав проблемы и перспективы применения технологии блокчейн на выборах как за рубежом, так и в России, стоит выделить ее позитивные и негативные стороны. Одним из главных достоинств ее использования можно отметить универсальность применения в отношении выборов любого уровня, гарантию конфиденциальности и защищенности результатов голосования, простоту и удобство в применении. К числу незначительных недостатков можно отнести невозможность отмены совершенной операции (т.е. транзакции) в случае ошибочного голосования избирателем.

Для использования технологии блокчейн в выборах любого масштаба, как показала практика президентских выборов в Сьерра-Леоне, не потребуются больших материальных затрат, соответственно, можно сэкономить значительные суммы, выделяемые из государственного бюджета на проведение выборов. В то же время, одновременно с введением в практику выборов на платформе блокчейн, будет необходимо провести масштабную просветительскую работу по информированию избирателей о технологии и принципах ее построения, регистрации в электронной системе избирателей, настройке данной системы для проведения выборов различного уровня. Наряду с организационно-техническими мерами придется внести соответствующие изменения в нормы действующего избирательного законодательства.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что применение технологии блокчейн позволит хотя бы частично

развеять сомнения определенной части избирателей, считающей, что от их голоса ничего не зависит, так как результаты выборов predeterminedены заранее (использование административного ресурса, фальсификация результатов голосования и т.д.), т.к. данная технология обеспечит максимальную прозрачность выборов. Еще одним позитивным аспектом применения данной технологии служит возможность для избирателя отдать свой голос, не выходя из дома, тем самым сэкономив время. Применение технологии блокчейн также может позитивно сказаться и на сокращении доли абсентеистов, не принимающих участие в выборах из-за нежелания тратить свое свободное время для похода на избирательный участок. Так, например, в США не принимают участие в выборах от 45 до 55% дееспособных граждан, обладающих активным избирательным правом. Проблема электорального абсентеизма остро стоит и перед Россией, где средний процент абсентеистов на выборах, даже федерального масштаба, колеблется на уровне от 39 до 41% [1. — С. 32–34]. В результате применения технологии блокчейн на выборах проблема электорального абсентеизма могла быть решена хотя бы частично. Многие представители молодежи в возрасте от 18 до 24 лет, отказывающиеся от участия в выборах из-за нежелания тратить свое время на посещение избирательного участка, смогут реализовать свое активное избирательное право, не выходя из дома [3. — С. 9–10]. Технология блокчейн в том случае, если она начнет применяться в России и получит свое формальное (т.е. юридическое) закрепление в действующем избирательном законодательстве, со временем может применяться для совершенствования как проведения выборов, так и подсчета голосов на выборах от муниципального до федерального уровня.

Литература

1. *Абрамов А.В., Рыбина М.В., Давыдова Н.П.* Абсентеисты как политическая страта современного российского общества. // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. — 2013. — Т. 6. — № 1 (15). — С. 31–36.
2. *Алексеев Р.А.* Аprobация и перспективы применения технологии блокчейн на выборах за рубежом и в России // Журнал политических исследований. — 2018. — Т. 2. — № 3. — С. 41–48.
3. *Алексеев Р.А.* Блокчейн как избирательная технология нового поколения — перспективы применения на выборах в современной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). — 2018. — № 2. — С. 3–10.
4. *Алексеев Р.А.* Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование): монография / Р.А. Алексеев. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 211 с.
5. Герман Клименко пообещал российские выборы на блокчейне. [Электронный ресурс] — URL: <https://cryptofeed.ru/news/german-klimenko-poobeshhal-rossijskie-vybory-na-blokcheyne/> (дата обращения: 24.05.2018).
6. *Зыкова С.* Выборы на блокчейне: как это работает и что дает избирателям [Электронный ресурс] — URL: <https://rb.ru/story/vybory-vybory/> (дата обращения: 20.05.2018).
7. Как голосование на блокчейне находит свое применение в политике и бизнесе. [Электронный ресурс] — URL: <https://geektimes.com/company/wirex/blog/281122/> (дата обращения: 04.05.2018).
8. Не биткоином единым. Блокчейн — технология будущего. [Электронный ресурс] — URL: <http://racurs.ua/1690-ne-bitkoinom-edinym-blokcheyn-tehnologiya-buduschego> (дата обращения: 01.05.2018).
9. *Сычёв В.В.* Сьерра-Леоне прошли блокчейн-выборы президента. [Электронный ресурс] — URL: <https://nplus1.ru/news/2018/03/15/votes> (дата обращения: 02.05.2018).
10. *Федорченко С.Н., Федорченко Л.В.* Власть и облачные технологии в России и США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2016. — № 2. — С. 108–116.
11. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс] — URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root_a=null&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&type=0&prver=0&pronet_vd=null (дата обращения: 30.03.2018).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

Использование современных цифровых технологий породило процессы революционных преобразований в современном обществе — так называемую *цифровую революцию*, цифровую трансформацию общественных отношений, которая выражается в применении современных цифровых технологий в самых различных сферах деятельности человека и как фактор динамического развития привела к созданию цифровой экономики, формированию институтов цифрового права, новой конфигурации социальных отношений на базе использования социальных сетей, Интернета, иных информационно-коммуникационных технологий. Современные цифровые технологии формируют новый способ производства, создают предпосылки для перехода к новой общественно-экономической формации, к цифровизации общественных отношений и самого права, регулирующего эти отношения. Автор приходит к выводу о том, что цифровая трансформация оказывает самое непосредственное влияние на реализацию фундаментальных прав человека, способствует появлению новых прав человека и гражданина как участника всемирного информационного, цифрового пространства. Плоды цифровизации требуют осмысления и адекватного формулирования правового механизма регулирования, реализации и защиты уже существующих и вновь формирующихся прав человека в целях устойчивого социально-экономического развития, обеспечения реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: цифровая революция, цифровизация права, права человека, защита конституционных прав, права и свободы человека.

Автор

Карцхия Александр Амиранович

Профессор кафедры гражданского права
Российского государственного университета нефти и газа
(НИУ) имени И.М. Губкина,
кандидат юридических наук
(Москва, Россия)



Создание и широкое использование цифровых технологий породило процессы революционных преобразований в современном обществе — так называемую *цифровую революцию*, которая последовательно формирует новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность. Такая цифровая трансформация общественных отношений выражается в применении современных цифровых технологий в самых различных сферах деятельности человека. Цифровизация как фактор динамического развития привела к созданию и

стремительному развитию цифровой экономики, формированию институтов цифрового права, новой конфигурации социальных отношений на базе использования социальных сетей, Интернета, иных информационно-коммуникационных технологий.

Инновационное развитие преобразуется в новую реальность и уже сегодня проявляется в повсеместном применении таких цифровых технологий, как искусственный интеллект и когнитивные технологии, большие данные, облачные вычисления, промышленный Интернет.

Современные цифровые технологии формируют новый способ производства, создают предпосылки для перехода к новой общественно-экономической формации, к цифровизации общественных отношений и самого права, регулирующего эти отношения.

Как отмечает председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, в настоящее время «...зарождается новое право — «право второго модерна», регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта» [1]. В новой системе права в цифровом пространстве права человека основываются на гарантированных международным правом и конституциями государств универсальных правах человека, признание и защита которых осуществляется на основе Конституции и международного права, обеспечивается конституционно-правовая безопасность личности, общества и государства.

Новые аспекты в условиях процесса цифровизации общественных отношений приобретают фундаментальные права, гарантированные Конституцией РФ: достоинство личности (ст. 21 Конституции РФ), неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ), защита информации о частной жизни (ст. 24 Конституции РФ), свобода мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ) и др.

Основополагающие положения статьи 29 Конституции РФ для «права на информацию», «права на доступ к информации», «свободы информации» фактически реализуются в расширении электронных сервисов и государственных услуг в электронной форме. Ограничение права на информацию в свое время было признано противозаконным Конституционным судом РФ, который указал в Постановлении от 18.02.2000 № 3-П¹ на недопустимость

ограничения «прав и свобод в сфере получения информации, в частности права свободно, любым законным способом искать и получать информацию, а также права знакомиться с собираемыми органами государственной власти и их должностными лицами сведениями, документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы гражданина, если иное не предусмотрено федеральным законом в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». И далее Конституционный суд разъяснил, что «из этого требования вытекает, что в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может использовать способы регулирования, которые посягали бы на само существо того или иного права, ставили бы его реализацию в зависимость от решения правоприменителя, допуская тем самым произвол органов власти и должностных лиц, и, наконец, исключали бы его судебную защиту. Иное противоречило бы и статье 45 Конституции РФ, согласно которой государственная защита прав и свобод гарантируется и каждый вправе защищать их всеми способами, не запрещенными законом».

Ограничения в распространении персональных данных граждан, включая способы с использованием современных технологий, имеют важнейшее значение для гарантий личных свобод и прав граждан. В Определении Конституционного суда РФ от 23.06.2015 N 1537-О² сказано: «...обеспечивая за-

ституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» // СЗ РФ. — 2000. — № 9. — Ст. 1066.

² Определение Конституционного суда РФ от 23.06.2015 № 1537-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Барановой Елены Валентиновны и Тыщенко Елены Влади-

¹ П. 2 Постановления Конституционного суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке кон-

щиту прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, законодатель в Федеральном законе «О персональных данных» указал на конфиденциальность персональных данных и установил ограничение на раскрытие и распространение такой информации (статья 7)». В этом же Постановлении также отмечено: «Конституция Российской Федерации, гарантируя право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ст. 29, ч. 4), устанавливает право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23, ч. 1) и не допускает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ст. 24, ч. 1)».

В условиях цифровизации сфера права реорганизуется (форматируется) под влиянием возможностей современных цифровых технологий, что находит отражение во множестве новых правовых явлений, связанных с субъектами и объектами правового регулирования, спецификой правоотношений в цифровой реальности, осмысления понятия и содержания цифровых прав и т.д.

Для оценки значения правовой трансформации под влиянием цифровых технологий исходным значением служит современное доктринальное понимание прав человека как основы правового статуса личности, включающего в себя права и свободы, которые находят свое отражение в различных отраслях современной системы права.

Конституционные (основные) права и свободы человека и гражданина представляют собой неотъемлемые

(неотчуждаемые) права и свободы, принадлежащие ему от рождения (в определенных случаях в силу его гражданства), защищаемые государством и составляющие ядро правового статуса личности [2 — С. 180 — 184].

Основные права и свободы человека закрепляются в конституциях государств, в международно-правовых актах. Эти права и свободы в силу норм статей 17 и 18 Конституции РФ характеризуются всеобщностью, неотделимостью от правового статуса, невозможностью приобретения или отчуждения по воле гражданина. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием, т.е. формируют правовой базис, предпосылки правоотношений в конкретных отраслях права.

Цифровая революция формирует новые права в цифровом пространстве Интернета, иных информационно-коммуникационных технологиях, придает новые, порой неожиданные, аспекты реализации основных прав и свобод гражданина.

Как отмечается в Доктрине информационной безопасности РФ, «...национальными интересами в информационной сфере являются... обеспечение и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в части, касающейся получения и использования информации...»¹.

Цифровые права обычно понимаются, как права граждан на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, право на свободный доступ к сети Интернет

мировны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 7 Федерального закона «О персональных данных», пункта 7 статьи 55 Федерального закона «О связи» и части 1 статьи 18 Федерального закона «О рекламе» // СПС Консультант Плюс.

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2016. — № 50. — Ст. 7074.

(иных коммуникационных сетей) с использованием компьютеров и иных электронных устройств. Например, в 2013 г. Европейская комиссия опубликовала Кодекс онлайн-прав ЕС¹ (далее — Кодекс), который представляет собой сборник основных прав в области электронных коммуникаций, электронной торговли и защиты прав потребителей в Интернете в рамках ЕС. Смысл создания этого Кодекса состоял в изложении в одном документе прав гражданина и принципов правового регулирования, которые в настоящее время разбросаны по многочисленным директивам, правилам и конвенциям Европейского союза, что затрудняет их применение потребителями и поставщиками услуг. Кодекс не имеет прямого действия, однако права и принципы, изложенные в нем, подлежат исполнению в соответствии с соответствующими правовыми документами ЕС. Кодекс предусматривает, что каждый человек в ЕС должен иметь возможность получить доступ к минимальному набору услуг электронной связи хорошего качества по доступной цене на основе принципа «универсального обслуживания» («universal service» principle). Право доступа к Интернету должно быть обеспечено подключением к фиксированной сети связи общего пользования и должно поддерживать передачу голосовых сообщений, факсов и данных на скоростях, достаточных для обеспечения функционального доступа в Интернет и предоставления услуг голосовой телефонии.

Кроме этого, в соответствии со статьей 2 Кодекса каждый человек в ЕС должен иметь возможность получать доступ и распространять любую информацию и запускать любое приложение или услугу по своему выбору через электронные коммуникационные сети. В этом контексте должны

соблюдаться «Основные права и свободы физических лиц» (*the fundamental rights and freedoms of natural persons*), гарантированные Хартией основных прав Европейского союза, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а также общими принципами законодательства ЕС. По этой причине любые меры, связанные с доступом потребителей к услугам и приложениям или их использованием, которые могут ограничивать эти основные права и свободы, могут вводиться государством-членом только в том случае, если это уместно, соразмерно и необходимо в демократическом обществе.

Об этом говорится в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век»², которая констатирует «...глобальный и открытый характер Интернета и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в качестве одной из движущих сил ускорения прогресса на пути развития в его различных формах». В связи с этим особенно важно подтверждение в Резолюции права на неприкосновенность личной жизни, в соответствии с которым никто не должен подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его/ее личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, и право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств, как это предусмотрено в статье 12 Всеобщей декларации прав человека и статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах. Резолюцией также подтверждается необходимость

¹ Code of EU online rights. — URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/code-eu-online-rights>.

² Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 18 декабря 2013 г. [по докладу Третьего комитета (A/68/456/Add.2)] 68/167. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век. — URL: http://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf.

защиты прав, которыми человек обладает в офлайн-среде, также и в онлайн-среде, включая право на неприкосновенность личной жизни. При этом все государства обязаны уважать и защищать право на неприкосновенность личной жизни, в том числе в контексте цифровой коммуникации, а также предотвращать нарушения таких прав.

Закрепление права доступа в Интернет в международных правовых актах в качестве одного из основных прав гражданина и человека свидетельствует о подвижности понятия основных прав и свобод в конституционно-правовом и политологическом смысле. В силу процессов цифровизации общественных отношений объективно проявляется необходимость закрепления и цифровых прав гражданина и человека. Достаточно показательна в этом плане судебная практика ЕСПЧ последних десятилетий, которая свидетельствует о том, что и право интеллектуальной собственности (права на патенты, товарные знаки, авторские произведения), ранее рассматривавшееся только как право частного характера, в настоящий момент включается в разряд основных прав человека [3].

В связи с этим следует отметить, что Конституция РФ особо устанавливает гарантии защиты прав интеллектуальной собственности, определив в статье 44 раздела 2 «Права и свободы человека и гражданина» положение о том, что «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом».

Современный процесс цифровизации общественных отношений продолжает бурно развиваться, стимулируя технологические новации, которые, в свою очередь, ставят непростые проблемы правового характера в сети Интернет, к числу которых относятся сохранность персональных и био-

метрических данных, обеспечение кибербезопасности, защита конституционных прав граждан, обеспечение неприкосновенности частной жизни и др. [4 — С. 17 — 26].

Судебная практика отмечает появление новых преступлений в сети Интернет и с использованием современных цифровых технологий. Так, Пленум Верховного суда РФ¹ указал на новые способы преступных хищений (краж) путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества, в том числе получение доступа к таким данным (тайно либо путем обмана использование телефона потерпевшего, подключенного к услуге «мобильный банк», авторизация в системе интернет-платежей под данными другого лица и т.п.).

Не случайно в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (раздел IV) отмечается, что целью информационной безопасности является «...достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации в условиях цифровой экономики...»².

Обратной стороной соблюдения конституционных прав граждан являются публично-правовые вопросы обеспечения цифрового суверенитета государства, его цифровой независимости. В условиях обострения новой хо-

¹ Пункты 20, 21 постановления Пленума Верховного суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного суда РФ. — 2018. — № 2, февраль,

² Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

лодной войны усиления политических и экономических санкций в отношении России актуальность этих публично-правовых институтов крайне важна.

Цифровая трансформация оказывает самое непосредственное влияние на реализацию фундаментальных прав человека, способствует появлению новых прав человека и гражданина как участника всемирного информацион-

ного, цифрового пространства. Плоды цифровизации требуют осмысления и адекватного формулирования правового механизма регулирования, реализации и защиты уже существующих и вновь формирующихся прав человека в целях устойчивого социально-экономического развития, обеспечения реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Литература

1. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. Столичный выпуск № 7578 (115). 29 мая. — URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>.
2. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник для студентов, преподавателей юрид. вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2010.
3. Laurent Sermet. The European Convention on Human Rights and property rights. Human rights files, N 11 rev. Council of Europe Publishing. — URL: <http://www.echr.coe.int/>.
4. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // ИС. Авторское право и смежные права. — 2017 — № 8.

ДЕМОКРАТИЯ И ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению вопроса о наличии связи между процессом совершенствования общественно-политической системы и процессом распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Сложившаяся традиция основана на представлении о научно-техническом прогрессе как важнейшем факторе общественно-политического развития, однако так ли это на самом деле? Анализ статистических данных показывает, что, несмотря на имеющуюся корреляцию между распространением в стране ИКТ и степенью совершенства общественно-политической системы, на практике преодоление страной цифрового отставания не означает, что в ней начинает процветать демократия и свобода. Не стоит забывать, что любые технологии, информационно-коммуникационные в том числе, — это всего лишь инструмент, применение которого может дать как положительный, так и отрицательный эффект.

Ключевые слова: демократия, цифровое неравенство, индекс демократии, информационно-коммуникационные технологии, Интернет, количественный анализ.

Автор

Каратеев Артём Юрьевич

Доцент кафедры истории и теории политики
факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
кандидат исторических наук
(Москва, Россия)



На сегодняшний день вопрос о наличии связи между процессом демократизации и процессом распространения информационных технологий кажется решенным и не требующим дополнительных исследований. Традиционно принято считать, что развитие науки, техники и технологий коррелирует с общественным прогрессом. То есть либо способствует прогрессу, либо, если установление причинно-следственной связи оказывается спорным, сопровождает общественный прогресс. Своими корнями идея о связи общественного развития с развитием научно-техническим уходит в далекое прошлое, а потому воспринимается довольно часто как данность, как не вызывающий сомнения постулат. Действительно, именно научно-технические достижения позволили передовым странам еще в период XVIII–XIX вв. начать борьбу с

хроническим недоеданием, вспышками голода и болезней, и уже к началу XX в. это привело к заметному увеличению средней продолжительности жизни. Эти изменения сопровождалось совершенствованием политической системы, ее либерализацией и демократизацией. Вполне естественно, что в таких условиях сформировалось представление о научно-техническом прогрессе как важнейшем «драйвере» общественно-политического развития.

События XX века существенно снизили градус восторженной веры в чудодейственность научно-технического прогресса, однако, в целом, не повлияли на оценку его значимости в деле совершенствования устройства человеческого общества. Факты, когда научно-технические достижения оборачивались человеку во вред, хотя и были многочисленными, чаще всего рассматривались как нарушения поряд-

ка, которые необходимо проанализировать и взять под контроль. Подобная процедура была запущена для оружия массового поражения, экологических катастроф, техногенных рисков и т.д. Таким образом, глобальный подход к научно-техническому развитию заключается в признании его положительной роли и предполагает частичный контроль некоторых из направлений и аспектов этого развития, потенциально представляющих опасность (атомная энергетика, геновая инженерия, загрязнение окружающей среды, распространение вооружений и т.д.).

Одной из областей пристального внимания со стороны мирового сообщества в последние 20–30 лет является проблема цифрового неравенства (digital divide), то есть неравномерного доступа людей к современным информационно-коммуникационным технологиям.

Еще в 80–90-е гг. прошлого века исследования стали фиксировать существенный разрыв во внедрении и использовании новых достижений информационной и телекоммуникационной техники и между отдельными странами и регионами, и между разными социальными группами одной страны или региона. Если в 80-е гг. речь шла о разрыве в распространении телефонной связи и телевизоров, то в 90-е — о степени распространения персональных компьютеров, а еще позже — о распространении Интернета и сотовой связи. Так, в 80–90-е годы количество компьютеров и стационарных телефонов в развитых странах в пересчете на человека на порядок превышало аналогичные показатели некоторых африканских стран. Вместе с тем и в самих развитых странах распределение компьютеров и телефонов не было равномерным: у жителей городов они встречались чаще, чем у жителей сельской местности; у белого населения — чаще, чем у цветного; у богатых и образованных — чаще, чем у бедных и не имевших образования.

Первоначально цифровое неравенство было признано следствием социально-экономического неравенства. Объяснительная модель была очевидной: жители городов, белое население, люди с хорошим образованием имели больше доходов, а потому могли себе позволить телевизор, сотовый телефон, подключение к Интернету. Напомним, что все эти предметы и услуги первоначально стоили довольно дорого и даже в богатых странах были по карману далеко не всем. Аналогичным образом объяснялось и цифровое неравенство между странами и регионами.

Дальнейшие исследования показали, что на возникновение цифрового неравенства влияют не только финансовые различия между индивидами, но и ряд других факторов, не связанных напрямую с материальным благополучием. Оказалось, что большое значение играют возраст, культурные предпочтения, область занятости, стиль жизни и т.д. Более того, выяснилось наличие обратной связи между доступом к ИКТ и жизненной успешностью. Было установлено, что доступ к ИКТ является фактором, существенно повышающим конкурентоспособность человека и его шансы на достижение более высокого социального статуса. В самом деле, обладание компьютером и/или навыками работы на нем, умение работать в Интернете, наличие стационарного и/или сотового телефона повышают уровень информированности человека, его включенности в социальную среду, делают его более привлекательным на рынке труда.

Более того, оказалось, что наличие цифрового неравенства приводит к углублению социально-экономического неравенства: обеспеченный и образованный человек имеет возможность купить компьютер, мобильный телефон, подключиться к Интернету — стать более квалифицированным, информированным, конкурентоспособным — и, как результат, еще более обеспеченным и образованным. Бедный и

необразованный не может позволить себе эти приобретения — и остается бедным и необразованным. Или даже еще более бедным и необразованным по сравнению с более успешными согражданами, находящимися по другую сторону цифрового барьера.

Вопреки идеям о том, что технический прогресс позволит устранить или смягчить противоречия между общественными группами, на практике обнаружилось, что новые технологии способствовали не социальному выравниванию, а наоборот — усилению противоречий. Было признано, что цифровое неравенство не просто делит общество на страты, но противоречит основополагающим принципам демократии, а именно — принципу равных возможностей.

Как и некоторые другие потенциально опасные для человечества аспекты научно-технического развития, цифровое неравенство было взято под частичный контроль. Стало очевидным, что требуется выработка как внутригосударственной, так международной политики, которая если и не сделала бы управляемым процесс развития и внедрения ИКТ, то, по крайней мере, смягчила бы его негативные последствия, не допустив углубления социальной дифференциации и усиления международной напряженности.

Таким образом, формирование программ по преодолению цифрового неравенства преследовало одновременно несколько целей, лежавших в разных плоскостях: это и поддержание демократических принципов, и обеспечение прав и свобод (например, права на доступ к культурным ценностям и права на образование), и повышение квалификации населения, и снижение степени социальной дифференциации. Принятые на национальном и международном уровне инициативы включали проведение Интернета в сельские районы, подключение к нему школ, библиотек, передачу на льготных

условиях компьютерной и коммуникационной техники малообеспеченным семьям, создание специализированных образовательных центров, обучение работе с компьютерами и сетевыми технологиями детей из неблагополучных семей, лиц пожилого возраста и т.д.

Первоначально подобные программы реализовывались в развитых странах, но, по мере успешной реализации политики по сглаживанию цифрового неравенства внутри стран, все более важной становилась проблема разрыва в доступе к ИКТ между регионами мира. В 2005 г. эта проблема была озвучена в докладе Генерального секретаря ООН «К вопросу о цифровом разрыве». В нем указывалось, что отставание страны в использовании ИКТ ведет к ее постепенному исключению из глобальных экономических процессов. Программы помощи отстающим странам предусматривали поставки вычислительной техники, средств связи, коммуникационного оборудования, помощь в обучении населения и специалистов, проведении каналов связи, запуске национальных интернет-ресурсов и многое другое. Немаловажную роль играла здесь убежденность в том, что развитие ИКТ и приобщение к ним широких слоев населения улучшает не только экономическую и социальную ситуацию, но и способствует процессам демократизации. В самом деле, использование ИКТ позволяет:

- повысить доступность значимой социально-политической информации, включая общегосударственное и местное законодательство, решения государственных органов и т.д.;
- повысить прозрачность деятельности органов власти, общественно-политических организаций, отдельных политиков;
- наладить каналы двусторонней коммуникации между населением и органами власти (электронные приемные, порталы государственных услуг и т.п.);

- автоматизировать и упростить процессы сбора мнений граждан по насущным проблемам (начиная от автоматической обработки бумажных избирательных бюллетеней и заканчивая электронными референдумами);
- повысить оперативность фиксации и передачи информации о нарушениях прав и свобод граждан, в т.ч. в международные органы.

Было признано, что именно использование ИКТ делает возможным в полной мере в масштабах страны реализовать принципы делиберативной демократии, предоставляет технологическую платформу для проведения общенациональных или даже наднациональных обсуждений и дискуссий, обмена мнений. Как отмечают некоторые авторы: «Политические информационные системы являются жизненно важными в условиях представительной демократии» [3. — С. 32]. Важность ИКТ для процесса демократизации была постулирована высшим руководством России: «Развитие таких технологий прямо влияет на подъем науки и техники, на эффективность государственного управления и даже на политическую систему, открывая доступ к политическим институтам и тем самым на расширение демократии» [2].

Вместе с тем нельзя не признать, что борьба с цифровым неравенством и стремление к повальной компьютеризации и интернетизации населения, бизнеса, властных структур не столько вытекают из объективных требований действительности, сколько определяются некими концептами. Одним из таких концептов является представление об информационном, постиндустриальном обществе, которое будет следующим шагом развития человечества. Разработка идеи информационного общества, образно говоря, программирует будущее аналогично тому, как программирует будущее любой прогноз. Вполне естественно,

что для реализации этого прогноза требуется максимально возможное распространение ИКТ. При этом само по себе информационное общество представляется в воображении его теоретиков то как квазикоммунистическое общество изобилия с отмершими властными органами, то как либерально-демократическое сообщество, то как тоталитарное государство, умеющее, благодаря новейшим технологиям, контролировать каждый шаг и каждое намерение гражданина.

Однако, как обстоит дело на практике? Можно ли на сегодняшний день ответить на вопрос о том, способствует ли развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий общественно-политическому прогрессу? В качестве примера такого рода исследования можно провести анализ межстрановых показателей, характеризующих, с одной стороны, степень распространения ИКТ, а с другой — степень совершенства общественно-политической системы.

Возьмем для простоты два показателя: процент взрослого населения, имеющего доступ в Интернет (Percentage of individuals using the Internet), и индекс демократии. Первый показатель подразумевает, что человек считается имеющим доступ к Интернету, если за последние 12 месяцев хотя бы раз выходил в Интернет с любого устройства [5. — Р. 142–145]. Индекс демократии является комплексным параметром и включает несколько компонент, описывающих степень демократичности электорального процесса, деятельность правительства, характер политического участия, уровень политической культуры и обеспечение гражданских свобод [4]. На основании этих двух показателей можно построить диаграмму рассеивания, на которой каждой стране будет соответствовать точка. Горизонтальная координата точки будет соответствовать проценту населения, имеющего доступ в Интернет (шкала

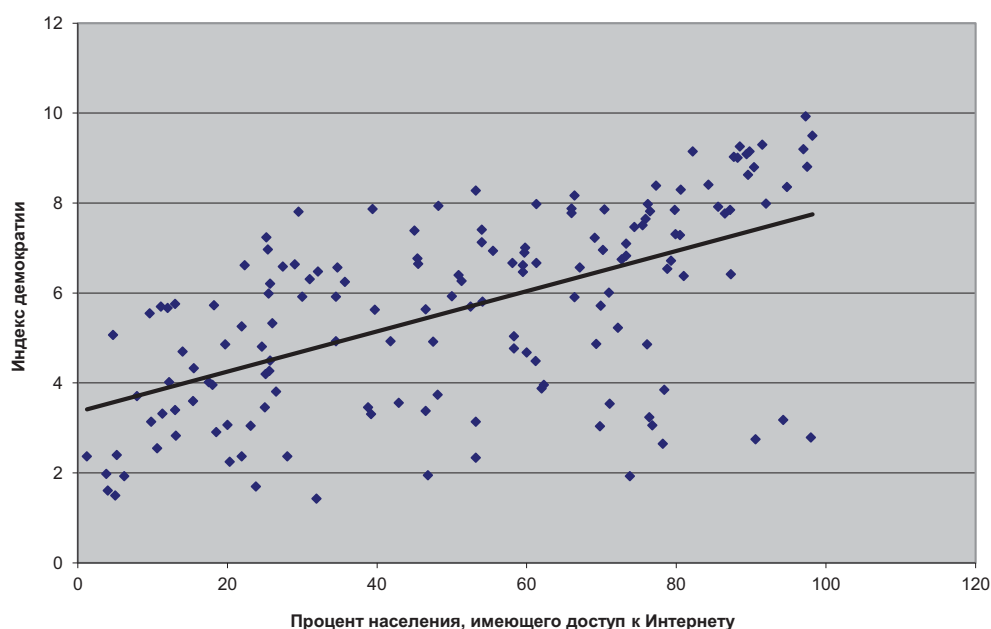


Рисунок. Диаграмма рассеивания 154 стран мира (по данным 2016 г.)

измерения — от 0 до 100%), а вертикальная координата — индексу демократии (шкала измерения — от 0 до 10). (В скобках заметим, что для ряда стран отсутствуют данные по индексу демократии; аналогично — не для всех стран известен процент населения, имеющего доступ к Интернету. В результате в исследование попали 154 страны, по которым имеются значения и одной, и другой переменных.)

Простое рассмотрение полученной диаграммы позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, и это может показаться довольно неожиданным, страны разбросаны почти по всему пространству. То есть в стране с низким значением индекса демократии может быть как низкий, так и высокий процент населения, имеющего доступ к Интернету. Так, Бахрейн и Джибути, при почти одинаковых значениях индекса демократии (2,79 и 2,83, соответственно), имеют колоссальную разницу в 85% по количеству населения, имеющего доступ к Интернету (98% в Бахрейне и 13,1% в Джибути). В группе стран с более вы-

соким значением индекса демократии также можно увидеть большой разброс в числе тех, кто имеет доступ к Интернету. Например, Япония имеет индекс демократии, равный 7,99, и процент населения, имеющего доступ к Интернету, на уровне 92%. При этом Индия, имея сходный индекс демократии — 7,81, в три раза уступает по проценту населения, имеющего доступ к Интернету, — он равен всего лишь 29,5%.

Сходная ситуация видна и при сравнении стран со сходными значениями процентов населения, имеющего доступ к Интернету: индекс демократии в этих странах может существенно варьироваться. Исландия имеет практически тот же процент населения, имеющего доступ к Интернету, что и Бахрейн (98,2 и 98, соответственно). Но если в Бахрейне индекс демократии — 2,79, то в Исландии — 9,5. Для стран с более низким уровнем доли населения, имеющего доступ к Интернету, характерна та же картина: Экваториальная Гвинея и Восточный Тимор имеют сходные проценты тех, кто имеет доступ к Интернету (23,8 и 25,2), и при этом разницу

в четыре с лишним раза по индексу демократии (1,7 и 7,24, соответственно).

То есть говорить о том, что существует однозначная связь между индексом демократии и распространением Интернета среди населения, не получается. Если бы такая связь существовала, данные на диаграмме рассеивания имели бы более четкую форму и более явную ориентацию из нижнего левого угла в верхний правый угол (положительная связь) или из нижнего правого угла в верхний левый угол (отрицательная связь).

Тем не менее (это во-вторых), на диаграмме явно просматриваются несколько «мертвых зон», позволяющих сделать важные для нашего исследования выводы.

Обращает на себя пустая зона, где нет стран, в верхней части диаграммы. Ее можно интерпретировать следующим образом: *страна не может достичь высокого индекса демократии, имея низкий процент населения с доступом к Интернету*. Эта зона, можно сказать, определяет пределы роста для стран: если доля населения, имеющего доступ к Интернету, меньше 20%, то в этой стране не может быть индекса демократии выше 6. Если доля населения, имеющего доступ к Интернету, от 20 до 50%, то в такой стране не может быть индекса демократии выше 8. Если доля населения, имеющего доступ к Интернету, от 50 до 80%, то в стране не будет индекса демократии выше 8,5. И только для стран с долей населения больше 80% возможно достижение более высоких значений индекса демократии. Таким образом, мы видим, что существует связь между предельными значениями индекса демократии и распространенностью Интернета.

Еще одна «мертвая зона» располагается в нижней правой части. Ее интерпретация может быть следующей: *маловероятно для страны достичь очень высокого процента населения, имеющего доступ к Интернету, имея*

при этом низкий индекс демократии. Исключение из этого правила составляют три нефтяные страны: ОАЭ, Катар и Бахрейн. Если не брать их в расчет, можно сделать такое заключение: если индекс демократии меньше 6, то доля населения, имеющего доступ к Интернету, не может превысить отметку в 80%. Если индекс демократии меньше 8, то затруднительно преодолеть отметку в 90%. Достижение более высоких результатов по распространению Интернета возможно лишь при значении индекса демократии выше 8. Таким образом, можно утверждать наличие связи между предельными значениями процента населения, имеющего доступ к Интернету, и индексом демократии.

«Мертвая зона» в нижней части диаграммы, по сути, не позволяет говорить о существовании заметной связи: видно, что стран с крайне низкими значениями индекса демократии нет ни среди стран с высокой долей населения, имеющего доступ к Интернету, ни среди стран с низкой долей. Тем не менее заметно, что граница этой зоны немного все же поднимается вверх по мере увеличения процента населения, имеющего доступ к Интернету, что, опять же, может свидетельствовать о наличии связи между предельными значениями индекса демократии и распространенностью Интернета.

О наличии статистической связи между долей населения, имеющего доступ к Интернету, и индексом демократии свидетельствует корреляционный анализ. Коэффициент корреляции Пирсона оказывается равен 0,58, что соответствует положительной связи средней силы.

Схожие диаграммы рассеивания и коэффициенты корреляции могут быть получены и при рассмотрении связи между индексом демократии и другими переменными, характеризующими степень развитости и распространенности ИКТ. Так, коэффициент корреляции

между индексом демократии и процентом домовладений, в которых имеется компьютер (Percentage of households with computer) [5. — Р. 138–141], составляет 0,53 при очень сходной диаграмме рассеивания.

Таким образом, напрашивается вывод, что хотя статистические данные подтверждают наличие корреляции между распространением в стране информационно-коммуникационных технологий и степенью совершенства общественно-политической системы, на практике эта связь не является однозначной. Если в стране низкий уровень распространения ИКТ, то вовсе необязательно, что в этой стране наличествует авторитарный режим и ограничено действие гражданских свобод. Равно как и наоборот — преодоление страной цифрового отставания не означает, что в стране начинает процветать демократия и свобода.

Полученные корреляционные коэффициенты, в целом, согласуются со сложившимися представлениями о научно-техническом прогрессе как важнейшем *факторе, способствующем совершенствованию общественно-политической системы*. Однако именно «в целом». Очевидно, что ИКТ не является определяющим фактором в процессе этого совершенствования (это показывают те же самые полученные коэффициенты). Создавая благоприятные условия для развития демократии, обеспечения прав и свобод, ИКТ в практике конкретных государств могут быть и не использованы для этих целей. Более того, современные информационные технологии могут использоваться во вред демократии, помогая реализовать сценарий создания тоталитарного государства нового типа, имеющего, благодаря технике, возможность контролировать каждый шаг и каждое намерение своих граждан. Системы уличного наблюдения, анализа циф-

ровых следов и прочие современные средства могут использоваться как для розыска террористов, так и для выявления «неблагонадежных элементов» и инакомыслящих. Одни и те же технологии можно использовать с разными целями, *ИКТ — всего лишь инструмент*, направленность применения которого зависит от тех, кто этот инструмент использует, от сопутствующих обстоятельств и от ряда других факторов. Неслучайно на смену эйфории все чаще приходит более взвешенное отношение к ИКТ, звучит озабоченность возможными рисками: «интернет-технологии коммуникации... выступают мощным фактором эволюции традиционных моделей общественно-политического устройства в глобальных масштабах. Однако открывается ли при этом новый спектр возможностей для общественно-политического развития либо же мы имеем дело с новыми политическими вызовами и угрозами — данный вопрос является по-прежнему открытым» [1. — С. 81].

То есть информационно-коммуникационные технологии выступают на сегодняшний день в двояком амплуа: и как фактор, способствующий совершенствованию общественно-политической системы (для объяснения этого влияния может быть предложено множество объяснительных моделей), и как инструментальное средство, наличие которого, само по себе, не оказывает влияния на укрепление демократии и обеспечение прав и свобод человека. Внимательное изучение исторического опыта показывает, что подобный дуализм не является чем-то уникальным — все открытия и изобретения, сделанные человечеством, с одной стороны, предоставляли возможности улучшения жизни, а с другой, являлись инструментом, создавая риск их использования не только на благо, но и во зло.

Литература

1. Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. — Т. 18. — Вып. 2.
2. Медведев Д.А. Вступительное слово на заседании президиума Государственного совета «О реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации». — 17 июля 2008. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/819>.
3. Тараканова Т.С. Особенности информационно-коммуникационных технологий в концепции делиберативной демократии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2012. — № 1.
4. Democracy Index 2016. — The Economist Intelligence Unit, 2017. — Режим доступа: <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>.
5. Measuring the Information Society Report. — International Telecommunication Union. — Geneva. — 2017. — Vol. 1.

ЦИФРОВОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Аннотация

В статье рассматривается предметная и методологическая проблематика современного регионоведения. На основе критического диалога с подходом «мировое комплексное регионоведение» авторы предлагают проект оригинальной исследовательской программы изучения одного из макрорегионов — Большого Средиземноморья. В статье предложен особый предметный срез регионоведческих исследований — макрорегион или метарегион Большого Средиземноморья, который развернут в большом (историческом) времени. Показана интегральная роль политической науки в изучении и геостратегическом конструировании макрорегионов. Продемонстрирован характерный для русской школы международных исследований подход в понимании процессов регионального развития. Обозначены некоторые возможности цифровых наук и технологий в современном регионоведении.

Ключевые слова: регионоведение, мировое комплексное регионоведение, макрорегион, метарегион, Большое Средиземноморье, цифровые технологии.

Авторы

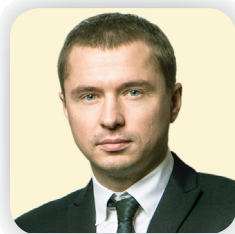
Чихарев Иван Александрович

Директор института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета, кандидат политических наук (Севастополь, Россия)



Бровко Василий Юрьевич

Аспирант института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия)



Изучение регионов современного мира является важнейшей научной задачей в силу широко признанной в современной науке неравномерности мирового развития, глубокой региональной специфики протекания процессов глобализации, разнонаправленного продвижения интеграционных процессов. В силу особенностей географического положения России, исследования как внутренних регионов, так и международных региональных систем, в которые включена наша страна, имеют

большие значение и масштаб. Освоение новых пространств — Арктики, Антарктики, Мирового океана, а также обострение международной конкуренции в рамках уже сложившихся региональных подсистем международных отношений — на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в Западной Европе и шире — в Евроатлантике, в Центральной Африке и других, делают весьма актуальными задачи приращения регионоведческих знаний и развития методологии региональных исследований.

Современное регионоведение представляет собой мультидисциплинарную и полипредметную область знаний. Регионы различного масштаба и уровня — от локальных сообществ до мегарегионов [3. — С. 12] изучаются широким спектром наук как естественных (география, геология), так и социальных (история, политология). Известны исследования в области гуманитарной или человеческой географии и истории регионов [5]. Все большее значение приобретает изучение регионов методами точных наук, прежде всего, с помощью геоинформационных систем, больших данных и создания «цифровых двойников» региональных систем и процессов.

На фоне такого регионоведческого плюрализма в отечественной науке сделана попытка создания «точки сборки» — интегральной дисциплины или даже постдисциплинарной модели знания «мировое комплексное регионоведение» [2]. Методологически в его основе лежит два типа редукций, позволяющих контролировать количество факторов и, соответственно, переменных, влияющих на региональное развитие: 1) определение специфических региональных факторов, оказывающих большее влияние на исторические события в данном регионе, — что снимает потребность в сплошном идеографическом описании; 2) сокращение необходимых «выборок» в количественных исследованиях. Одновременно с некоторым упрощением фактуры по сравнению со сверхплотными страноведческими и традиционными историческими исследованиями мировое комплексное регионоведение делает существенно более детализированным взгляд на региональную специфику протекания мировых процессов. Такая одновременная рефокусировка двух линз создает достаточно эффективную оптику мирополитического анализа, особенно учитывая, что рефокусировка является динамической, а создаваемые

факторные теории среднего уровня — открытыми. Это предполагает вариативность и масштабов, и дисциплинарного характера исследования.

Несмотря на все достоинства и достижения этого подхода, он не преодолевает, с одной стороны, инерционности, а с другой — презентизма в понимании пространственных границ регионов. Так, в учебнике по практике мирового зарубежного регионоведения рассматриваются вполне привычные международные регионы, в том виде как они разделены между профильными институтами Российской академии наук. Но эти сложившиеся региональные подсистемы международных отношений конституировались в нынешнем виде только в эпоху Нового времени, а до этого их структура и характер отношений между ними были принципиально иными. Соответственно, такое ограничение снижает социоинженерный потенциал мирового комплексного регионоведения, сокращая временной масштаб рассмотрения исторических региональных трансформаций и, соответственно, уровень понимания возможных будущих траекторий регионального развития.

Кроме того, комплексный регионоведческий подход является в большей степени поисковым, а не проективным. Это, возможно, «плюс» с точки зрения чувствительности к региональной специфике, но определенно «минус» для геостратегического потенциала мирового комплексного регионоведения, то есть его способности генерировать действенные модели политического развития регионов. Здесь же надо отметить, что сторонники мирового комплексного регионоведения не вполне последовательно решают вопрос соотношения структуры и агента в социально-историческом пространстве региона. С одной стороны, говорится о «достаточно высокой степени конструктивизма», а с другой — о невозможности субъективизированных

трансформаций. Можно предположить, что причина как раз в слишком укрупненном масштабе понимания регионов, которые и впрямь при таком тяжелом взгляде (как, например, взгляд Хаусхоффера на глобальные регионы) превращаются в неповоротливых динозавров. Также холистический конструктивизм комплексного регионоведения может объясняться востоковедческими ориентирами многих сторонников этого подхода, которые традиционно являются в большей степени либо структуралистскими, либо историко-описательными, но не нормативно-прескриптивными.

Тут же скажем, что одним из парадоксальных ограничений подхода является дихотомия Запад/Незапад, хотя совершенно справедливым со стороны русских регионоведов был бы заход на проблему с позиций «метарегиональности», то есть роли регионов, служащих «мостами» между различными региональными пространствами. Не до конца использован потенциал критической геополитики, который как раз бы мог способствовать избавлению от географических клише и бинарных оппозиций.

Наконец, в плане «дисциплинарности» мировое комплексное регионоведение остается «на стороне» социальных наук, использует социогуманитарный, историко-описательный, историко-сопоставительный дискурс. В этом смысле большие данные, которые должны быть собраны и проанализированы для решения масштабных регионоведческих задач, в представлении данного подхода не операционализированы и не оцифрованы, что, безусловно, ограничивает потенциал подхода в его нынешнем виде.

«Открытая архитектура» мирового комплексного регионоведения и содержащиеся в нем эвристики позволяют практиковать и позитивно развивать его без существенной деформации ядра исследовательской программы.

В этой статье будет предложен достаточно нетривиальный регионоведческий кейс, изучение все же потребует корректировки некоторых базовых понятий и установок современного регионоведения. Во-первых, будет предложен особый предметный срез — макрорегион или метарегион Большого Средиземноморья, который будет развернут в большом (историческом) времени. Во-вторых, будет показана интегральная роль политической науки в изучении и геостратегическом конструировании регионов. В-третьих, будет продемонстрирован характерный для русской школы международных исследований подход в понимании процессов регионального развития. В-четвертых, будут обозначены некоторые возможности цифровых наук и технологий в современном регионоведении.

Едва ли в журнале «Русская политология», для которого мы пишем эту статью, нужно скрывать, что главный мотив в выборе предмета исследования — макрорегиона Большого Средиземноморья — возвращение России в этот регион после событий Русской весны, восстановление Средиземноморской эскадры ВМФ РФ, действий Вооруженных сил России в Сирии, ее новой роли в отношениях с Египтом, Ливией и другими государствами региона в последние годы. Безусловно, этот мотив — ключевой, однако следует признать, что регион Большого Средиземноморья был и остается одной из наиболее значимых зон мирового развития, а главное — распространения достижений человеческой цивилизации. С этой точки зрения его изучение имеет не только патриотический смысл, но выглядит многообещающим именно для прояснения взаимодействия глобальной и региональной динамик развития, что представляет проблему переднего края для современных социальных наук. Более того, мы убеждены, что возвращение России

в регион, несмотря на всю его неоспоримость и необратимость, должно вносить (и уже вносит) исторический вклад в региональное развитие. Но это невозможно без понимания сложнейшей «текстуры» и драматичной динамики развития региона.

Регион представляет собой возможный ключ для разрешения дихотомий Запад/Восток и Север/Юг, в «перекрестии» которых он находится. Возвращаясь к мировому комплексному регионоведению, можно сказать, что здесь мы имеем географически центральный кейс в анализе непосредственной динамики отношений между частями названных дихотомий и, более того, — систему более частных случаев их политического и социально-экономического синтеза разной степени успешности (например, Север и Юг Италии в рамках единой экономической системы и модели региональных отношений, Ливан, Израиль да практически все граничащие со Средиземноморским бассейном государства). Более того, в большом историческом времени данное перекрестье видится не как зона столкновения (хотя изучение средиземноморских конфликтов представляет собой актуальную задачу), а как колыбель развития «Центральной цивилизации» [7].

Также очевидно, что Большой средиземноморский регион явился ключевым коммуникативным пространством для глобализации мирового развития. Дело не только в очевидном значении Средиземноморья для обменов в Древнем мире и Средневековье. Оно же явилось «хабом» для «евразийского переноса» [6] достижений восточных цивилизаций в Западную Европу и достижений европейской цивилизации в Новый свет. Великая степь Евразии и центральная Атлантика от Гибралтара до Карибского моря с геологической точки зрения могут рассматриваться как восточное и западное ответвления Большого Средиземноморья. Большое

Средиземноморье в большом историческом времени — это колыбель человеческой цивилизации, из которой ведут пути от берегов Нила в Землю обетованную, шелковых путей, речных дорог из варяг в греки, европейских колонистов раннего модерна.

Итак, в плане диалога с мировым комплексным регионоведением, можно говорить о регионе Большого Средиземноморья как об особом метарегионе, важнейшей характеристикой которого является его коммуникативный характер, обусловленный особенностями географической среды и интенсивностью социально-политического развития. В области кросс-регионального сравнения можно предположить, что таких регионов несколько (некоторые сохранили свое центральное значение для глобальных или макрорегиональных процессов до сегодняшнего дня, иные — утрачивают, другие — только утверждают в данном качестве). Это, в частности, Балтика и Северное море как «Североевропейское Средиземноморье», Евразийская степь, (Северная) Атлантика как «Средиземный океан» Нового времени, Карибское море (Средиземноморье Америк), комплекс морей от Южно-Китайского до Охотского, Индийский океан [4. — С. 64–93]. «Средиземным океаном» XXI века можно смело счесть Азиатско-Тихоокеанский регион, а перспективным Северным Средиземноморьем — Арктику.

Хотя при взгляде на карту мира эти «средиземноморья» кажутся географически детерминированными, сама постановка вопроса о повышении или снижении их значимости, «появлении» новых срединных морей заставляет задуматься, что определяет «средиземность» кроме географического фактора — ведь при взгляде на планету со стороны северного полюса та же Арктика практически идеально «срединна». Ответ является очевидным, но двухтактным. «Средиземноморскость» определяется (1) вовлечени-

ем окружающих море частей суши в хозяйственную деятельность и (2) построением относительно целостной системы *регулирования* в данном географическом пространстве. Все перечисленные выше «средиземноморья» характеризуются такими признаками, обладающими разной степенью выраженности в разные периоды исторического времени.

В принципе, под такое определение подходит любой регион. Значительным отличием средиземноморских (в широком смысле) регионов является наличие открытой системы регулирования, то есть фактическая невозможность жесткого определения границ. Для всех перечисленных квазисредиземноморских регионов характерны территориальные споры, и каждый из них остается предметом проектирования в имперских и постимперских стратегиях. Даже относительно «спокойные» «средиземноморья» Балтики, Карибского бассейна, Евразийской степи испытывают влияние политических мегапроектов США, России, КНР. Классическое же Средиземноморье (между Европой, Африкой и Азией) исторически являлось и остается «образцом» межимперского соперничества и территориальной неустроенности, характерной даже для старейших южноевропейских наций-государств региона.

Можно предположить, что средиземноморские международные системы имеют более высокую степень анархичности, что вызывает потребность или установки имперского режима «внутреннего моря», или сохранения по виду сути дерегулированной системы «свободы морей», а по факту наиболее удобного режима для доминирующей империи, способной извлечь максимальные относительные выгоды из «свободы» торговых и военных перемещений.

Средиземноморские международные системы усложняют дилемму без-

опасности. От простой конструктивной дилеммы: «увеличение безопасности одного государства ведет к снижению уровня международной безопасности; уменьшение безопасности одного государства ведет к снижению уровня международной безопасности; любая диспропорция в степени безопасности ведет к снижению уровня безопасности» (соответственно, далее — или война, или баланс сил) — происходит переход к сложной: «увеличение безопасности одного государства ведет к снижению уровня международной безопасности; безопасность государства, контролирующего срединное море, увеличивается относительно больше, чем безопасность других; уровень международной безопасности всегда низок; попытки установления системы коллективной безопасности несостоятельны» (соответственно, далее — или война, или империя).

В конечном счете все современные системы международной безопасности тяготеют к усложнению дилеммы как раз потому, что являются по своей морфологии средиземноморскими. Собственно, на материале классического Средиземноморья была сформулирована каноническая фукидидова дилемма. Англосаксонский опыт имперостроительства с центром (центрами) в Северной Атлантике — хрестоматийный пример средиземноморского усложнения дилеммы безопасности. Отсюда и двойственность международной системы Западной Европы Нового времени (Вестфальской) — «изнутри», континентально — она являет собой смену систем относительного признания границ при отсутствии выраженного гегемона. Снаружи, океанически, она предстает как смена контролирующих моря гегемонов (лидеров), активно перекраивающих границы.

Гипотетически Средиземноморье может быть «зашиито», то есть вокруг срединного моря на какое-то время может быть установлен достаточно

прочный международный режим. Примерами могут быть закрытие Балтики петровскими договорами или интериоризация Карибского моря доктриной Монро, а также советское освоение Евразийской степи. Но история показывает, что даже эти попытки контролировать море оказываются эпизодами — Балтику вскрывает Рейх, Карибы пытается освоить СССР в 1960–1980-х, а Центральная Евразия после распада СССР является полем конкуренции России, США и Китая.

Таким образом, любое средиземноморье формируется как регион той или иной конфигурации в результате осуществления политического проекта, в полном соответствии с формулой, которую вспоминает Пьер Бурдьё: *ge hegere fines et ge hegere sacra* (1. — С. 149). Но, в отличие от относительно стабильных внутригосударственных регионов или внутриконтинентальных границ, средиземноморья флуктуируют между состояниями «свободы морей» и «внутреннего моря империи», которые на самом деле являются двумя сторонами одной монеты. Качество «средиземности» морю придает его «присоединение» к крупному континентальному политическому проекту — например, в классическом Средиземноморье мы уже более трех тысячелетий наблюдаем процесс смены доминирующих империй и постимперий.

В данной историко-политической развертке возвращение России в средиземноморский регион можно оценивать двояко — с одной стороны, как очередной подрывающий международное право имперский прорыв, черед которых характерна для истории средиземноморий. С другой — как шаг к стабилизации Большого Средиземноморья. Оставив в стороне известные аргументы «за» и «против» соответствия международному праву воссоединения Крыма и Севастополя с Россией или действий Вооруженных сил России в Сирии, констатируем, что с момента распада СССР и прекращения

действий в регионе Средиземноморской эскадры ВМФ СССР, политические процессы в макрорегионе характеризовались макроконфликтностью, перманентной транзитностью и систематическими нарушениями международного права. Основной причиной являлось дестабилизирующее воздействие основного внешнего игрока — США, при отсутствии реального влияния в сфере безопасности со стороны другого претендента на ключевую региональную роль — Европейского союза. Кроме того, отдельные страны ЕС продолжают репродуцировать в регионе имперские стратегии, типа современного французского «права на вмешательство» в дела африканских стран.

С возвращением России в макрорегион наметилось изменение баланса сил — международная ситуация определяется тремя «силами» мирового уровня — США, Россией и Евросоюзом, двумя региональными европейскими державами — Италией и Францией, и восточными региональными игроками — Турцией и Ираном. К силам мирового уровня в ближайшее время может присоединиться Китай. В известном смысле Средиземноморье оказалось геополитически «завершенным» на восточном направлении, что может содействовать стабилизации макрорегиона. Усложненная геостратегией США дилемма безопасности благодаря эффективному контрбалансированию со стороны России может постепенно тяготеть к упрощению, что позволит реализовать механизмы коллективной безопасности в регионе. Однако наиболее интересными являются потенциальные балансы сил нового типа — балансы «мягкой» и «умной силы».

Позволим себе утверждать, что Россия действует в регионе с позиций «просвещенного христианского реализма», подхода, который может рассматриваться как один из определяющих для русской (российской) школы международных отношений. Его субстанция, безусловно, реалистская,

то есть Россия выступала и выступает с эффективными стратегиями силового контрбалансирования при учете системных ограничений и ситуативных особенностей внешних политик контрагентов. Реализм является просвещенным в двух смыслах: (1) Россия готова к смягчению военного инструментария своей внешней политики при встречной готовности других мировых держав и общем благоприятном состоянии системы (региональной подсистемы) международных отношений; (2) Россия активно дополняет инструментарий своей внешней политики научно-технологическим сотрудничеством и влиянием, готова к содержательной коммуникации по международной повестке. Христианским международный подход России является потому, что православие является определяющим фактором для конкретных направлений внешней политики России в регионе и в мире (греческий, палестинский проекты) и важнейшей детерминантой ее характера (стремление к миру, ограничение насилия, уважение к международным морали и праву, защита соотечественников и христиан).

Определение границ регионов, их регулирование осуществляется на основе проецирования власти. В данном случае мы говорим не только о вполне прямолинейных стратегиях форматирования регионов в интересах политического субъекта — как, например, с введением Соединенными Штатами понятия «Большой Ближний восток» и реализацией вполне конкретных интервенционистских практик в соответствии с этим проектом. Речь о том, что любые регионоведческие комплексы знаний обусловлены властью, в соответствии с широко разделяемой в постструктурализме и в критической геополитике в частности формулой «власти — знания» М. Фуко. Верна и инверсия этой формулы «знание как власть». Региональное влияние определяется не только проекциями военно-стратегических потенциалов ключевых игроков и

имеющимися у них в регионе военными базами, но базами данных и знаний относительно регионов. Причем, учитывая требования современного технико-экономического уклада, эти данные должны быть максимально оцифрованы, так как именно цифровизация создает ключевое конкурентное преимущество как в современной индустрии, так и в военных операциях и политических технологиях.

В этой связи может быть сформирована многомерная программа цифрового регионоведения Большого Средиземноморья. На глобальном уровне подобные исследовательские проекты уже реализуются, в частности проект Digital Earth или разрабатываемая в Китае концепция «Цифровой Шелковый путь». Применительно к Большому Средиземноморью речь может идти о следующих направлениях такой исследовательской программы:

Динамическая (потокковая) цифровая репрезентация макрорегиона высокого разрешения с помощью систем космического мониторинга. Это может позволить не только осуществлять макрорегиональное позиционирование и навигацию, но и контролировать процессы в сфере безопасности, в частности реконструировать действительный ход гибридных конфликтов.

Международные археологические исследования с оцифровкой обнаруживаемых артефактов, создания баз больших археологических данных, систем сетевого коллективного доступа к оцифрованным объектам археологических изысканий.

Мониторинг и анализ потоков цифровых медиа в макрорегионе, включая динамику мемов, целостных образов макрорегиона и имиджевых/брендовых характеристик его основных игроков.

Создание макрорегиональных сетевых научных и образовательных коллабораций на базе технологий дистанционного образования, сетевой/кибер/цифровой дипломатии.

Создание баз больших данных и построение цифровых моделей ключевых региональных процессов: миграции, гибридных конфликтов, нарушений территориальной целостности, политических транзитов.

Создание синхронно и диахронно взаимосвязанных цифровых моделей/двойников макрорегиона.

Создание системы прогнозирования и стратегирования региональных процессов.

Литература

1. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Thesis. — 1993. — № 2.
2. *Воскресенский А.Д.* Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. — 2013. — № 6.
3. *Окунев И.Ю.* Политическая география. — М.: Аспект-Пресс, 2019.
4. *Abulafia D.* Mediterraneans // Rethinking the Mediterranean. — Oxford Univ. Press, 2005.
5. *Abulafia D.* The Great Sea: A Human History of the Mediterranean. — L.: Allen Lane, 2011.
6. *Modelski G.* Long cycles in world politics. — Seattle: Univ. of Washington Press, 1987.
7. *Wilkinson D.* Central Civilization, Comparative Civilizations Review. — 1987. — № 17.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ

Аннотация

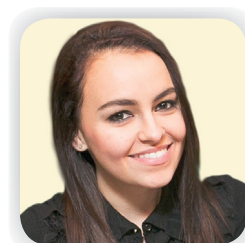
XXI век ознаменовал качественно новый этап развития, ключевой характеристикой которого является активное использование информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ). В эпоху глобальной информатизации присутствие государства во всемирной паутине формирует его положительный образ за рубежом, влияет на климат отношений с другими акторами, а также рассматривается как важный инструмент популяризации и защиты национальных интересов. Уязвимость цифровой сферы вкупе с уникальными возможностями передовых ИКТ способствовали появлению нового вида оружия — информационного, а обеспечение информационной безопасности стало одним из главных вопросов мировой повестки дня. Россия предпринимает серьезные шаги по обеспечению информационной безопасности не только в рамках государственной политики, но и на международной арене. Однако существующие противоречия в подходах России и Запада обусловили отсутствие общепринятого понятийного аппарата и международных правил поведения в информационном пространстве.

Ключевые слова: международная информационная безопасность, информационное пространство, информационное оружие, кибервойна.

Автор

Ющенко Виктория Александровна

Магистр международных отношений
МГИМО (У) МИД РФ (Москва, Россия)



Информационное пространство как новая сфера международных отношений

Научно-технический прогресс (далее — НТП) является безусловным благом человечества, одним из ключевых условий прогресса и безграничного продвижения процессов демократизации. Вместе с тем его продукты стали источником новых угроз и вызовов, связанных с использованием потенциала ИКТ в целях, несовместимых с поддержанием международного мира, стабильности и безопасности. Среди них — появление информационного оружия, активизация информационной преступности, развязывание и ведение информационных

войн. Важным шагом в развитии ИКТ стало появление информационного пространства, которое существенным образом отличается от традиционных сфер международных отношений, таких как воздушное и морское пространство, земля и ее недра.

Сложность феномена международной информационной безопасности (далее — МИБ) в том, что для его наиболее полного осмысления необходимо рассмотрение смежных с изучаемой проблематикой терминов, таких как информационное пространство и информационное общество. Ряд экспертов особо подчеркивают принципиальное различие между контекстуально близкими информационным

пространством и информационным обществом, которые нередко употребляются в качестве синонимов. Информационное пространство представляет собой совокупность информационных ресурсов, систем и технологий, функционирующих на основе общих принципов и формирующих структуру, которая обеспечивает информационное взаимодействие между людьми. Составляющими элементами такого пространства выступают неодушевленные объекты, результаты человеческого труда. В свою очередь, информационное общество (также нередко именуемое умным обществом) — это новая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами являются информация и знания, а главным элементом — человек [10].

В эпоху беспрецедентно быстрого развития науки, активного внедрения в повседневную жизнь высоких технологий и, как следствие, всеобщей компьютеризации интегрированность в информационное пространство становится фактором, определяющим основные направления прогресса, а сама информация — важным стратегическим ресурсом современного государства. Информационное пространство отражает существующую политическую карту мира и все ее значимые тенденции, а процесс информатизации охватывает всех субъектов мировой политики — от гражданского сектора и частных лиц до ведущих международных организаций и непосредственно государств. Таким образом, обеспечение устойчивого развития государства, защита национальных интересов, поддержание стабильности и ориентация на идею безопасности мирового сообщества неразрывно связаны с понятием «информационная безопасность».

Информационная безопасность или кибербезопасность?

Проблематика МИБ — феномен не новый, а уже достаточно изученный.

Тем не менее по-прежнему не существует единства мнений относительно терминологии в рассматриваемой сфере. В начале 1990-х гг., когда информационная безопасность стала объектом политологических работ, под ней понимали сферу отношений, противопоставленную информационной войне. Принципиальное отличие сущности современного понятия «информационная безопасность» и вкладываемого в него формального наполнения объясняется спецификой подхода к изучению МИБ, сложившегося почти два десятилетия назад.

Впервые в научно-аналитической литературе вопрос информационной безопасности (кибербезопасности) был затронут американским ученым Дж. Наем, автором концепции «мягкой силы» государства, в рамках работы «Будущее силы в XXI веке». Най освещает беспрецедентное формирование новой концепции в международных отношениях — концепции киберсилы. Ее смысл в следующем: иметь способность оказывать влияние на политическую, социальную и экономическую сферы международного сообщества через интернет-пространство. Сегодня, когда вызовы глобальной информатизации становятся одной из главных проблем международной повестки дня, а информационное пространство и его террористическое осмысление — предметом ряда исследований, интерес российской общественности, политического истеблишмента и представителей экспертного сообщества к проблематике МИБ неизменно растет.

Как объект приложения интересов всех мировых акторов МИБ способствовала формированию новой сферы, ставшей не только широким полем сотрудничества, но и источником новых противоречий. Страны Запада, прежде всего США, придерживаются узкого подхода к определению информационной безопасности, используя в научной и дипломатической риторике термин «кибербезопасность» и ограничиваясь

лишь техническим регулированием вопросов, связанных с защитой информации. В свою очередь, представители российского экспертного сообщества смотрят на эту проблему гораздо шире. Они исходят не только из обеспечения технической стороны вопроса, которая, безусловно, важна, но и включают в понятие «информационная безопасность» совокупность политических, социальных, экономических и правовых аспектов, анализируют этот феномен как явление в большей мере социальное, нежели техническое, а также подчеркивают необходимость усиления контроля над «национальным сегментом» глобального информационного пространства [9]. Несмотря на тесное переплетение в ряде вопросов, кибербезопасность и информационную безопасность ошибочно рассматривать в качестве синонимов в силу разных предметных полей.

Разработка самостоятельного всеобъемлющего подхода к изучению МИБ отечественными исследователями и формирование собственного научного дискурса разрушает монополию западных стран в сфере изучения данной проблематики. Это отражается на эффективности российской внешней политики в данном направлении: в вопросах обеспечения МИБ Россия исходит из необходимости усиления контроля над Интернетом, демилитаризации информационного пространства, а также разработки определенных правил поведения в цифровой среде. Однако в то же время отсутствие согласованной позиции между Россией и Западом отдаляет перспективы введения единых принципов поведения и формирование общего подхода к регулированию складывающихся в цифровой сфере отношений.

Война нового поколения и информационное оружие

Неугасающий интерес к проблеме МИБ объясняется тем, что в условиях

глобализации все участники мировой политики настолько технологически и информационно связаны друг с другом, что вывод из строя одной части глобальной информационно-коммуникационной сети в результате киберудара может иметь серьезные последствия для каждого из них. Действительно, глобализация сделала мир доступнее и меньше, процессы в нем теперь протекают быстрее, а передовые технологии расширяют охват участников, создавая для каждого ситуацию сопричастности к любому событию. Новые технологии призваны выступать как механизм продвижения сотрудничества и укрепления доверия, однако, как и любое достижение науки и техники, ИКТ используются не только в общественно-полезных целях, но и для выполнения противоправных задач. Будучи ключевой инфраструктурой, вокруг которой строится информационное пространство, Интернет оказывает существенное влияние на систему международных отношений и мировую политику.

Взаимосвязь между достижениями в области ИКТ и силой государства, его «умной» внешней политикой очевидна: чем более развито государство в технологическом плане, тем существеннее его рычаги воздействия, шире диапазон возможностей, тем эффективнее обеспечивается его национальная безопасность. Обладание информационным оружием дает преимущество над теми, кто его не имеет. В этой связи необходимо отметить существующую проблему «цифрового разрыва», или неравенства между «инфобогатыми» и «инфобедными» в распределении научно-технологических ресурсов, доступе к ИКТ. Политический вес, роль и возможности государства во многом определяются уровнем развития технологий, однако не все участники мировой политики имеют возможность продемонстрировать всю мощь информационного потенциала, что приводит к неравным шансам в развитии и, как следствие, новым формам протекания

конфликтов. К слову сказать, ориентация на сохранение такого неравенства была наглядно продемонстрирована странами Запада во главе с США, которые в ходе последнего голосования по вопросу принятия российской резолюции по противодействию информационной преступности заявили о своем нежелании выносить на обсуждение проблему борьбы с преступностью в информационном пространстве в рамках ООН [4; 7].

Речь идет о влиянии продуктов НТП на становление современной революции в военном деле. Так, небольшой коллектив способен нанести удар, который раньше был под силу только государствам; стало возможным ведение бесконтактных войн и применение высокоточных оружий; современные конфликты находят широкое освещение в СМИ, привлекая таким образом внимание многочисленной аудитории по всему миру; манипулирование, пропаганда и прочие возможности социально-психологического воздействия становятся одной из форм информационных войн; остро встает вопрос защиты частной жизни и конфиденциальности личных данных. Под влиянием передовых технологий традиционные способы межгосударственных противостояний становятся все более опасным оружием, поскольку происходит «информатизация» и «интеллектуализация» вооруженных сил. Если в войне прошлого столетия недостатки тактической информации могли быть компенсированы привлечением дополнительных сил, то в век информационный исход вооруженного конфликта во многом определяет информационное превосходство [4].

Явные изменения в понимании природы новой войны и актуальность осмысления нового облика терроризма стали происходить после событий 11 сентября 2001 г. Стратегия войны нового типа, ориентированная не на физическое уничтожение противника, а его

подрыв изнутри — результат осознания неприемлемой цены человеческих потерь в ходе традиционных боевых действий. В этом ключевая особенность войны нового поколения. Однако это не умаляет катастрофических последствий в результате возможного киберудара. Информационный терроризм и преступность, использование информации и технологий в военных целях, вмешательство в частную жизнь, незаконный оборот объектов интеллектуальной собственности, неправомерный доступ к ресурсам и услугам информационных сетей, информационная безопасность бизнеса — все это является отражением реальной эксплуатации продуктов НТП, которые способны привести к «кибернетическому Перл-Харбору» [11]. Сегодня национальная безопасность государства во многом зависит от его способности адекватно обеспечивать должный уровень безопасности в цифровой среде. Представляется, что в информационную эпоху эта зависимость будет возрастать по экспоненте параллельно с развитием информационных возможностей и технической стороной прогресса.

Российские инициативы по вопросам МИБ в рамках ООН

Транснациональный характер информационного пространства определяет природу появляющихся в цифровой среде вызовов и угроз. В связи с этим проблема обеспечения режима МИБ и противодействия информационной преступности подчеркивает важность организации международного сотрудничества, учитывающего особенности информационного пространства и опирающегося на нормы международного права. Как известно, Россия в течение многих лет указывала на необходимость взаимодействия и на сегодняшний день остается главным инициатором открытого диалога и продвижения норм и правил кибербезопасности, используя все существующие

ющие механизмы — от двусторонних переговоров с другими государствами и рассмотрения на полях различных форумов, таких как G20 и БРИКС, и до региональных интеграционных объединений и международных организаций [1; 2; 9].

Начиная с 1998 г., когда Россия впервые внесла на рассмотрение ГА ООН проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной информационной безопасности», стало очевидно стремление российской стороны создать всеобъемлющие условия для формирования системы МИБ, а впоследствии — доказать всем участникам мирового сообщества, что угрозы в информационном пространстве сопоставимы по масштабу и последствиям с угрозами применения ядерного оружия. Не случайно многие журналисты со всего мира нередко сравнивают проблему кибербезопасности с третьей мировой войной. Действительно, взаимодействие и равноправное стратегическое партнерство — это ключевое условие поддержания порядка и стабильности в цифровой среде. Информационная политика России и ее позиция по МИБ преследуют целью не развитие аналогичной противостоянию времен холодной войны системы международных отношений, а создание объединяющей площадки для практического сотрудничества и конструктивного открытого диалога [6].

Так, например, благодаря многолетним усилиям и активному участию России в вопросе обеспечения МИБ и мирного развития информационной среды, в ООН создается важный с дипломатической и политической точки зрения переговорный механизм — рабочая группа открытого состава (РГОС), пришедшая на смену ранее действовавшей Группы правительственных экспертов, которая прекратила свою работу ввиду ряда противоречий между участниками (США и их союзниками

с одной стороны, и Россией, БРИКС и развивающимися странами — с другой)[3; 5; 8]. Несмотря на по-прежнему существующие разногласия, формирование РГОС — большой успех для российской стороны, которая остается главным идеологом продвижения вопросов МИБ.

Россия неоднократно обращалась к государствам — членам ООН с вопросом о целесообразности создания международно-правового режима противодействия преступности с использованием ИКТ. С момента официальной постановки вопроса перед ООН российская резолюция по МИБ ежегодно принимается ГА ООН (в период с 1971 г. по сегодняшний день их было принято более сорока, в частности последние «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» и «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях»), а положения документа постоянно развиваются и дополняются идеями, отвечающими безопасности мирового сообщества. Не стал исключением текст резолюции «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», закрепивший принципиально важные положения об исключительно мирном использовании ИКТ, действие общепризнанных принципов международного права в информационном пространстве, обладание государственным суверенитетом над ИКТ-инфраструктурой на своей территории, запрет на ничем не подкрепленные обвинения в кибернападении и ряд других [5; 6].

В этой связи стоит отметить и тот вклад, который Россия внесла в развитие терминологии ООН по МИБ. В ответ на революционные действия в ходе «арабской весны», когда социальные сети выступали инструментом обеспечения интересов и координации

деятельности протестных режимов, Россия дополнила уже существующую так называемую «триаду угроз» новыми элементами, а именно: опасность вмешательства во внутренние дела суверенного государства посредством ИКТ, нарушение общественной стабильности и разжигание межэтнической, межнациональной розни. Тем не менее миротворческая киберконцепция России не соответствует позиции ряда государств во главе с США, которые опасаются потерять контроль и влияние в ИКТ-сфере и ограничить свои возможности, что в результате приводит к торможению процесса принятия и реализации российских инициатив по данному вопросу.

Выводы

Глобализация сделала информацию ключевым двигателем развития и одновременно ахиллесовой пятой современного государства. Роль информации в жизнедеятельности современного общества постоянно возрастает — это объективный процесс, начавшийся задолго до появления информационного пространства. Однако беспрецедентные успехи в науке и технике привели к тому, что информация превратилась в новый источник проблем. Сегодня, когда мир вступил в эпоху войн нового поколения, основной ареной военных действий

становится не земное пространство, а информационное, использование ИКТ в целях, противоречащих нормам мирового общежития, все больше становится перспективным направлением научно-теоретического осмысления, о чем свидетельствует значительный пласт работ российских исследователей по данной проблематике, целый ряд официальных документов Российской Федерации и авторитетных международных организаций.

Серьезные перемены в системе международных отношений ознаменовали становление нового качества мировой политики, повлекшее за собой переосмысление стратегии обеспечения безопасности. Значимость информационной безопасности в политическом процессе, а также в архитектуре построения безопасности современного мира очевидна. Российский подход к определению и изучению МИБ характеризуется подробным анализом основных понятий, инициативными предложениями на национальном, региональном и международном уровне. Несмотря на конфликт интересов между Россией и Западом, Россия с большой вероятностью сохранит свою инициативную роль в рассмотрении вопросов МИБ в стенах ведущей организации на международной арене, что подчеркивает ее активная позиция на данном направлении.

Литература

1. Бойко С. Формирование системы международной информационной безопасности: российские подходы и инициативы [Электронный ресурс] // Международная жизнь. — 2018. — Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2021>.
2. Забродин Алексей. Москва поднимет вопрос кибербезопасности на Генассамблее ООН [Электронный ресурс] // Известия. — 2017. — 28 августа. Режим доступа: <https://iz.ru/636710/aleksei-zabrodin/rossiia-podnimet-vopros-o-kiberbezopasnosti-na-ga-onn>.
3. Зиновьева Е.С. Дипломатическое наступление России в области информационной безопасности [Электронный ресурс] // Говорят эксперты МГИМО. — 2018. — 22 ноября. — Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/diplomaticheskoe-nastuplenie-rossii-v-oblasti-informatsionnoy-bezopasnosti/>.
4. Крутских А.В., Зиновьева Е.С. Информатизация и макротехнологии: новое лицо мировой политики / А.В. Крутских, Е.С. Зиновьева // Международные процессы. — 2014. — Т. 12, № 1–2 (36/37): январь–июнь. — С. 20–32.

5. Международная информационная безопасность: успехи России в ООН [Электронный ресурс] // РСМД. — 2019. — 12 февраля. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnaya-informatsionnaya-bezopasnost-uspekhi-rossii-v-oon/>.
6. О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по противодействию информационной преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. — 2018. — 7 декабря. — Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3437775.
7. О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по противодействию информационной преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. — 2018. — 18 декабря. — Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/3449030.
8. Ответ спецпредставителя Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности А.В. Крутских на вопрос информагентства ТАСС о состоянии международного диалога в этой сфере [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. — 2017. — 29 июня. — Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/mezhdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/2804288.
9. Россия и США перетягивают всемирную паутину [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2018. — 12 ноября. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3797617>.
10. *Фененко А.В.* Информационная борьба и глобальное информационное пространство / А.В. Фененко // Международные отношения России в «новых политических пространствах» / Отв. ред. А.В. Фененко. — М.: Ленанд, 2011. — С. 169–170.
11. *Черненко Е.* Холодная война 2.0? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. — 2013. — 3 марта. — Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kholodnaya-voina-20-15874>.

TELEGRAM-КАНАЛ КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация

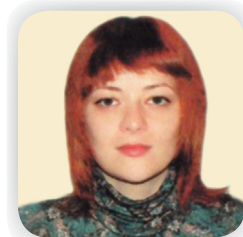
Задачей данной статьи является изучение возможности политической коммуникации посредством Telegram-каналов, использование интернет-площадок как альтернативных источников получения информации, формирование общественного мнения, консолидации гражданского общества и управление протестными настроениями. В статье проанализирована манипулятивная составляющая подачи информации посредством публикации в канале, а также роль Telegram¹ в формировании информационной повестки дня.

Ключевые слова: Telegram-канал, информационная повестка, общественное мнение, протестная активность, блоги.

Автор

Мокрая Евгения Александровна

Аспирант Донецкого национального университета



В эпоху новых цифровых технологий блогосфера становится не просто участником, а полноценным субъектом политического процесса, способного формулировать и реализовывать собственные цели. Принятие Государственной думой Федерального закона от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» стимулировало блогеров к поиску альтернативных интернет-площадок для размещения информации, при публикации в которых сохранялось бы главное преимущество блогов как новых медиа — анонимность.

14 августа 2013 г. компания П. Дурова опубликовала в магазине приложений

для устройств Apple первую версию мессенджера Telegram, а в сентябре 2015 г. Telegram запустил функцию «публичных каналов» («пабликов»), которые позволяют анонимно рассылать информацию неограниченному числу подписчиков. Отсутствие этого механизма у конкурирующих приложений привело к тому, что именно в Telegram начали появляться популярные анонимные новостные, политические и другие каналы, которые фактически представляют собой альтернативу традиционным средствам массовой информации. Согласно статистическим данным Telegram по состоянию на январь 2018 г., каналами Telegram пользуются 80 млн человек, каждый месяц генерируя 30 млрд просмотров. 39% пользователей используют мессенджер в качестве агрегатора новостей, 25% активно интересуются политикой [8].

Всерьез о Telegram-каналах как о медиафеномене заговорили в 2016 г. Политические каналы Telegram явля-

¹ Прим. редакции: Таганский суд Москвы 13 апреля 2018 г. постановил заблокировать Telegram по иску Роскомнадзора. Основанием стал отказ руководства мессенджера предоставить ключи дешифровки сообщений.

ются синтезом профессиональной политической аналитики, размышлений о действиях правительства, прогнозов о будущих назначениях, решениях или событиях, которые могли бы сформировать политическую повестку РФ и стран СНГ.

Основное отличие Telegram от других мессенджеров заключается в возможности создать анонимный канал (длина сообщений для создателя не ограничивается), на который читатели могут подписаться. Возможность комментирования сообщений каналов читателями зависит от формата канала и его редакционной политики, поэтому взаимодействие между каналом и его читателями чаще всего ограничивается опросами. Telegram-каналы становятся популярным средством коммуникации в интернет-пространстве, поскольку являются источником наиболее острой и актуальной информации, а также профессиональной аналитики. Telegram-каналы как особый вид блогов также становятся своего рода альтернативой СМИ, а их анонимные авторы становятся лидерами общественного мнения, представителями гражданской журналистики. Популярность ведущих Telegram-каналов и возможности распространения сотен кратких сообщений создают условия для целенаправленного формирования общественного мнения. Соответственно, блоги в Telegram часто играют роль эффективных манипулятивных инструментов в его формировании.

Многие СМИ уделяют внимание анализу информации, в прайм-тайм выпускают обзоры тем, которые были освещены в популярных каналах. Так, например, РБК в день выборов Президента РФ несколько выпусков посвятил обзору информации, публикуемой в Telegram-каналах. Часто авторы-телеграмеры общаются с прессой напрямую и являются первоисточниками информации. Например, в новостных сообщениях Russia Today почти ежедневно появляются эксперт-

ные комментарии Telegram-блогеров с пометкой «Автор Telegram-канала специально для @rt_russian». Независимо от того, насколько достоверной является аргументация блогеров, они определяют темы, которые в дальнейшем формируют информационную повестку, тема находит продолжение в обсуждении печатных СМИ, интернет-порталов и радио- и телеканалов.

Каналами, формирующими всероссийскую политическую повестку дня можно назвать «Караульный», «НЕЗЫГАРЬ», читательская аудитория которых составляет 82,6 и 178,6 тыс. подписчиков, соответственно (на момент написания статьи). Следует отметить, что в самом Telegram постоянно публикуется аналитическая информация о популярных каналах, их рейтингах, специфике. Помимо крупных и влиятельных политических каналов существуют тысячи каналов с более узкой тематикой.

Коммуникация посредством Telegram-каналов, как и с помощью иных неформальных средств политической коммуникации, выполняет ряд функций:

1. Информационную (распространение необходимых знаний о политической системе и ее элементах, их функционировании). Реализуется путем непосредственного присутствия действующих политиков, политических экспертов, органов власти в Telegram-каналах. Довольно часто авторы Telegram-каналов распространяют заведомо ложную информацию. В марте 2018 г. во время тестовой трансляции выступления в Парламенте Великобритании премьер-министра Т. Мэй Telegram-канал «НЕЗЫГАРЬ» искажил перевод речи, опубликовав: «Мэй: министр иностранных дел России не достоин своего поста» [6]. Публикация была растиражирована в СМИ, также последовала жесткая реакция официального представителя МИД РФ М. Захаровой, в которой дипломат раскритиковала по сути не существующее заявление премьер-министра Великобритании [7];

2. Функцию политической социализации (способствует становлению важных и необходимых норм политической деятельности и политического поведения, подготавливает общественность к участию в политике, а также формированию активной гражданской позиции, что является особо актуальным во время проведения предвыборной кампании). К примеру, накануне выборов Президента РФ в популярном Telegram-канале «НЕЗЫГАРЬ» публиковались недостоверные данные о рейтингах кандидатов по каждому региону. Можно предположить, что таким образом администрация канала пыталась активизировать протестный электорат и повысить явку на выборах;

3. Манипулятивную (способствует формированию общественного мнения по наиболее важным политическим вопросам). Реализация данной функции связана с рейтингами популярности и наличием платных публикаций. Существуют определенные каналы, например, «Медialogия», «Медиатехнолог», которые регулярно публикуют рейтинги популярности тех или иных политических каналов, а также рейтинги просмотров публикаций, охват читательской аудитории. Также стоит отметить наличие рекламы в Telegram-каналах, которая не всегда афишируется;

4. Функцию лоббирования интересов (давление на органы власти путем создания общественного резонанса и дозированного распространения информации для его поддержания). Как, например, освещение событий в Кемерово в марте 2018 г., которое способствовало активизации протестного настроения в обществе и отставке действующего губернатора.

В качестве примера использования мессенджера Telegram для активизации протестных настроений в обществе следует рассмотреть ситуацию в Иране в декабре 2017 г. 28 декабря 2017 г. в Иране начались массовые выступления против действующей власти. В десят-

ках городов люди вышли на улицы. Первые демонстрации были социальной направленности и посвящены росту цен, потом появились политические лозунги, в том числе «Смерть [президенту Хасану] Рухани».

За неделю в столкновениях с полицией погибли 22 человека, более тысячи были задержаны. Только в Тегеране за три дня были задержаны 450 человек. За участие в акции и антирелигиозные лозунги участникам грозило наказание вплоть до смертной казни. К 6 января 2018 г. политическая ситуация в стране стабилизировалась, акции протестов прекратились.

Специфика антиправительственных выступлений заключалась в том, что у протестующих в этот раз не было ярко выраженных лидеров. Этим новогодние митинги отличались от масштабных выступлений 2009 года, когда сторонники оппозиции пытались оспорить результаты президентских выборов. Также в отличие от предыдущих политических акций, в которых стимулирующим фактором общественной активности выступали традиционные средства массовой информации, в акциях неповиновения 2017 года гражданское общество Ирана консолидировалось посредством мессенджера Telegram.

Все началось с того, что канал amadnews, довольно известный в иранском Telegram (больше миллиона подписчиков), начал публиковать не только сводки с протестов, но и призывы участвовать в них, используя коктейли Молотова.

Министр коммуникаций Ирана А. Джахроми обратился в Twitter к П. Дурову. Министр написал про некий канал, публикующий информацию насильственного характера, содержащую лозунги к мобилизации, призывы использовать коктейли Молотова против силовых структур и вооруженному восстанию. Иранский министр потребовал «...остановить подобные призывы через Telegram». После чего канал @amadnews с примерно 1,4 млн

подписчиков был заблокирован за нарушение правил сервиса: в ответ министру создатель мессенджера П. Дуров напомнил, что в публичных каналах Telegram можно критиковать что угодно, но нельзя призывать к насилию.

Были также заблокированы и все резервные версии, так называемые «зеркала» канала, существовавшие на тот момент. Так, например, канал @amadnews1 рос со скоростью 10 тыс. человек в секунду и на момент блокировки основного канала набрал 1,6 млн подписчиков.

Впоследствии команда канала уведомила П. Дурова об увольнении администратора, призывавшего к насилию, и изменении редакционной политики. Это решение вызвало шквал критики со стороны иранских оппозиционных активистов. Они назвали действия администрации Telegram-канала капитуляцией и уступкой властям. Со стороны правительства Ирана последовала жесткая реакция: функционирование канала стало формальным поводом для блокировки мессенджера на территории страны. 31 декабря 2017 г. пользователи из Ирана стали сообщать о недоступности мессенджера, а 1 ян-

варя 2018 г. министр коммуникаций сообщил, что Telegram и Instagram временно заблокированы ради безопасности народа. 13 января 2018 г. доступ к Telegram в Иране был возобновлен.

В условиях недоступности традиционных каналов коммуникации, а также их политической заангажированности и подверженности цензуре, изучение площадок для блогов и их возможностей представляет интерес для исследования, поскольку блогосфера и Telegram как ее часть включают в себя наиболее интеллектуально-мыслящую и активную часть общества: журналистов, гражданских и медиаактивистов, лидеров общественного мнения, политиков, технологов, включая молодое поколение, в то время как традиционные СМИ довольно контролируются со стороны государства и направлены на массовую аудиторию. А широкая информативность, наличие инсайдерской информации, оперативность и большой объем выдаваемого материала, удобность в его оформлении и подаче делает Telegram-каналы популярным средством для формирования общественного мнения.

Литература

1. Ирхин Ю.В. Коммуникативный, политический и управленческий потенциал блогосферы. — Режим доступа: [file:///C:/Users/User/Downloads/kommunikativnyy-politicheskii-i-upravlencheskiy-potentsial-blogosfery%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/kommunikativnyy-politicheskii-i-upravlencheskiy-potentsial-blogosfery%20(1).pdf).
2. Попов А.В. Блоги. Новая сфера влияния. — Режим доступа: http://adm-lib.ru/books/1/Blugi_Novaja_sfera_vlijaniija.pdf.
3. Соловьёв А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. — № 3. — 2002. — С. 5–18.
4. Родин Д. Блоговая журналистика: верить нельзя никому. — Режим доступа: <http://www.faito.ru/archnews/1182632935,1194342915/>.
5. Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru:8080/page.aspx?101259/>.
6. Telegram-канал «НЕЗЫГАРЬ». «Мэй: министр иностранных дел России не достоин своего поста». Режим доступа: <https://t.me/russica2/5398>.
7. ТАСС: Захарова: Мэй не может оценивать, достоин ли Лавров должности главы МИД РФ. — Режим доступа: <https://tass.ru/politika/5029997>.
8. Каталог региональных каналов Telegram. Статистика аудитории Telegram на январь 2018. — Режим доступа: <https://telegram-region.com/statistika-auditorii-telegram-na-yanvar-2018/>.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РОССИИ В ЦИФРОВУЮ ЭРУ

Аннотация

Цифровизация и технологизация общественной жизни привели к тому, что социально-политический дискурс теперь выстраивается не только в офлайн-пространстве, но и моделируется в социальных сетях, платформах, блогах и форумах. Статья посвящена изучению российского политического дискурса, формирующегося в онлайн-пространстве. Также в работе рассматриваются особенности формирования российской публичной политики на основе трансформации политического дискурса в онлайн-пространство, коммуникации политических субъектов и граждан, властных институтов и пользователей Интернета.

Ключевые слова: публичная политика, политический дискурс, онлайн-пространство, офлайн-пространство.

Автор

Николаева Мария Витальевна

Аспирант кафедры государственной политики
и государственного управления
факультета управления и психологии
Кубанского государственного университета
(Краснодар, Россия)



Рассматривая современную политическую ситуацию в России, нельзя не упомянуть о том, что она довольно разнообразна. Все необходимые знания и представления о политической жизни мы получаем из различных источников, которые в целом формируют и представляют политический дискурс. Политический дискурс в данной работе носит собирательный характер, так как он будет обозначать дискурс политиков или политических субъектов, что может быть одним и тем же во многих аспектах рассмотрения его как вида политического взаимодействия и коммуникации в многогранном политическом пространстве.

Процесс трансформации политического дискурса в онлайн-пространство связан с процессами перехода всего общества на информационно-коммуникационные технологии. Все сферы деятельности человека: экономическая, социальная и другие — испытывают на себе традиционные научно-техни-

ческие изменения, которые позволяют перейти на совершенно новый уровень взаимодействия и решения задач. Политическая система государства также испытывает на себе данные изменения, так как является подвижной и активной самоорганизацией, способной принимать любые внешние изменения и вызовы.

Существующее обширное политическое пространство можно условно разделить на две составляющие взаимодействия и коммуникации политических субъектов и акторов — онлайн- и офлайн-сообщества. Данные площадки структурно организованы и социально активны, так как имеют все необходимые компоненты, выполняющие функции коммуникации между единицами сообщества. Каждый политический субъект зачастую включен в несколько структур и сообществ, определяющих между собой методом сетевого распределения.

Политический дискурс имеет важную особенность — существовать в различных видах и формах политического пространства. Это могут быть сетевые сообщества, например, основанные на поддержке одного из кандидатов на выборах Президента России в 2018 г., или оппозиционные структуры, разместившие свои объявления и план действий для достижения поставленных целей в онлайн-сообщество.

Еще одной важной особенностью политического дискурса является его трансформация во все сферы жизнедеятельности человека. Процесс изменения политического дискурса диктуется многими условиями: появлением новых технологий в формировании политической картины, необходимостью создания условий для двусторонней коммуникации между политическими субъектами и внутренней политикой государства [3 — С. 170].

Когда мы говорим о трансформации политического дискурса, то обозначаем всю многомерность данного процесса, он не только охватывает новые социальные структуры и каналы, но и имеет новую форму и специфику, таким образом, видоизменяясь и превращаясь в новую политическую технологию, способную формировать общественное сознание и определять политическое поведение. Данный переход свидетельствует не только о переносе всего политического контента в онлайн-пространство, но и о том, что изменен сам контент, его необходимо исследовать, описывать, выделять особенности и учиться воспринимать по-новому.

Говоря о политическом дискурсе как о дискурсе политиков, стоит отметить то, насколько точно данное определение можно соотнести с реальной политической обстановкой. В тех социально-политических реалиях, которые диктуются нам внешней политикой, внутренними изменениями и реформами, мы можем наблюдать, как политический дискурс состоит из большого

потока информации, которую сложно исследовать и оценить.

Трансформация политического дискурса в онлайн-пространство обеспечивает необходимость создания онлайн-ресурсов, которые бы выполняли коммуникационные функции, создавали возможность взаимодействия политических субъектов. Самым простым и открытым инструментом, который позволяет охарактеризовать политика, оценить его образ, «принять» его действия, интересоваться сферой его политических интересов, — создать сайт, электронный ресурс, который будет отражать подобную информацию в Интернете.

Интернет — предмет социального взаимодействия, которое является социальным пространством. В данном социальном пространстве П. Бурдье рассматривает распределение ресурсов, это символическая матрица политической деятельности. При попытке создать условия для социального, а в нашем случае — политического взаимодействия, мы опираемся на такие социальные агенты, как поведение, мышление, эмоциональные агенты и суждения. Только при попытке коммуникации создаются условия социального взаимодействия, политические субъекты становятся одним из важнейших элементов формирования политического дискурса в онлайн-структуре [2].

Посредством коммуникации происходит обмен символического капитала, а именно: информации, знаний, ценностей, норм и мнений. Н. Луман четко определяет структуру символической матрицы — социальная инфраструктура, которая связывает социальных агентов, политических субъектов, их взаимосвязи с другими социальными агентами, которые схожи в той же степени, что и различны по своему содержанию и функциям. Таким образом, возникает политическая коммуникация, которая формирует актуальный политический дискурс, который иссле-

дуется с различных областей знания. Интернет в данном случае создает совершенно новое социальное поле, в котором возникают совершенно новые виды взаимоотношений политических субъектов [1 — С. 215–222].

Современная политическая ситуация в российском обществе также трансформируется и изменяется в виду информационно-коммуникативной структурой онлайн-пространства, которое создает новые возможности для взаимодействия. У политических субъектов существуют персонифицированные социальные структуры, которые ориентированы на социальных агентов, посредством которых они могут вести публичную политику, основанную на интернет-ресурсах [5. — С. 5–13].

В рамках метода визуального анализа, который, в свою очередь, можно разбить на два направления исследования — анализ содержания образов и анализ контекста, в который данный образ погружают. Политический дискурс, а именно: текстовой и визуальный, является тем необходимым содержанием для нашего исследования, в свою очередь, интернет-ресурсы являются контекстом, площадкой и пространством, внутри которых политический дискурс живет [4].

Некоторые формы политического дискурса живут именно в визуальных формах, линии, цвета, пропорции и пр., так как достигают своих целей только при визуальном образе. Визуальные тексты могут решать некоторые задачи, например, интерпретация социального смысла, социальных проблем и представлений. Политический дискурс, располагающийся в Интернете, может применять различные формы как визуальные, так и текстовые и смешанные.

Л. Куркин предлагает свою характеристику визуального дискурса: «Фотографический дискурс — это способ, каким контекст делается явным, это не «речь» изображения, потому что бумага «молчит». Это речь человека, и не

одного, по поводу фотографирования о фотографирующем, фотографируемом, рассматривающем фотографию и показывающем ее, о занятых ее производством и распространением. Снимок — это сообщение лишь в рамках подходящего дискурса» [6 — С. 160–165].

Мы не беремся оценивать трансформацию политического дискурса в онлайн-структуры, искать положительные и негативные стороны подобного качественного изменения политических коммуникаций на совершенно новый уровень. Но мы не можем не упомянуть о том, что основной плюс, который явно может быть выделен в данной ситуации, это появление возможности мгновенной обратной связи между адресатом и адресантом. Все возможные чаты, форумы, онлайн-площадки, созданные для коммуникации, становятся мощным инструментом для формирования политического дискурса, так как являются социальными агентами, способными выступать в качестве единицы коммуникации, создавать социальное взаимодействие, а следовательно, увеличивать символическую матрицу, социальную инфраструктуру подобного типа.

Рассматривая современные российские политические субъекты в онлайн-пространстве в роли социальных агентов, можно охарактеризовать их деятельность с точки зрения репрезентации официальных сайтов, страниц в социальных сетях, упоминания другими политическими субъектами в качестве субъекта публичной политики. К примеру политической коммуникации можно отнести сайт Президента России — <http://kremlin.ru/>, сайт Председателя Правительства России — <http://premier.gov.ru/events/>, и даже официальный сайт кандидата в Президенты России в 2018 г. Ксении Собчак — <http://ksenia-sobchak.com/officialnoe-podtverzhdenie-sajta>. Тот огромный массив информации, пред-

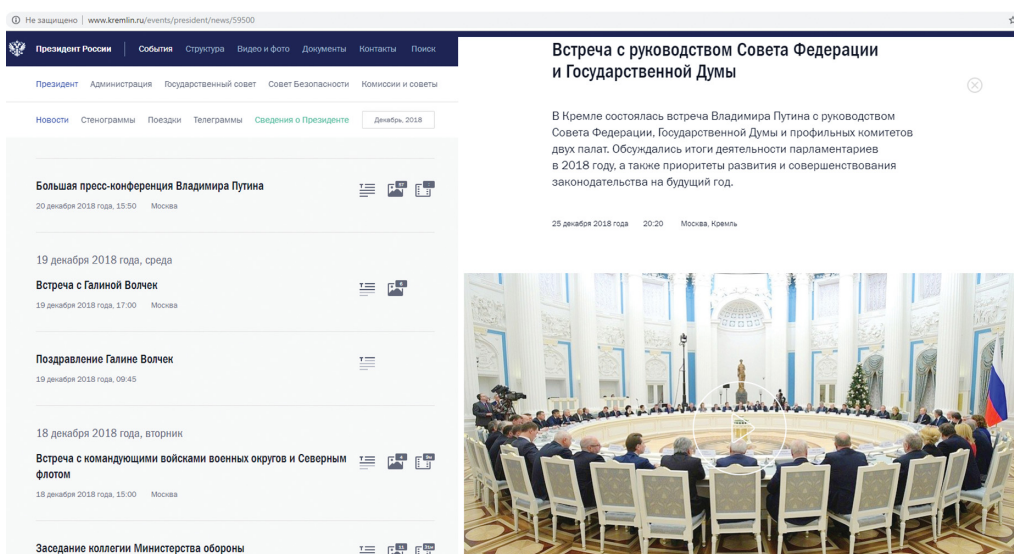


Рисунок 1. Официальный сайт Президента России в сети Интернет

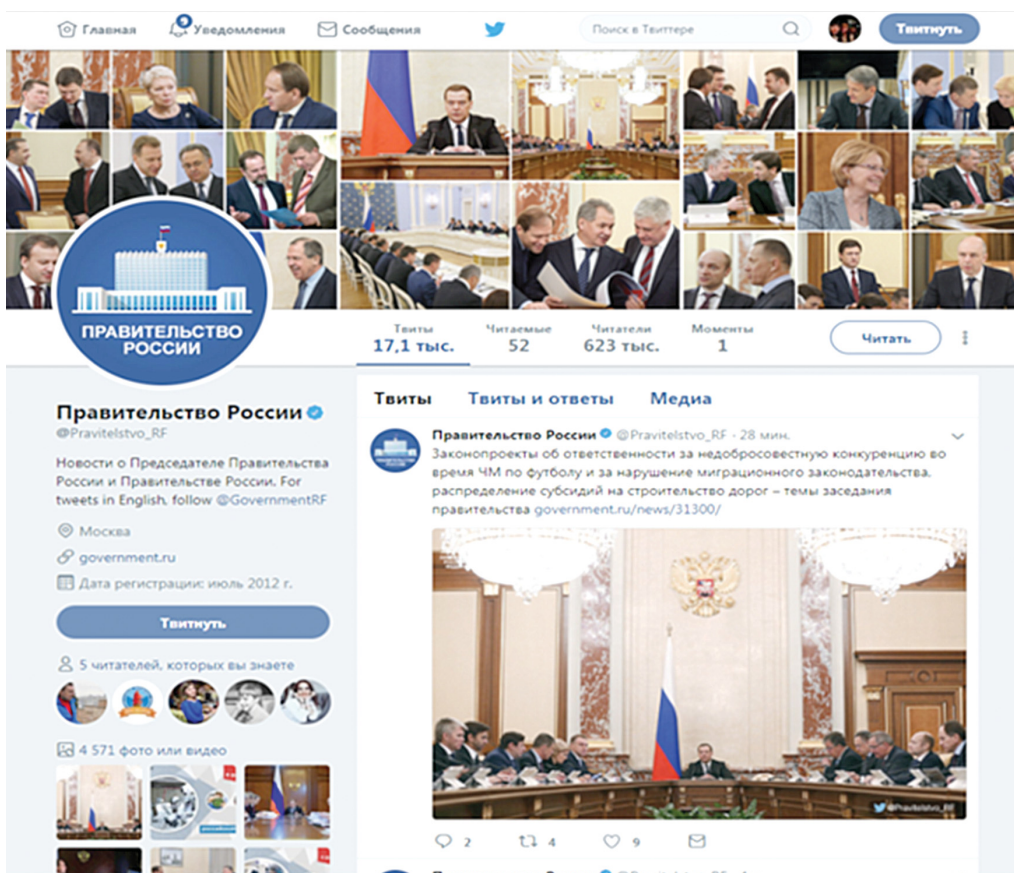


Рисунок 2. Официальная страница Правительства России в Твиттере

ставленный на данных ресурсах, просто невозможно разместить и представить в других формах и видах информации.

Анализируя сайты, официальные страницы и другие подобные виды коммуникации политических субъектов, можно отметить следующие важнейшие моменты в формировании политического дискурса — репрезентативные образы политического взаимодействия и коммуникации, четко очерченные официальной политикой и официальными рамками, принятыми в качестве представительной социальной реальности. В качестве основных представленных направлений, которые доступны всем, освещены наиболее основные темы для анализа — основные события, видео и фото, документы и контакты, а также существуют информационные ресурсы Президента России и специальные проекты по защите животных.

Подобный анализ позволил нам определить основные направления деятельности Правительства РФ. Контекстуальные и инструментальные характеристики визуальной политической картины позволяют выявить, что между политическими субъектами и другими субъектами онлайн-пространства существует официальный политический дискурс, который трансформируется из основных положений внутренней и внешней политики в публичную сферу. При этом он начинает жить по всем законам, которые там существуют, а именно — особенности клипового мышления, визуализация основной информации, корреляции временных и количественных характеристик.

Политический дискурс также имеет особенность существовать вне официальных политических субъектов. Существуют самостоятельные социальные агенты, которые транслируют политическую повестку дня, позиционируют себя в качестве субъекта политической коммуникации, которые способны вести информационно-коммуника-

ционные действия. Они примитивны наиболее часто распределены в онлайн-пространстве, так как полностью отвечают запросам других социальных агентов, популяризирующих альтернативную точку зрения, сформировавшуюся в качестве анализа действий политических субъектов. Данные сайты распространены на огромных просторах сети Интернет, они имеют собственную политику в отношении своих публикаций. К таким источникам информации можно отнести «Карикатуры Сергея Елкина» — онлайн-площадка, существующая в качестве страниц в таких популярных приложениях, как ВКонтакте, Фэйсбук, Твиттер. Карикатурный жанр оригинально описывает происходящие события в политической жизни общества. Каждый политик имеет свой образ, публикуя новости в качестве карикатурных заметок, мы видим, как автор популяризирует свое отношение к происходящим действиям. Подобный жанр необычный и увлекает своей оригинальностью. Даже несмотря на то, что данный жанр ненаучный и не отражает реальных действий власти, огромное количество человек воспринимают данную информацию как точную и достоверную.

Подобную репутацию имеет онлайн-журнал «POTSREOTIZM_NEW», который также обозревает главные политические новости, но в своем привычном контексте, в котором через призму визуальной иронии формируется иной политический дискурс.

Визуализация основных событий в политике рассчитывает на размещение своей информации в Интернете, так как в этом случае вероятность просмотра будет колоссально выше, нежели в других каналах коммуникации. События, происходящие в области политической коммуникации, зачастую могут быть репрезентированы в средствах массовой информации, объясняющие это наибольшей потребностью и доступностью для многих групп населения.

Неполнота знаний, отсутствие опыта и практики в анализе восприятия поданных образов у участников, которые данные образы поглощает, а зачастую эти образы популярны у молодежи, является следствием упрощения послания автором данных видов до уровня примитивных и прямых стилизованных посланий.

Как мы видим, количество каналов и представленных средств, интерпретирующих политическую жизнь страны, может удивлять и поражать своими масштабами и разнообразием. Использование фотографий публичных массовых действий, карикатурные выпуски, по-разному относящиеся к политическим событиям, а также многие сайты, блоги и форумы, которые формируют политический дискурс в Интернете, являются неотъемлемыми участниками политической жизни российского общества.

Пользователи Интернета имеют некоторую свободу в выборе источников получения информации. Используя все пространство Интернета, они являются активными пользователями, и, конечно же, их политическое миро-

воззрение формируется под влиянием различных каналов и средств массовой коммуникации. Исследуя различные сайты, а именно: количество подписчиков, комментаторов, активных пользователей и количество репостов, мы сможем сделать вывод о том, что пользователей Интернета больше привлекает и интересует визуальная и текстовая информация, относящаяся к тем источникам, которые используют креативный подход и нестандартные формы в формировании политического дискурса.

Несмотря на представленные виды политического дискурса, официальные они или же оппозиционные, это политические субъекты, которые формируют политический дискурс, актуальный для современной реальности и событий, происходящий на сегодняшний день. Интернет, выступающий онлайн-площадкой, в которой происходит появление политического дискурса, его жизнь, возникновение новых видов и технологий, требующий исследования и изучения, описания и оценки, как появления совершенно нового объекта исследования.

Литература

1. Луман Н. Теория общества (фрагмент) / Н. Луман // Теория общества. Фундаментальные проблемы / Под общ. ред. А.Ф. Филиппова. — М.: Канон-пресс-Ц, 1999.
2. Основные понятия концепции Пьера Бурдьё // Альманах «Восток». — 2004. — № 11(23) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.situation.ru>.
3. Сорокин П. Явление взаимодействия как коллективное единство / П. Сорокин // Теоретическая социология: антология: В 2 ч. / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. — Ч. 2.
4. Аджимаз О., Кожемякин Е. Культурные модели визуальной репрезентации власти в дискурсе фотожурналистики // Современный дискурс-анализ. — Вып. 4. — URL: <http://discourseanalysis.org/ada4/st34.shtml> (дата обращения: 24.02.2016).
5. Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2012. — № 3 (19).
6. Сазантович А.Б. Политическая фотография и фотография политики: содержательный аспект // Человек. Сообщество. Управление. — 2012. — № 1.

«УПРАВЛЕНИЕ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ». УЖЕ НА ЭКРАНАХ ВАШИХ ТЕЛЕВИЗОРОВ

Аннотация

На протяжении многих лет кинопромышленность перестала быть просто развлечением и временем препровождения. Как и всегда, индустрия кино несет значительную политическую и идеологическую нагрузку. Создание фильмов и сериалов не обходится без участия заинтересованных политических акторов. По результатам проведенного исследования автором сделан вывод, что современная киноиндустрия — это мощнейший инструмент по воздействию на массовое сознание и манипулирование им. От продвижения своего продукта зависит и уровень влияния на весь мир.

Ключевые слова: информационная война, гибридная война, «мягкая сила», кинопропаганда, политические технологии, таргетинг.

Автор

Сакулин Сергей Вячеславович

Аспирант кафедры политологии и права
Московского государственного областного
университета, научный сотрудник
Института стран СНГ
(Москва, Россия)



Известно, что США проиграли войну во Вьетнаме, но выиграли ее на цветных экранах. Романы Т. Клэнси и фильмы по ним исцеляли массовое сознание граждан Америки от вьетнамского синдрома [3]. Выросло поколение, которое восхищается, к примеру, мужеством и отвагой американских солдат-героев из фильма «Рэмбо». Подобные фильмы стали классикой мирового кино, отодвинув настоящую историю на второй план. А таких фильмов тысячи, и они уже заполонили весь мир.

Какими же инструментами создатели кино пользуются для наибольшего воздействия на зрителя? Контакт нашего подсознания со смысловым значением фильма происходит на нескольких уровнях и задействует различные органы чувств (в особенности зрение и слух). Кино способно оказывать чрезвычайно высокое эмоциональное воздействие на массовое сознание, оно формирует в воображении зрителя

некую иллюзорную картину мира в идеализированном представлении. Повышенное внимание создатели фильма уделяют музыкальному сопровождению. Музыка усиливает эффект ожидания, воздействует на подсознание и напрямую влияет на воображение. При помощи «правильного» фильма возможно создавать у зрителя ощущение справедливости и моральной правоты персонажа, независимо от его действительной роли в истории. Эмоциональное влияние происходит на эмоциональном уровне вне сознательного контроля зрителя [9]. Никакие рациональные контраргументы в этом случае уже не работают. Манипулирование ощущением «справедливости» того или иного персонажа/события активно использует «фабрика грез».

На сегодняшний день США обладают не имеющей себе равной притягательностью в области масс-культуры и киноиндустрии, в частности. Повышенному влиянию подвергается современная

молодежь, в том числе и российская. Российское культурное пространство вытесняется изнутри самой России. Таким образом, происходит подмена национальных ценностей и насаждение ложных идеалов. Напомним, что масс-культура — это один из инструментов «мягкой силы».

Так, например, представитель Шанхайской академии наук Юй Синьтянь особое внимание уделяет культурному аспекту этого феномена, а «мягкая сила», согласно исследователю, — это влияние национальной культуры на международные отношения [20].

Американский политолог З. Бжезинский утверждал, что массовая культура (наряду с военным и экономическим могуществом) обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира [9]. И здесь сложно не согласиться.

Обращает на себя внимание тот факт, что в американских боевиках образ «плохого парня» всегда соответствует действительному внешнеполитическому курсу. Если в XX в. американские «киногерои» боролись с «кинозлодеями» из Советского Союза и Сербии, то в начале нового тысячелетия «Агент 007» из фильмов про Джеймса Бонда попадает в плен уже к представителям Северной Кореи («эффект перспективы»). Однако «война» с советскими и российскими спецслужбами продолжается на экране и сегодня.

В 2010 г. в широкий прокат вышла картина «Солт» с Анджелиной Джоли в главной роли. Согласно легенде фильма, еще со времен холодной войны в России существовал проект по уничтожению своих потенциальных врагов (в данном случае США) посредством внедрения своих агентов в спецслужбы других стран. В нашем случае такой «агент» оказался преданным и забытым российской стороной, став верным своей новой родиной. Этот фильм далеко не единственный, подобные картины выходят с определенной периодичностью.

В 2018 г. на экранах появился фильм «Красный воробей» с Кристен Стюарт в главной роли. Героиня фильма становится рекрутом в Школе Воробьев, которая обучает молодых людей использовать свое тело и ум в качестве оружия. По тому же сценарию, как и в прошлом затронутом автором фильме, главный герой переходит на другую сторону в поисках лучшей жизни.

В октябре 2018 г. вышел новый американский блокбастер «Хантер Киллер», в котором американские военные самоотверженно спасают Президента России и мир от Третьей мировой войны.

Уже, пожалуй, классическим примером антироссийской кинопропаганды является блокбастер «Армагеддон» (1999), где российский космонавт собрал все стереотипы о нашей стране, разгуливая по орбитальной станции в шапке-ушанке и ремонтируя бортовые компьютеры с помощью молотка и, разумеется, в нетрезвом состоянии.

Регулярный выход в прокат таких фильмов с резко негативным образом России, без сомнения, наносит неправимый вред имиджу России.

Формирование негативного образа России у зрителя происходит и путем изображения российских городов на киноэкране в «черных красках». Пожалуй, самая большая карикатура российской столицы показана в фильме «Полицейская академия 7: Миссия в Москве» (1994): русский балет, водка, мафия. А в кинокартине «Миссия невыполнима: Протокол Фантом» (2011) главный герой фильма в исполнении Тома Круза проникает в Кремль, наклеив на себя усы и надев пиджак российского генерала. России только остается благодарить Соединенные Штаты за неоднократное спасение нас и всего мира от «зла».

Остро в современных фильмах стоит вопрос о преднамеренном искажении событий Второй мировой войны. Изучив ряд американских блокбастеров, складывается мнение, что

переломный момент в войне наступил не в Сталинграде и под Курском, а в момент спасения из плена американского солдата Райана (х/ф «Спасти рядового Райана» (1998)). Сейчас память о подвиге советского народа активно стирается в Прибалтике, на Украине и заменяется на героизацию нацизма. В других государствах постсоветского кластера заметны тенденции по обособлению «национального» вклада в Победу или отстранение от общенародного участия в Великой Отечественной войне, которая уже именуется не иначе, как Вторая мировая. Такая мифологизация и фальсификация исторической действительности приводит к созданию антироссийских мифов. Тенденциозное и ангажированное искажение фактов, а также далекая от объективности и корректности иллюстрация России остается без равнозначного ответа. С точки зрения государственных интересов противодействие такой политике особенно актуально.

Сегодня пристального внимания заслуживает тема отечественного кинематографа, сейчас, как никогда, необходимо говорить о повышении доли российского кино в прокате (поддержка национального кино, квотирование зарубежных картин, что успешно применяется в большинстве развитых стран [2]), поскольку потребителями этой продукции является не только российский зритель, но и граждане других государств. Мигранты, находящиеся в нашей стране, становятся трансляторами положительного/отрицательного образа России в своих странах, что заслуживает повышенного внимания в условиях международной напряженности, в особенности на постсоветском пространстве. Русский язык, российская культура и общая многовековая история вытесняются из всех сфер жизни в странах-членах СНГ, что недопустимо в условиях современной информационной войны, которая нескончаемо ведется против России. Следует отметить, что в последние годы в

России предпринимаются конкретные шаги в данном направлении. Активно развивается сегмент «умного» концептуального кино и высокобюджетных «блокбастеров» на военно-историческую («Сталинград», «28 панфиловцев», «Собибор» и др.), космическую («Время первых», «Салют-7»), спортивную тематику («Легенда № 17», «Движение вверх», «Лёд»). Необходимо наращивание этого потенциала. При этом не стоит забывать о классике советского и уникального детского кино, лучших образцах советской и российской мультипликации.

На сегодняшний день все силовые структуры США имеют свои представительства в «министерстве мечты» (как зачастую называют Голливуд). ФБР организовало свое подразделение, ориентированное на индустрию развлечений, уже в 30-е гг. XX в. Пентагон создал аналогичный отдел в 1947 г. и до сих пор имеет прочные связи с Голливудом, поскольку от этого зависит имидж вооруженных сил в массовом сознании, что особенно важно для армии, построенной на контрактной основе [6]. Фильм «Лучший стрелок» (более известный в России как «Топ Ган» (1986)) пытается вернуть американскому зрителю любовь к военному делу. Этот фильм становится отправной точкой в так называемом военно-развлекательном комплексе. Серия фантастических фильмов про «Людей Икс» (2000) и вовсе показала будущим солдатам, как можно бороться с людьми, обладающими сверхспособностями [7]. За возможность переписать сценарий «Трансформеров» создатели картины получили право заказать у Пентагона для работы над фильмом вертолеты, военные корабли и даже самолеты F-117 Nighthawk («Стелс») [6]. Таким образом, оказывая свое влияние и поддержку киноиндустрии, военные США достигают двух целей: положительное освещение военнослужащих и привлекательность военной карьеры для молодежи. Нельзя здесь не сказать и

о российском опыте: некогда культовый российский сериал «Солдаты», вышедший с 2004 по 2014 г., решал те же задачи, но не в равнозначных масштабах.

ЦРУ создало свой отдел по работе в сфере киноиндустрии (Media Liaison) в 1996. Если Пентагон дает для съемок военную технику, то ЦРУ предлагает свою помощь в аспекте правдоподобия, что достигается при помощи действующих или бывших агентов ЦРУ в качестве консультантов фильма [6]. Только вот существует ли в реальности такой объект, как «бывший агент»? Спецслужбы имеют давнюю историю вмешательства в индустрию кинематографа. Письма от секретного агента Л. Лураши руководству Paramount, которые работали с Советом ЦРУ по психологической стратегии, обнаруженные в Библиотеке им. президента Эйзенхауэра (британским академиком Д. Элдриджем), показывают, насколько глубоко ЦРУ могло влиять на индустрию кино в годы холодной войны [3]. Не стоит сомневаться в том, что сегодня это влияние не только не ослабло, а усиливается.

Киноиндустрия имеет возможность задавать тон действительной ситуации, позволяя формировать новое общественное мнение. Окунаясь в мир кино, человек погружается в мир иллюзий, из которого зачастую нет пути обратно. Кроме того, сегодня уже особой популярностью пользуются не классические достопримечательности той или иной страны, современные туристы отправляются по местам съемок известных фильмов (феномен фильмов «Гарри Поттер», «Властелин колец») [5].

Сериальное мышление

Не менее важное внимание уделяется созданию телесериалов. Несколько лет назад в свет вышла книга известного французского политолога Д. Моизи «Геополитика сериалов», в которой ученый подробно изучает влияние се-

риалов на подсознание зрителя. Автор убежден, что сериалы не только отражают современную действительность, но и опережают ее. Среди наиболее влиятельных сериалов современности Д. Моизи выделяет картину «Игра престолов». В сериале прослеживаются четкие параллели с жизнью на Ближнем Востоке: регулярные боевые действия, насилие, сцены обезглавливания (что весьма активно наблюдается в деятельности запрещенной в России террористической организации ИГИЛ). Уже сейчас Гарвардский университет разрабатывает целый курс по «Игре престолов» [13], существует курс по языку датраков из фильма [5], исследователями изучается экономическая модель, представленная в сериале [17]. Феномен «Игры престолов» дает четкое понимание, что киноиндустрия вышла за рамки цветного экрана.

Сериал — это составляющая жизни современного среднестатистического человека, без него сложно представить досуг. Что может быть лучше любимого сериала после работы? Американская развлекательная компания Netflix усилила этот тезис, предоставив возможность для просмотра всех серий сразу [4]. Сериал привел к созданию и расширению в массовом сознании нового типа мышления, которое по большей части опирается на визуальную коммуникацию. Если еще несколько лет назад велись разговоры о развитии у современной молодежи клипового мышления [8], то уже сегодня можно утверждать о появлении сериального мышления. Оно обладает особой системностью. Клиповое и сериальное мышление имеют важную общую составляющую — их матрица выстраивается на эмоциональной основе [4]. Современный сериал адаптирован для разных целевых групп, что позволяет формировать «правильное» мнение/отношение на происходящие события в реальной жизни.

Уже сегодня новости выстраиваются в той же плоскости, что и сериал:

- они продолжатся завтра, так как события чаще не завершаются, чем заканчиваются в серии;
- они осуждают врагов и хвалят друзей, тем самым укрепляя системность мира;
- они гиперболизируют негативы (цунами, тайфуны и землетрясения ежедневно на экране, потому что они «большие» и далеко, за них власть не несет ответственности) [4].

Классическим примером сериального подхода к моделированию определенного образа мысли является телесериал «Карточный домик». Главные герои фильма — амбициозный конгрессмен (который со временем становится президентом США) и его супруга. Сериал дает зрителю четкое понимание, что политика — это одновременно «грязный» вариант деятельности, по определению, и очень сложный продукт обмана и компромисса, необходимый для достижения поставленных задач. «Карточный домик» запустил в массовое сознание мнение, что политика имеет право на «грязную игру». Только второй сезон сериала посмотрело более 25 млн человек [10]. Телесериал «Карточный домик» дает однозначный ответ, что политические оппоненты — это более серьезные враги, чем внешние. Со своим российским коллегой американский президент достигает компромисса, чего не наблюдается по отношению к своим внутренним визави. Сама Россия в сериале вписана как внешний враг — это государство, внутри которой действует мафия.

Сериалы более сложны для производства, чем отдельно взятый фильм. Они создаются на основе анализа и систематизации больших объемов данных (Big Data) [1]. Наибольший опыт использования таких технологий накоплен у компании Netflix [5; 14; 15; 16; 19].

Результатами таких исследований стали следующие выводы:

- чем лучше данные, тем лучше продукт;
- лучшие данные оказывают влияние на таргетинг (что позволяет креативному продукту сильнее влиять на аудиторию);
- лучшие данные помогают делать креативный процесс с наименьшим риском [5];
- информация должна быть доступна, легко достигаема и доступна для обработки для всех;
- при помощи визуализации достигается пластичность процесса объяснения;
- чем больше времени уходит на поиск данных, тем меньше их ценность [12].

Такой «монстр», как Netflix, проводит тысячу, а то и больше экспериментов в год. То же самое делают Amazon, Google, Facebook [18].

Сериал оказывает на зрителя воздействие, которое сильнее любой реальности. Он трактует неправду как правду, а правду как неправду. Сериал не ставит перед собой задачи транслировать настоящее, поскольку эта реальность может вступать в противоречие с политическими целями или развлекательными потребностями.

Развлекательный характер сериалов обходит все известные виды защиты и делает наш мозг менее восприимчивым к политически релевантным потокам информации. Качественный продукт с правильно подобранными актерами может менять историческую память, заострять внимание на тех событиях прошлого, которые актуальны именно сейчас. Сериал создает героев и/или сбрасывает с пьедестала. Если вчерашние школьники и студенты учились по учебникам истории, то сегодняшнее и будущее поколения будут учиться по фильмам и сериалам.

Современные манипуляторы массовым сознанием усвоили, какой эффект может достигаться благодаря телевидению. Через создаваемые ложные

образы киногероев власть насаждает зачастую чуждые нашему сознанию принципы, формирует ложные системы ценностей, уничтожает задатки духовности, которые были заложены в нас нашими предками и передавались из поколения в поколение.

Телевизор отучает думать и самостоятельно мыслить. Наша политическая «защита» в этот момент бессильна. Как только включается телевизор, перед нами возникают различные шаблоны и правила на все случаи жизни.

Российской политической элите стоит уделить большее внимание данной проблематике, чтобы не потерять

нынешнее поколение молодых людей, которые со всех сторон подвержены воздействию информационной атаки (телевидение, Интернет, социальные сети, компьютерные игры и пр.). Необходим четкий и отлаженный механизм государственной политики в области производства и показа кино, ориентированный на сохранение исторической памяти, формирование и развитие патриотических чувств у современной молодежи. Нужен специальный центр профессиональной экспертизы кинокартин, поступающих с Запада, для выявления и вычленения из них заказного антироссийского подтекста.

Литература

1. Башкатова А. Сериалы — новый опиум // Независимая газета [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ng.ru/style/2017-07-14/8_7029_serials.html (дата обращения: 18.09.2018).
2. Голливуд, я тебя съем: как другие страны защищают свое кино // Кинопоиск [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kinopoisk.ru/article/2891402/> (дата обращения: 20.09.2018).
3. Мэтью А. Голливудская пропаганда на службе американских спецслужб // ПСИ-ФАКТОР [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyfactor.org/kinoprop/hollywood3.htm> (дата обращения: 17.09.2018).
4. Почепцов Г. «Карточный домик»: как на смену клиповому мышлению приходит сериальное // ПСИ-ФАКТОР [Электронный ресурс]. — URL: https://psyfactor.org/kinoprop/house_of_cards.htm (дата обращения: 17.09.2018).
5. Почепцов Г. Как телесериалы превращают виртуальность в реальность // ПСИ-ФАКТОР [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyfactor.org/kinoprop/serials4.htm> (дата обращения: 17.09.2018).
6. Почепцов Г. Пентагон форматирует мир // ПСИ-ФАКТОР [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyfactor.org/kinoprop/hollywood.htm> (дата обращения: 17.09.2018).
7. Почепцов Г. Покемон, поколение «Я» и Пентагон // ПСИ-ФАКТОР [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyfactor.org/lib/pokemon-go-3.htm> (дата обращения: 18.09.2018).
8. Пургин Ю.П. Сетевая революция: вызовы традиционным СМИ // Известия Алтайского государственного университета. — 2014. № 2–1 (82). — С. 170–176.
9. Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды // ПСИ-ФАКТОР [Электронный ресурс]. — URL: <https://psyfactor.org/propaganda.htm> (дата обращения: 18.09.2018).
10. 12 фактов про сериал «Карточный домик» // IVI [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.iv.ru/titr/motor/fakty-pro-kartochnyj-domik> (дата обращения: 18.09.2018).
11. Big Data lessons from Netflix // Wired. — URL: <https://www.wired.com/insights/2014/03/big-data-lessons-netflix/> (accessed 18 September 2018).
12. Bond J., Clarke B. House of Creativity: Netflix Casts Big Data in Transformation Role // CMO, February 24, 2017. — URL: <https://www.cmo.com/opinion/articles/2017/1/30/no-house-of-cards-big-data-fuels-big-creativity-at-netflix.html> (accessed 18 September 2018).
13. Harvard will offer now a course based on «Game of Thrones» // Mashable. — URL: <https://mashable.com/2017/06/01/game-of-thrones-harvard-course/#m4hUgh0h7qqJ> (accessed 18 September 2018).
14. Huddleston T. How Netflix Is Using Your Data // Fortune. — September 19. — 2016. — URL: <http://fortune.com/2016/09/19/netflix-streaming-tv-movies/> (accessed 18 September 2018).

15. *Leonard A.* How Netflix is turning viewers into puppets // Salon. — February 1. — 2013. — URL: https://www.salon.com/2013/02/01/how_netflix_is_turning_viewers_into_puppets/ (accessed 18 September 2018).
16. *Marr B.* Big Data: How Netflix Uses It to Drive Business Success // Smart Data Collective. — URL: <https://www.smartdatacollective.com/big-data-how-netflix-uses-it-drive-business-success/> (accessed 18 September 2018).
17. *McCaffrey M., Dorobal C.E.* The Economic Sense in Game of Thrones // Mises Institute. — URL: <https://mises.org/library/economic-sense-game-thrones> (accessed 18 September 2018).
18. *Smith M.D.* Streaming, Sharing, Stealing. Big Data and the Future of Entertainment. — Cambridge, 2016.
19. *Wernicke S.* How to use data to make a hit TV show // TEDxCambridge [Video]. — URL: https://www.ted.com/talks/sebastian_wernicke_how_to_use_data_to_make_a_hit_tv_show?language=en (accessed 18 September 2018).
20. *Yan Xuotong, Xu Jin.* Zhongmei ruanshili bijiao // Xiandai guoji guanxi. [Comparison of Chinese and American soft power. Contemporary International Relations]. — 2008. — No. 1. — P. 24–29 (in Chinese).

НОВАЯ ЦИФРОВАЯ ЭПОХА: ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Аннотация

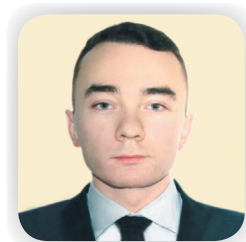
В статье рассматривается политизация общественных отношений в цифровой сфере, выделяются ключевые тренды данного процесса, анализируются основополагающие документы государственной политики России в области информационной безопасности — ответной реакции государства на изменения внешней цифровой среды.

Ключевые слова: балканизация Интернета, кибератаки, информационная безопасность, цифровая экономика.

Автор

Садов Константин Сергеевич

Студент кафедры государственной политики
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)



В сентябре 2010 г. центрифуги иранского ядерного проекта неожиданно начали оплавляться, выделяя опасную радиацию в окружающую среду. Причиной стал не сбой в автоматизированной системе контроля, а вирус Stuxnet — компьютерный червь, чьи действия оказались первой в истории кибератакой с разрушением физических объектов впоследствии.

Ответственность за проведенную атаку взяли на себя США (инициированная Б. Обамой операция «Олимпийские игры» по сдерживанию Ирана) [1].

Киберпространство сродни ядерной энергетике: с одной стороны, оно позволяет нам выстраивать глобальную экономику, обмениваться информацией в абсолютно разных точках земного шара, автоматизировать и улучшать процессы производства, повышать прозрачность государственных органов, приобретать кредит доверия к институтам власти. Однако в то же самое время именно информационная среда, по словам бывшего министра

обороны США Р. Гейтса, становится пятой средой ведения боевых действий — наравне с землей, водой, космосом и воздухом [2].

Особенность кибератак заключается в том, что барьер входа на арену борьбы для них крайне низкий по сравнению с другими сферами: достаточно знания программирования, компьютера и выхода в Интернет. Источники данных атак крайне сложно отследить, а сама архитектура Интернета фактически нивелирует саму идею национально-территориального деления государств [3].

Эти условия предполагают, что информационная структура государства может быть атакована как киберподразделениями другого государства, так и рядом иных акторов: корпорациями, террористическими ячейками и отдельными индивидами.

Сами атаки могут носить характер и кибершпионажа, и уничтожения информационной структуры государства либо общественных институтов с

возможным разрушением физических активов.

Кибероружие, в частности, также предполагает опасность для сил ядерного сдерживания, что особенно актуально в свете последнего обращения Президента РФ В.В. Путина к Федеральному Собранию, на котором были представлены новые системы стратегических вооружений [4].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что включение информационной безопасности в ряд направлений государственной политики по развитию информационного общества в РФ является насущным требованием сегодняшнего дня.

Адаптирован ли современный стратегический блок, целеполагающий в условиях деятельности государственных органов власти, к указанным тенденциям?

Обратимся к одной из самых инновационных программ российского правительства, являющейся частью общегосударственной политики по информатизации и информационной безопасности — «Цифровая экономика» [5].

Цель информационной безопасности определяется как «достижение состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие РФ в условиях цифровой экономики», что указывает на следующее: государство участвует в обеспечении безопасности не только собственной информационной структуры, но и берет ответственность за сохранность данных граждан, бизнес-структур и всего общества в целом.

При этом данная цель обеспечивается в нормативной (правовая защита владельцев информации), физической и кибернетической среде (обеспечение

единства, устойчивости и безопасности информационно-телекоммуникационной структуры России). Также предполагается продвижение продуктов кибербезопасности и национальных интересов в данной области на международную арену.

Программа нацелена на сокращение иностранного сегмента серверов в трафике РФ до 5% и внедрение единых стандартов кибербезопасности для государства и общественных институтов. Данные ориентиры отражают общемировой тренд к «балканизации Интернета», формированию цифрового суверенитета государств и поиска ими моделей снижения рисков в условиях развивающейся глобальной экономики и диффузии регулирующей роли государства.

Следует отметить, что в программных документах подчеркивается определяющая роль взаимодействия государства и общественных структур в области обеспечения информационной безопасности: от совместной разработки программного обеспечения и систем защиты до формирования совета по вопросам безопасности новых технологий из компетентных представителей от общества.

Вместе с тем программа «Цифровая экономика» идет в русле Доктрины информационной безопасности РФ, впервые принятой в 2000 г. и пересмотренной в 2016 г. [6]. Эти документы представляют собой систему базовых принципов, которые закладываются в основу государственной политики информационной безопасности.

Конкретная эволюция взглядов выражается в акцентировании внимания на использовании не только кибератак против России, но также и информационно-психологического воздействия, которое приравнивается к угрозе информационной безопасности в силу способности дестабилизировать внутривнутриполитическую и социальную ситуацию и привести к подрыву суверенитета. Отдельно выделяются

террористические группы как источник потенциальных угроз, что также отражает тенденцию снижения порога совершения киберпреступлений.

В рамках данного документа выделяются основные направления деятельности с целью обеспечения информационной безопасности: противодействие пропаганде экстремизма, защита критически важной информационной инфраструктуры, систем вооружений, разработка собственного программного обеспечения, равно как и спасение традиционных ценностей от размывания.

Особняком среди этих документов стоит «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» [7], т.к. в ней выделяются наиболее перспективные технологические тренды, которые должны быть созданы в России и для которых уже должна существовать особая инфраструктура безопасности. Вместе с предположением об автоматизации процессов государственного управления и полным проникновением «интернета вещей» в общественную жизнь и государственный сектор данный документ устанавливает необходимые лимиты безопасности.

Особо здесь следует выделить определение «экосистема цифровой экономики», предполагающее широкое взаимодействие государства и общества в вопросах не только внедрения нового технологического уклада, но и в области обеспечения безопасности. И сегодня можно проследить успешное взаимодействие между государственными ведомствами и компаниями, например, «Лабораторией Касперского».

Если стратегический блок целей уже создает пространство для реализации поставленных задач, то на оперативном уровне ведомств продолжается работа над современными системами защиты информации, главной из которых стала созданная в результате принятия ФЗ № 187 «О безопасности критической информационной инфра-

структуры Российской Федерации» [8] глобальная система по борьбе с компьютерными атаками (или ГосСОПКА) [9], курируемая ФСБ и представляющая собой поле обмена информацией о всех атаках на критически важные объекты на территории России: от федеральных и региональных органов власти до науки и химической промышленности. Каждый участник данной программы обязан выработать свою систему защиты, а после подключиться к ГосСОПКА.

Уже известно, что созданный на базе ГК «Ростех» КЦОПЛ (корпоративный центр обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак), равно как и ФинЦЕРТ Центрального Банка или НИИАС «РЖД», подключены к ГосСОПКА [10].

Более того, в 2014 г. РФ обрела новый инструмент противодействия потенциальным противникам в области киберпространства в целях обеспечения Доктрины информационной безопасности — войска информационных операций, находящиеся в подчинении Министерства обороны России [11]. Тогда же был подписан указ о создании кибернетического командования, главной целью которого является защита электронных систем управления РФ от вмешательства со стороны потенциальных противников.

Само понятие «информационные операции» предполагает «использование и управление информационными и коммуникационными технологиями для достижения превосходства над противником» [12]. Они включают в себя не только защиту от и проведение кибератак, но также и дезинформацию противника, ведение психологической войны, кибершпионаж и т.д.

В рамках современных министерств происходит создание структур информационной безопасности (например, отдел информационной безопасности Департамента высоких технологий Минкомсвязи РФ [13]), реализуется рынок SafeNet (безопасные и защищенные компьютерные технологии)

в составе Национальной Технологической Инициативы [14], проводятся мероприятия по обеспечению кадрового состава защиты цифровой инфраструктуры будущего (к примеру, серии хакатонов с отбором лучших команд по созданию продукта информационной защиты [15]).

Все это говорит о том, что работа в направлении информационной безопасности сейчас активно ведется — и это не может не радовать, учитывая, что будущее предвещает нам проникновение цифровых технологий абсолютно во все сферы жизни общества, с характерным изменением понятия публичности. В условиях того, что практически каждый дом может быть оборудован «интернетом вещей», а вся активность

пользователей в глобальной сети оставляет и будет оставлять после себя цифровой след, вопросы конфиденциальности, защиты информации как для гражданина, так и для всего государства приобретают приоритетное значение. Только та страна, которая сможет обеспечить надежную защиту от кибератак и сопровождающих их «психологических войн», будет вознаграждена и экономическим развитием, и притоком инвестиций из менее стабильных в информационном плане территорий мира (но все же помним, что для Интернета понятие «национальные границы» весьма размыто), равно как и полной свободой использования информации для саморазвития человека.

Литература

1. Козн Дж. Новый цифровой мир / Пер. с англ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
2. New DOD cyber command to protect .mil domain/ Washington Technology [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://washingtontechnology.com/articles/2009/06/15/web-dod-cyber-command.aspx> (дата обращения: 06.03.2018).
3. Росс А. Индустрии будущего / Пер. с англ. — М.: АСТ, 2017.
4. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 21.09.2018).
5. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646).
7. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.
8. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ.
9. Восхождение на ГосСОПКА [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.jetinfo.ru/stati/voskhozhdenie-na-gossopka> (дата обращения: 11.09.2018).
10. Ростех потратит на защиту от хакеров 800 млн руб. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/17/08/2017/599180249a7947963e65f566> (дата обращения: 13.09.2018).
11. Шойгу объявил о создании войск информационных операций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2017/02/22/shojgu-obiavil-o-sozdanii-vojsk-informacionnyh-operacij.html> (дата обращения: 16.09.2018).
12. Что такое информационные операции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tass.ru/info/4046536> (дата обращения: 07.08.2018).
13. Приказ Минкомсвязи России «Об утверждении Положения о Департаменте развития высоких технологий Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/documents/4940/> (дата обращения: 16.09.2018).
14. SafeNet [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nti2035.ru/markets/safenet> (дата обращения: 20.09.2018).
15. AI HACK [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://aihack.ai-hub.ru/> (дата обращения: 17.09.2018).

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТНЫХ ВЫПУСКОВ

Аннотация

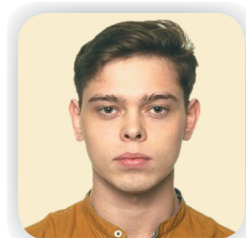
Данная статья рассматривает проблему трансляции милитаризованного контента в реалиях современной российской действительности. В статье в качестве элемента массовой политической коммуникации рассматривается милитаризованная дискурсивная практика. Таким образом, предпринимается попытка проанализировать содержание телевизионных новостных выпусков, используя контент-аналитическую методологию, а также инструменты статистического анализа.

Ключевые слова: милитаризация, СМИ, новостные выпуски, контент-анализ.

Автор

Сафонов Иван Евгеньевич

Студент кафедры истории Отечества, регионоведения
и международных отношений факультета гуманитарных
наук и социальных технологий
Ульяновского государственного университета
(Ульяновск, Россия)



Несмотря на окончание холодной войны, темпы милитаризации мира во многом сохраняются. Обращаясь к признанному международному индексу милитаризации (GMI), Россия, занимавшая в 2000 г. седьмую позицию, уже в 2009 поднимается на пятое место. Более того, по данным GMI за 2017 г., рейтинг России вновь растет (четвертое место), что, безусловно, указывает на сохранение тенденции милитаризации. Однако, если обратить внимание на применяемую методологию, выяснится, что упомянутый индекс рассчитывается из сугубо экономических и демографических показателей (соотношение военных расходов к ВВП, численность армии к населению) [3. — С. 11]. В конечном итоге важный аспект дискурсивного пространства в проблемной плоскости милитаризации отделяется вниманием.

Поэтому в сложившейся ситуации актуально изучить информационные потоки. И таким образом определить

место милитаризованного контента в российской действительности, установив ключевые качественные и количественные характеристики.

Было организовано контент-аналитическое исследование, в котором, при отборе типа информационного источника и формата вещания, автор руководствовался наличием высокой численности аудитории. Наиболее подходящим под цели исследования оказалось телевидение, а точнее — новостные прайм-тайм передачи. Так как телевизионные новостные выпуски такого формата в отличие от газетных публикаций или сообщений информационных агентств существенно ограничены в количестве и длительности новостных сюжетов, что привносит элемент жесткой квантификации материала [2. — С. 98].

Была сформирована группа из 10 телеканалов, в которой происходил отбор объектов по соответствию следующим критериям: 1) вхождение

в «Топ-10» по цитируемости другими средствами массовой информации [3], 2) наличие свободного доступа к архивам новостей, 3) наличие итоговой ежедневной новостной передачи в будние дни с 19:00 до 23:00, в выходные с 15:00 до 01:00. В итоге для исследования были определены следующие телеканалы: «Первый канал», «Россия 1», «НТВ».

Хронологические рамки охватили отрезок с 1 мая 2017 г. по 31 апреля 2018 г. (сбор данных проводился в период с мая по июнь 2018 г.).

Объектом распознавания в новостных сюжетах выступает утверждение. Такая единица анализа, как утверждение, должна содержать идею военного превосходства, непримиримости межгосударственных интересов или применения военной силы [5]. Единица счета — длительность, измеряемая в минутах и секундах, и интенсивность, измеряемая в количестве новостных выпусков за год. Также задействованы и качественные показатели, классифицирующие «новостной сюжет» в соответствии с 1) типом новости, 2) форматом сообщения, 3) маркером содержания.

Исходя из предварительной интерпретации новостных программ, удалось выделить три взаимоисключающие категории милитаризованного новостного сюжета, за которыми закрепляются соответствующие условные утверждения: 1) военное обеспечение, 2) военный конфликт, 3) стратегическое действие.

Первой категории соответствуют те утверждения, которые касаются комплекса мероприятий, направленных на повышение военных сил армии. Таковыми будут считаться — проведение силовых подготовок, модернизация оружия и перевооружение армии, публичные встречи первых лиц с повест-

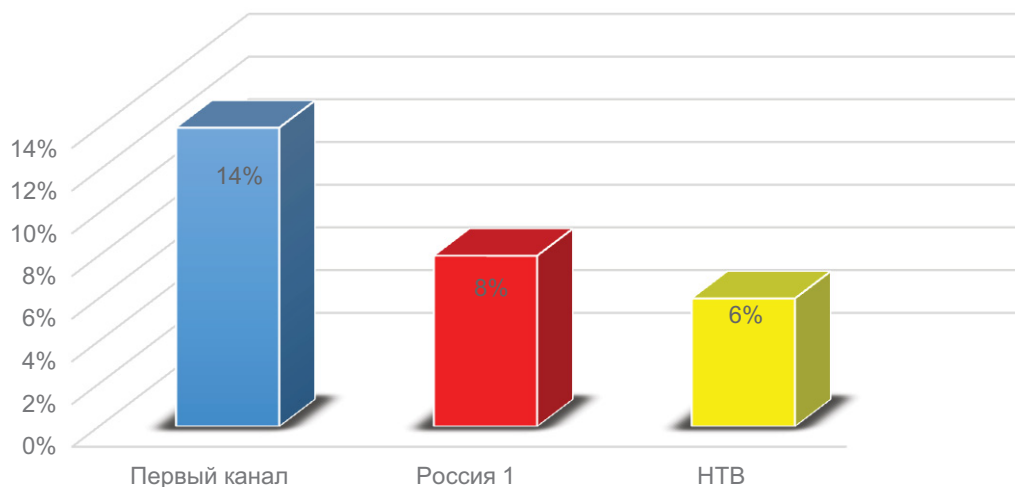
кой наращивания ВПК и т.д. За категорией «военный конфликт» закрепляются те утверждения, которые связаны с областью проблемы двухстороннего использования военного насилия и направлены на активное освещение применения насилия одной из сторон конфликта по отношению к другой. Третья категория «стратегическое действие» в целом соотносится с утверждениями о фактах действий физического или вербального характера в пространстве интересов двухсторонних отношений. Ключевым моментом является то, что утверждение должно вмещать в себя идею потенциального противоречия, а само действие реализуемо исключительно в военно-стратегической сфере. Такие утверждения чаще всего связаны с фактами межгосударственных отношений, в частности, с пренебрежением или несоблюдением военных соглашений или угроз расширения военного потенциала одного государства по отношению к другому.

Также новостные сюжеты группируются по 1) формату сообщения и 2) маркеру содержания. Тип сообщения — номинальная шкала, по которой ранжируется форма сюжета. В исследовании выделяется два вида новостного выпуска: информационный, аналитический. За первым типом закрепляются новости с наиболее «чистой информацией», не содержащие различного рода «наслоений» — комментарии авторов или ведущих. И наоборот, аналитический тип отражает взаимосвязь тех или иных событий, процессов, более того, сюжет сопровождается постановкой проблемы. Маркер содержания — является порядковой шкалой, где в расстоянии чисел от 1 до 6 классифицируется новость от рационального повествования до эмоционального [6. — С. 7].

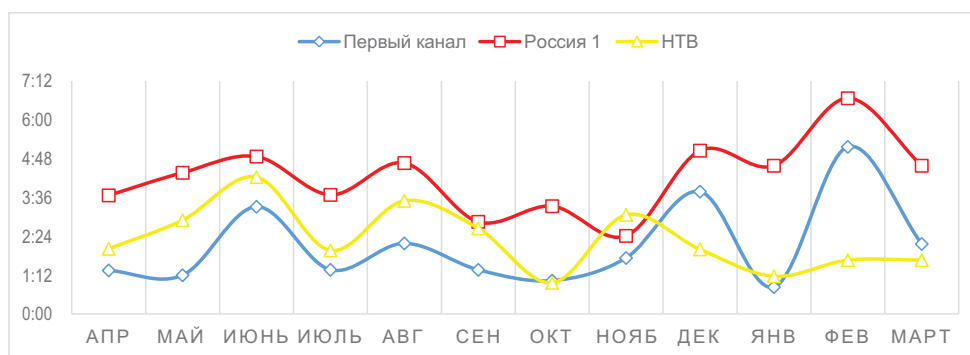
Таблица 1. Бланк сбора данных

Источник	Дата, продолжительность	Тип новости	Формат сообщения	Маркер содержания

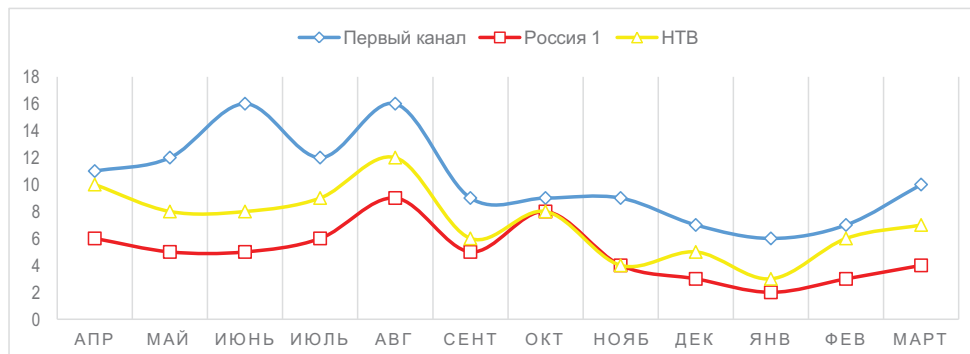
Процентное соотношение милитаризованных сюжетов к совокупности всех сюжетов за год



Динамика длительности милитаризованных сюжетов



Динамика интенсивности милитаризованных сюжетов



В ходе анализа полученных результатов принято решение разделить последующую работу на два направления: структурный и интерпретативный анализ. В первом случае автор обращает внимание на результаты таких количественных показателей, как длительность и интенсивность. Во втором направлении ведется работа с показателями, отображающими содержательную сторону милитаризированных сюжетов: тип новости, формат сообщения, маркер содержания.

Структурный анализ

В новостных передачах «Первого канала» за год был зафиксирован 251 случай милитаризованного сюжета. Совокупная длительность подобных выпусков за год составляет 11 часов 11 секунд. На телеканале «Россия 1» обнаружено 118 сюжетов, с общей длительностью 9 часов 18 минут. Результаты телеканала «НТВ» оказались самыми низкими по длительности — 7 часов 25 минут, одновременно имея усредненное значение по количеству милитаризованных сюжетов — 169 за год.

Помимо одномерных распределений для двух переменных составлен график динамики во временном отношении, где на оси Y месяца с мая 2017 г. по апрель 2018 г., а на оси X, в первом случае совокупная длительность, во втором интенсивность милитаризованных сюжетов. Средний показатель представлен в значении медианы.

Так, из полученных результатов окажется, что «Первый канал» наиболее из прочих заинтересован в милитаризованных сюжетах. Практически каждый шестой сюжет является военизированным. Однако, они характеризуются короткой продолжительностью по сравнению с другими телеканалами. Можно предположить, что «Первый канал» придерживается количественного подхода в трансляции подобного контента: информационный потребитель

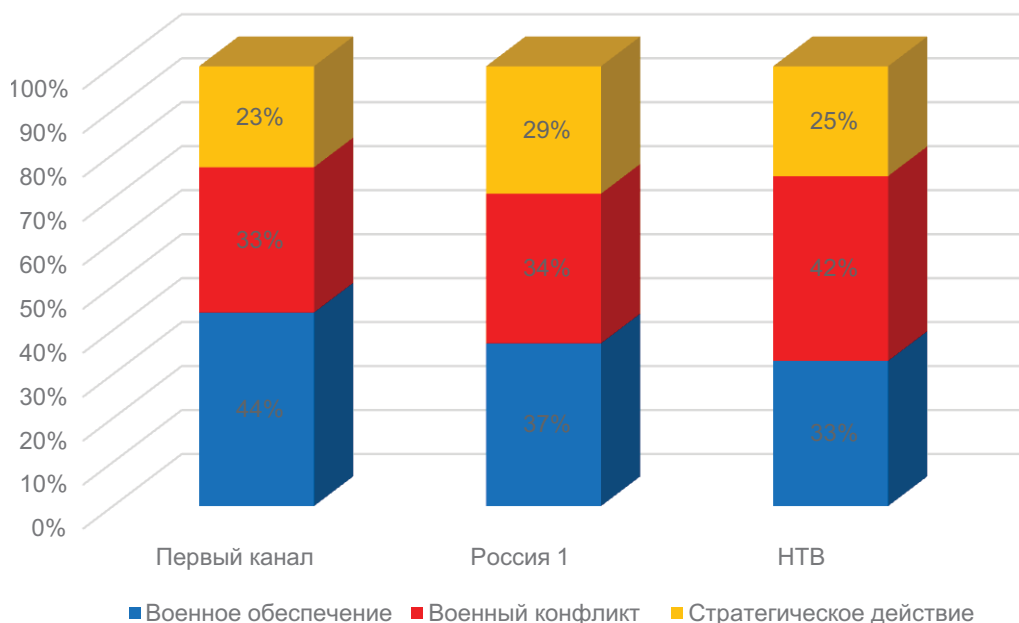
так или иначе ежедневно воспринимает новости военизированного типа, но чаще всего сюжетно «ужато». Стоит обратить внимание, что в период зимы действует обратная стратегия: длительность милитаризованных сюжетов увеличивается, но совокупность интенсивности уменьшается. Скорее всего, подобный «сезонный маневр» связан со спецификой зимних праздников, но является сам по себе показательным.

Стратегия построения структуры вещания милитаризованных сюжетов на телеканале «Россия 1» является обратной «Первому каналу». В течение года наблюдается низкая интенсивность новостей, в среднем, около 10 милитаризованных сюжетов за месяц, но их длительность наиболее растянута в сравнении с остальными информационными источниками. Таким образом, «Россия 1» в контент-производстве военизированного типа сюжета ведет более осведомительную политику, «погружая» информационного потребителя в милитаризованный сюжет. Но есть и сходства, как и в случае с «Первым каналом», присутствует практика «сезонного маневра» в зимний период.

Как правило, график интенсивности и длительности «НТВ» движется между значениями «Первого канала» и «России 1». Более того, графики «НТВ» повторяют контуры роста и падения. Поэтому на данном телеканале мы сталкиваемся со «сдержанно-пропорциональным» типом конструирования милитаризованного контента. Также стоит отметить, что на «НТВ» отсутствует «сезонный маневр»: в период зимы уменьшается как длительность сюжетов, так и интенсивность.

Таким образом, сложилась картина, из которой видно, что телеканалы во многом различаются в способах построения милитаризованных сюжетов. Кроме того, телеканалы по-разному оценивают роль данной тематики, что, скорее всего, продиктовано расхождениями аудиторий информационных

Распределение контент-аналитических категорий



потребителей и разным способом позиционирования себя на телерынке.

Интерпретативный анализ

В данном исследовательском направлении производится попытка установить контекстуальные особенности милитаризированных новостных выпусков, обнаружить типичные сюжеты, выявить возможную взаимосвязь между типами новостей, характером повествования и содержанием.

Фаворитом среди тем на «Первом канале» является «военное обеспечение» (44%). При этом телеканал во много разворачивает милитаризированный сюжет в формате «информационного сообщения» (76%), сопровождая сюжет фактологическим материалом. Касательно содержательного пласта, то в основном он базировался вокруг дескриптивных описаний, что относится к рациональному уровню повествования. Из этого можно сделать вывод, что политика «Первого канала» склоняется к умеренной актуализации милитаристского дискурса, в частности в области

военного потенциала России, придерживаясь «мягких» способов конструирования сюжета. Телеканал прибегает к высокочастотному информированию милитаризированными новостями, но чаще подача информации происходит в «чистом» виде.

На «России 1» наблюдается более комбинированный подход к построению тематик внутри милитаризированного сюжета. Разрыв между верхним значением (военное обеспечение — 37%) и нижним (стратегические действия — 29%) составляет лишь 8%. Похожий подход обнаруживается и при выборе формата: информационное сообщение — 55%; аналитический — 45%. Кроме того, данный телеканал наиболее часто прибегает к эмоциональному повествованию среди прочих источников. Таким образом, имея невысокую интенсивность милитаризированных сюжетов, телеканал преуспевает в качественном аспекте, конструируя обширный спектр разнонаправленных сюжетов в границах милитаризированной проблематики. «Россия 1», сочетая растянутую длительность сюжетов и

эмоциональное повествование, возможно, оказывает более сильное воздействие на информационного потребителя, чем «Первый канал».

Исходя из полученных данных, «НТВ» выбивается из общей картины. Если на предыдущих телеканалах тема «военного обеспечения» доминирующая, то в случае с «НТВ» популярной темой выступает «военный конфликт» (42%). Канал наименее из представленных включен в милитаристский дискурс. Начиная с разбора количественных переменных, НТВ занимает последние позиции по интенсивности и длительности, а также на телеканале отсутствуют явные технологии поддержания информации милитаристского характера в то время как на остальных телеканалах присутствует «сезонный маневр». Канал в большинстве случаев не создает разного рода «наслоений», комментариев, а прибегает к форме информационного сообщения (75%).

По окончании исследования можно сделать следующие выводы.

Факт милитаристского дискурса присутствует на каждом телеканале, однако, можно говорить о разной степени актуальности и заинтересованности телеканала в его формировании. Так, «Первый канал» чаще остальных обращается к милитаристскому дискурсу, но в границах проблемы военного обеспечения. Подобная специализация сюжета, возможно, свидетельствует о

лоббизме интересов в популяризации российской армии, повышении престижа военных и демонстрации достижений в области вооружения. Телеканал «Россия 1» не так часто обращается к милитаристской тематике, тем не менее для него важны все области военизированной проблематики. «НТВ» наименее из прочих актуализирует милитаристский дискурс.

Каждый телеканал демонстрирует самостоятельные способы построения новостей военизированного типа. «Первый канал» придерживается количественной стратегии, в которой средний сюжет ужат по длительности, а в нем преобладает информация фактологического характера, что позволяет более интенсивно заполнять новостную сетку. У «России 1», напротив, менее мобильные сюжеты, они растянуты в длительности, более часто встречается аналитический тип повествования, более того, телеканал прибегает к эмоциональному освещению событий. Таким образом, хоть телеканал менее часто обращается к милитаристской тематике, но по способу актуализации в глазах потребителей, возможно, оказывает равное или большее влияние, чем «Первый канал». Способ построения сюжетов на «НТВ» более приближен к «Первому каналу», тем не менее является более сдержанно-пропорциональным.

Литература

1. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. — Х: Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
2. Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. — М: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
3. Топ-10 самых цитируемых ТВ-каналов — 2017 год // <http://www.mlg.ru> — URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5766> (дата обращения: 12.09.2018).
4. Global Militarization Index 2017 // <https://www.bicc.de> — URL: https://www.bicc.de/uploads/tx_bicctools/GMI_2017_e_2017_01_12.pdf (дата обращения: 12.09.2018).
5. Handbook of the Sociology of the Military / G. Caforio, W. von Bredow, T. Lindemann, M. Martin. — Springer, 2006.
6. Park S., Shoieb Z., Taylor R. Message Strategies in Military Recruitment Advertising: A Research Note. — Armed Forces & Society, 2016.

ФОНД ПОДДЕРЖКИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ «РЕКУРСИЯ»: МЕНТОРСКИЙ ПРОЕКТ

Автор

Божко Дарья Евгеньевна

PR-менеджер Фонда «Рекурсия»



Несмотря на изобилие вне-учебных лекций и занятий, современные университеты остаются слабо ориентированными на решение главной задачи — проблемы трудоустройства своих студентов. Как правило, на раннем этапе становления выпускников этим занимаются вузовские или факультетские центры карьеры, которые сотрудничают с небольшим числом официальных партнеров университета и в силу непростой рыночной конъюнктуры оказывают посильную помощь избранному числу выпускников. Добиться поставленных целей непросто, особенно если студент смутно представляет себе, что для этого нужно. Не секрет, что диплом в наше время — это лишь первый шаг к туманным карьерным далям. Чтобы пройти весь путь, необходим тот, кто осветит дорогу, возьмет за руку и — поведет. Необходим наставник.

Согласно многочисленным социальным исследованиям, наличие наставника вдвое увеличивает шансы на построение успешной карьеры, а у 80% топ-менеджеров крупнейших мировых компаний были или есть менторы. Менторство можно смело считать новой развилкой в развитии современного общества. Зародившись еще в Древней Греции, феномен наставничества настолько естественно вписался в линейку социальных наук, что его впору

называть «невидимой рукой» рынка человеческого капитала.

Карьерное наставничество для студентов — это процесс передачи уникальных знаний и опыта от старшего поколения младшему, призванный раскрыть в ученике скрытый потенциал, развить профессиональные навыки и таланты, а также способствовать карьерному росту подопечного.

Оптимальное решение проблемы поиска наставника родилось усилиями самих студентов и выпускников. Речь идет о менторских проектах, выступающих своеобразными посредниками в миссии объединения инициативных молодых специалистов и уже состоявшихся опытных экспертов. Такие проекты работают на бесплатной основе как для студентов, так и для менторов, а разработкой методологии менторства и курированием менторских пар занимаются волонтерские команды.

Найти наставников студентам, выпускникам и молодым специалистам помогает Фонд поддержки образования и науки «Рекурсия», созданный инициативными выпускниками МГУ имени М.В. Ломоносова. В сентябре 2016 г. Фонд запустил менторский проект, главная цель которого — формирование системы взаимодействия между опытными менторами и молодыми специалистами (менти). На площадке www.mentornetwork.ru собраны активные и

увлеченные специалисты различных профессий, открытые к формированию качественного взаимовыгодного сотрудничества. Команда проекта профессионально подходит к вопросу наставничества и работает над методологическим развитием проекта, проводит обучающие тренинги для менторов и мероприятия для студентов. Среди достижений менторской программы:

- победа в акселераторе социальных проектов Благосферы (2017),
- официальная поддержка от НИУ ВШЭ и ИТМО,
- гранты от Фонда президентских грантов и Правительства Москвы (2017, 2018),
- включение в список стратегических проектов Агентства стратегических инициатив.



Андрей Афанасьев — генеральный директор iVinom, биоинформатик, ментор, выпускник физического факультета МГУ

Одна из ключевых идей, которую стремятся распространить организаторы, заключается в следующем: менторская консультация — неоспоримое преимущество молодого специалиста на рынке труда. Не нужно ждать, когда вас заметит профессионал вашего дела, — бесплатная стартовая платформа с десятками экспертов уже работает.

Нужно лишь продумать, чего вы ждете от менторского сотрудничества, и смело подавать заявку на сайте проекта. Команда менторского проекта убеждена, что нельзя терять время и ждать, что карьерный путь начнется сам собой. Менторская поддержка — хорошее подспорье и правильный первый карьерный шаг для выпускника, которому небезразлично его будущее.

На сайте менторского проекта студенты могут найти анкеты выпускников, которые готовы дать профессиональные советы. При поиске подходящего ментора можно отфильтровать анкеты и выбрать представителя интересующей сферы. После того, как ментор выбран, заполняется заявка, которая передается на рассмотрение ментору. Если после ознакомления с анкетой ментор соглашается помочь студенту, Фонд организывает первую встречу. После начала работы длительность взаимодействия и частота встреч устанавливается согласно договоренности между менти и ментором.

Команда «Рекурсии» постоянно работает над расширением базы менторов, готовых на волонтерских началах консультировать и поддерживать студентов и выпускников — в базе уже 280 опытных специалистов из науки и бизнеса. Менеджеры сопровождают взаимодействие между ментором и менти, оказывают возможную поддержку. Ведется непрерывная работа над совершенствованием методологии; так, недавно была введена система дневников ментора и менти для контроля и удобства всех участников процесса.

На настоящий момент в менторском проекте «Рекурсии» продолжают дорабатываться три формата взаимодействия.

Разовые консультации — это формат «вопрос — ответ», идеально подходящий для наиболее занятых менторов. Вопросы будут связаны со специализацией ментора, а наиболее популярные ответы будут отображаться на сайте.



На церемонии вручения стипендий студенты пообщались с выпускниками университета об учебе, науке и менторстве

В рамках *долгосрочного менторства* планируется плотно курировать взаимодействие пар в течение около трех месяцев, устанавливать конкретные цели, задачи, инструменты их достижения и внимательно отслеживать результаты.

В рамках *бизнес-консультаций* проект будет помогать людям из бизнес-среды устанавливать деловые контакты с менторами.

На базе менторского проекта команда «Рекурсии» стремится создать удобный и интересный формат не только для взаимодействия между менторами и менти, но и для сотрудничества и общения менторов и команды организаторов Фонда. Специально для менторов «Рекурсии» разрабатываются тренинги-семинары с участием психологов для повышения эффективности работы и максимального погружения в атмосферу наставничества. На менторских встречах обсуждаются планы по развитию проекта, уделяется особое внимание формам взаимодействия между ментором и менти, разрешаются отдельные психологические вопросы межличностного общения со студентами.

В сотрудничестве с экспертами в сфере наставничества команда «Рекурсии» активно работает над популяризацией менторского проекта, стараясь развиваться в сфере социальных проектов и некоммерческих технологий и привлекать активных молодых людей в работу общественно значимых программ. В рамках этого направления проводятся открытые семинары и тренинги с участием менторов и студентов.

Перечисленные проекты и направления развития — лишь часть большой работы, которой занимается Фонд «Рекурсия». Помимо поддержки менторского проекта, направленного на карьерное развитие старшекурсников и выпускников, Фонд организует дополнительные стипендии студентам 1–2-х курсов МГУ имени М.В. Ломоносова из регионов или из социально незащищенных слоев населения, а также участвует в реализации других проектов, связанных с совместной деятельностью выпускников. Целью социального проекта является объединение поколений выпускников и студентов для взаимопомощи и поддержки молодых специалистов.



Команда Фонда поддержки образования и науки «Рекурсия»

«Рекурсия» работает по принципу краунфандинга: стипендиальный фонд формируется исключительно благодаря добровольным взносам выпускников МГУ. Собранные средства распределяются для выплат единоразовых дополнительных стипендий для студентов 1–2-х курсов МГУ, а также на поддержку творческих проектов студентов.

Получить стипендию Фонда «Рекурсия» на конкурсной основе могут студенты 1–2-х курсов из регионов или из социально незащищенных слоев населения, проходящие обучение на очной форме программ бакалавриата и специалитета и сдавшие сессию на оценки «отлично» без пересдач.

Команда «Рекурсии» уверена: на младших курсах необходима материальная поддержка студентов, которая позволит им погрузиться в учебный процесс, не отвлекаясь на подработки. На старших же курсах более актуален вопрос последующего трудоустройства и профессионального самоопределения. Своевременный совет или консультация опытного специалиста

могут стать первым этапом большого карьерного пути для начинающего специалиста. Здесь на помощь приходят выпускники, готовые выступать в роли менторов и на волонтерских началах делиться своим опытом и знаниями. Потом студенты защищают дипломы, сами становятся выпускниками и начинают поддерживать новые поколения студентов. Именно эта система и дала название Фонду «Рекурсия».

Фонд «Рекурсия» всегда с радостью приветствует молодых специалистов, которым требуется помощь профессионала, и наставников, готовых поделиться своим опытом и раскрыться в новых для себя аспектах деятельности!

Фонд поддержки образования и науки «Рекурсия» (Свидетельство Министерства юстиции РФ о государственной регистрации в реестре НКО №7714014997 от 18.05.2015). Цель Фонда — развитие взаимодействия между выпускниками и студентами. Больше информации о деятельности фонда можно найти на сайте www.refund.ru и www.mentornetwork.ru

SUMMARY

SECTION I. SOCIO-POLITICAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF COMMUNICATION IN THE NEW DIGITAL REALITY

Political communications as a tool for constructing a modern socio-political reality

Abstract. In this article the methods used by the subjects of political communication for constructing a modern mass socio-political reality are observed. It is noted that at present these methods differ from previous ones, the phenomenon of “transmedia” plays a significant role in this process. It is especially stressed that the existing media culture to a greater extent meets the interests of high social actors. Taking into account the analysis of various sources, it is concluded that the most important role of media is in constructing social reality.

Key words: media, political communications, mass media, transmedia, media culture, simulation.

Authors:

- Sergey Volodenkov, Doctor of Political Science, Professor at the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
- Dmitrii Chulkov, Master student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The Archives in the Contours of knowledge society

Abstract. The article deals with the postmodern idea of archiving, which was born in the times preceding the personal computer, and from the very beginning carried the sign of the true paradox. This paradox has always fluctuated between the impossibility and the technical feasibility of archiving. Today, the whole question of archiving principles has returned completely.

The author believes that the PC made archiving possible, efficient and economical. Every knowledge has now become integrated, but the PC has removed only the difficulties of physical integration, but has not completed the randomness of the integration process. The PC even legitimized the idea that technical integration does not necessarily have to go along with conceptual integration. As a result, the archiving has evolved in the direction of the encyclopedic nature of randomness, while the great ENCYCLOPAEDIA of the eighteenth century, despite its lexical structure, was interesting for its true integration of knowledge. Archiving also socializes knowledge and the new social category becomes not just the category of our days, but the category of a new type.

Key words: archive, world network, democracy, Borges, Foucault, integration of knowledge, postmodern mass culture, socialization of knowledge.

Author:

- Endre Kiss, Professor for History of Philosophy, the Eötvös Loránd University, Professor for German Literature, Founder of the Center for Postmodernism (Budapest, Hungary).

SECTION II. THE TECHNOLOGY OF THE BLOCKCHAIN AND THE DIGITAL ECONOMY IN MODERN POLITICS

Political aspects of the digital economy development: factor of e-money

Abstract. This article is devoted to the generalization and evaluation of electronic money to clarify its potential impact on development of political environment of states and international relations in prospect. The article establishes a set of areas of maximum pressure on the political component of the state. The author highlights the corporatization of the digital economy, changes in the market of distribution and specialization of labor at all levels, as well as elements of displacement of the state due to the crisis of confidence. The author concludes that today the state as an institution is doomed to catch up with technology and adapt to its new capabilities. The evolution of electronic money hints at significant political risks and calls for States to be ready for transformation. Some States will refuse such transformation through the introduction of prohibitive laws, they are likely to be on the side of the digital economy. Others will find way to come to terms with the evolution of e-money, but that does not guarantee prosperity and success in the future. The transnational nature of new types of electronic currencies has all chances to “push” national institutions of states and states themselves into the background, leaving the monetary tribune to corporations or non-ocrats.

Key words: cryptocurrencies, netocracy, bitcoin, digital money, electronic money, digital economy, decentralized currencies, political influence of cryptocurrencies.

Author:

- Levi Dmitry, Associate Professor of European studies Saint-Petersburg state University, candidate of political Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

Prospects and problems of applying blockchain technology to elections in Russia and abroad

Abstract. The article considers and analyzes the problems and prospects of using blockchain technology to elections in foreign countries, such as the United States, Australia, Indonesia, Sierra Leone, and Russia. The author of the article suggests the use of blockchain technology in elections in Russia along with the traditional voting with the help of ballots at any level. It is suggested that the use of this technology in elections of the Federal, regional and municipal levels will effectively combat electoral absenteeism, increase voter turnout, make the electoral process more transparent. Both advantages and negative aspects of the use of blockchain technology in elections are revealed.

Key words: blockchain technology, elections, electoral system, election campaign, electronic (digital) wallet, electronic voice, electronic voting.

Author:

- Roman Alekseev, associate Professor, Department of political science and law, Moscow state regional University, candidate of political Sciences (Moscow, Russia).

SECTION III. LAW AND DEMOCRACY IN THE NEW DIGITAL AGE

Digital transformation and human rights

Abstract. Modern digital technologies has generated processes of revolutionary changes in modern society - the so-called "digital revolution", "digital" transformation of social relations, which is expressed in the use of modern digital technologies in various spheres of human activity and as a factor of dynamic development has led to the creation of "digital economy", the formation of institutions of "digital" law, a new configuration of social relations based on the use of social networks, the Internet and other information and communication technologies. Modern digital technologies form a new way of production, create preconditions for the transition to a new socio-economic formation, to the digitalization of social relations and the law governing these relations. The author comes to the conclusion that digital transformation has the most direct impact on the implementation of fundamental human rights, contributes to the emergence of new human and civil rights as a participant in the global information and digital space. The fruits of digitalization require understanding and adequate formulation of the legal mechanism of regulation, implementation and protection of existing and emerging human rights for sustainable socio-economic development, ensuring the implementation of constitutional rights and freedoms of man and citizen.

Key words: digital revolution, digitalization of law, human rights, protection of constitutional rights, human rights and freedoms.

Author:

- Alexander Carchia, Professor of the Department of civil law, Gubkin Russian state University of oil and gas (national research UNIVERSITY), candidate of law (Moscow, Russia)

Democracy and the digital divide

Abstract. This article is devoted to the question of the existence of a connection between the process of improving the socio-political system and the process of dissemination of information and communication technologies (ICT). Existing the tradition is based on the idea of scientific and technological progress as the most important the factor of socio-political development, however, is it really so? Analysis statistical data shows that despite the existing correlation between the spread of ICT in the country and the degree of perfection of socio-political systems, in practice, overcoming the country's digital backlog does not mean that democracy and freedom will flourish. We should remember that any technology, information and communication, are just a tools and the use of them can give both positive and negative effects.

Key words: democracy, digital inequality, democracy index, information and communication technologies, Internet, quantitative analysis

Author:

- Artem Karateev, associate Professor Department of history and theory of politics, faculty of political science, Lomonosov Moscow State University, candidate of history (Moscow, Russia)

SECTION IV. INTERNATIONAL ASPECTS OF DIGITAL DEVELOPMENT

Digital regional studies of the greater Mediterranean: the contours of the research program

Abstract. The article deals with the subject and methodological problems of modern regional studies. On the basis of a critical dialogue with the approach of “world integrated regional studies”, the authors propose a project of an original research program for the study of one of the macro — regions-the Great Mediterranean. The article proposes a special subject section of regional studies-macroregion or metaregion Of the great Mediterranean, which is deployed in a large (historical) time. The integral role of political science in the study and geostrategic design of macro-regions is shown. The approach typical for the Russian school of international studies in understanding the processes of regional development is demonstrated. Some possibilities of digital Sciences and technologies in modern regional studies are outlined.

Key words: regional studies, world complex regional studies, macroregion, metaregion, Great Mediterranean, digital technologies.

Authors:

- Ivan Chikharev, director of the Institute of social Sciences and international relations of Sevastopol state University, candidate of political Sciences (Sevastopol, Russia)
- Vasily Brovko, postgraduate student of the Institute of social Sciences and international relations of Sevastopol state University (Sevastopol, Russia)

International information security: General characteristics and Russian approach to the study

Abstract. The twenty-first century marked a qualitatively new stage of development, the key characteristic of which is the active use of information and communication technologies (hereinafter — ICT). In the era of global Informatization, the presence of a state in the world wide web forms its positive image abroad, affects the climate of relations with other actors, and is also considered as an important tool for promoting and protecting national interests. The vulnerability of the digital sphere, coupled with the unique capabilities of advanced ICTs, contributed to the emergence of a new type of weapon — information, and information security has become one of the main issues on the world agenda. Russia is taking serious steps to ensure information security not only in the framework of state policy, but also in the international arena. However, the existing contradictions in the approaches of Russia and the West have caused the absence of a generally accepted conceptual framework and international rules of conduct in the information space.

Key words: international information security, information space, information weapons, cyberwarfare.

Author:

- Victoria Yushchenko, master of international relations MGIMO university (Moscow, Russia)

SECTION V. ARTICLES OF PARTICIPANTS OF THE CONTEST: “BEST ARTICLE BY A YOUNG POLITICAL SCIENTIST — 2018”

Telegram channel as a platform for political communication

Abstract. The purpose of this article is to study the possibility of political communication through Telegram channels, the use of Internet platforms as alternative sources of information, the formation of public opinion, the consolidation of civil society and the management of protest moods. The article analyzes manipulative component of information supply through publication in a channel, as well as the role of Telegram in the formation of information agenda.

Key words: Telegram channel, information agenda, public opinion, protest activity, blogs.

Author:

- Evgenia Mokray, post-graduate student of Donetsk national University.

Features of political discourse in Russia in the digital era

Abstract. Digitalization and technologization of public life have led to the fact that the socio-political discourse is now built not only in the offline space, but also modeled in social networks, platforms, blogs and forums. The article is devoted to the study of Russian political discourse emerging in the online space. The paper also discusses the features of the formation of Russian public policy on the basis of the transformation of political discourse into an online space, communication of political actors and citizens, government institutions and Internet users.

Key words: public policy, political discourse, online space, offline space.

Author:

- Maria Nikolaeva, postgraduate Kuban state University (Krasnodar, Russia)

Management of mass consciousness. Already on your TV

Abstract. The film industry has already ceased to be just entertainment and a time of forwarding. The film industry carries a significant political and ideological burden. Making of films and serials is influenced by political actors. Based on the results of the study, the author concluded that the modern film industry is a powerful tool for influencing and manipulating mass consciousness. The level of influence on the whole world depends on the promotion of one's product.

Key words: information war, hybrid war, soft power, film propaganda, political technologies, targeting.

Author:

- Sergey Sakulin, postgraduate student of the Department of Political Science and Law of the Moscow State Regional University (MSRU), researcher of the Department of Diaspora and Migration of the Institute of the Countries of the Union of Independent States (Moscow, Russia)

A new digital era: fundamentals of information security in Russian state policy

Abstract. The article deals with the politicization of public relations in the digital sphere, highlights the key trends of this process, analyzes the fundamental documents of the state policy of Russia in the field of information security — the response of the state to changes in the external digital environment.

Key words: Internet Balkanization, cyberattacks, information security, digital economy.

Author:

- Konstantin Sadov, student of the faculty of political science Lomonosov Moscow state University (Moscow, Russia)

The militarization of information space on the example of television news

Annotation. The article deals with the problem of militarized content of contemporary Russia. Development of information transmission realities gives the opportunity to conclude that such conditions make it possible to form certain discursive practices in communicative space, e.g. for politics. Militarized discursive practice is considered as an element of political media. The author analyses TV news content using the methodology of content-analysis and elements of statistic analysis.

Key words: militarization, media, news, content analysis.

Author:

- Ivan Safonov, student faculty of Humanities and social technologies Ulyanovsk state University (Ulyanovsk, Russia)

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL PROJECTS

The Fund of support of science and education “Recursion”: the mentoring project

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира. Последующие номера нашего журнала будут посвящены следующим темам:

- Политические исследования в России и Море — Political studies in Russia and the World (выпуск на английском языке).
- Современные социально-политические процессы на пространстве Евразии.
- Научные исследования молодых политологов. Третий специальный выпуск по итогам международного конкурса «Лучшая статья молодого политолога — 2019».
- Современные социально-политические процессы в странах Латинской Америки.

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале. Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания. Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru.

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения: *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные на русском и английском языке.

5. Допускаются только затекстовые библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносков для библиографических ссылок не допускается.

6. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходимости, страницы цитирования в квадратных скобках. Допустимые обозначения: [1. — С.196] [2. — С.330–332] [3] [4; 5; 7].

7. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Примеры оформления библиографических ссылок: <http://schola.su>

8. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

9. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

10. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

11. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

12. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

ВАСИЛЕНКО ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА — профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МОШНЯГА ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — профессор департамента политических и административных наук факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета, доктор политических наук (Молдова)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ШУТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — декан факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока, помощник директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований, кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — главный редактор журнала «Русская политология — Russian political science», кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕЖОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗВЯГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КВАШОНКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ — доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЕМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ЛАРИНА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА — преподаватель кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского, кандидат политических наук

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

РУДНИЦКАЯ АНАСТАСИЯ ПАВЛОВНА — доцент кафедры политологии и международных отношений Российского государственного социального университета, кандидат политических наук

САЖИНА ВАРВАРА АНДРЕЕВНА — доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, руководитель отдела внеаудиторной работы со студентами факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат социологических наук

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, начальник отдела учебно-методической работы факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани, PhD (political science), PhD (law) (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

ГОРОХОВ АНДРЕЙ — главный редактор

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора

КАРАВАЕВА МАЙЯ — корректор

ШАДСКАЯ МАРИЯ — советник-лингвист по переводу текстов (английский, французский)

СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям

БОЛДИН ВЛАДИМИР — советник по взаимодействию с российскими и международными системами научного цитирования

МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник по вопросам международного взаимодействия

ЗУРНАДЖАН ГОР — советник по взаимодействию с органами государственной власти и общественными организациями.

АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер

Отдел редакции по работе с англоязычными политологами

МАТИЕШИНА АНТОНИНА — консультант отдела

Отдел редакции по работе с испаноязычными политологами

ДАШКИНА ИРИНА — советник отдела

МАТЮСОВА АНАСТАСИЯ — советник отдела

ХОЛОДКОВА АННА — советник отдела

ЮЩЕНКО ВИКТОРИЯ — советник отдела

Отдел редакции по работе с итальяноязычными политологами

ЛОЩИЛИНА МАРИЯ — советник отдела

**Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77-66809**

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77-66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А.А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 4(9), 2018 год
Подписано в печать	30.12.2018
Цена	Бесплатно

**Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77-67389**

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77-67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 4(9), 2018 год
Подписано в печать	30.12.2018
Цена	Бесплатно